

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

ЭТНОСОЦИУМ

и межнациональная культура

№ 8 (182)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2023

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Рыбаков С.В. О некоторых линиях становления и развития политологии.....9

Грядунов Ю.Ю. Понятие и основные направления развития государственной политики по укреплению традиционных идейных ценностей среди населения России.....17

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Галаганова С.Г. Традиция и архаика в аксиологическом измерении.....25

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гапоненко Л.Б. Правовые основы системы социально-экономических гарантий сотрудников МЧС России.....35

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Полончук Р.А. Военные доктрины США и КНР: геополитические аспекты сдерживания в современных условиях.....42

Оян Мэйхэ, Сунь Ань
О функции нравственного воспитания литературы как курса, на примере курса английской литературы.....52

Боярский П.В. Влияние миграционной политики Германии на процесс приема просителей убежища во Франции после Европейского миграционного кризиса 2015 года.....62

<i>Гасанов Эльмин Агамуса оглу</i> Международное гуманитарное право в контексте современных вызовов.....	70
<i>Чжоу Яньянь</i> Российско-китайские отношения в начале XXI века: достижения и проблемы.....	79
<i>Сулейманов А.Р.</i> Евразийская интеграция во внешнеполитическом дискурсе постсоветских государств.....	87
<i>Бегларян Г.А., Калугина П.П., Половинчикова А.В., Кабышева А.Ю.</i> Шпицберген в контексте санкционного давления 2022-2023 гг.....	94

ЛИНГВИСТИКА

<i>Чжан Сяофэй</i> Сравнение словообразования и стилистических приемов китайской и русской терминов онлайн-игр.....	103
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Конев И.В., Чуев К.Г.</i> Социальные переменные проектной деятельности.....	112
<i>Напсо М.Д.</i> VR и AR-технологии в образовательном процессе.....	120

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Чжан Сяолин</i> Размышления о методике обучения на основе практики преподавания русского языка в университете – рецензия на книгу «Психология преподавания русского языка».....	127
--	-----

Аннотации.....	134
Авторы.....	149
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....	153

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign

policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОБЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

*Российская Академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Рыбаков С.В.

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры креативного управления и гуманитарных наук,
Уральский государственный экономический университет.*

О некоторых линиях становления и развития политологии

Наука об основных, базовых закономерностях и принципах политики возникла в глубокой древности. Создателем политологии как системы внятных представлений о политической жизни общества считается выдающийся древнегреческий мыслитель Аристотель, живший в IV веке до нашей эры, хотя само слово «политология» в те далёкие времена ещё не употреблялось. Аристотель дал определения существовавших тогда политических режимов, на многие века вперёд закрепив в публичном словаре такие категории как «монархия», «тирания», «аристократия», «олигархия», «демократия», «охлократия» [1, с. 42-44]. С лёгкой руки Аристотеля интерес к политике стал обязательным и неперенным атрибутом всякой более или менее системной интеллектуальной деятельности.

Накопление сведений о политике, её содержании, формах и методах шло в течение длительного времени и, стало быть, не отличалось быстрыми темпами. Формирование политологии как самостоятельного раздела науки растянулось на долгий срок; из конгломерата философско-научных знаний она стала выделяться только в XIX веке. Не в последнюю очередь это объяснялось локальными традициями, отличительными особенностями, ментальными и культурными устоями, сложившимися в разных странах. Эти отличия служили барьером к выработке единого, интегрального взгляда на политическую деятельность. Сочинения на политические темы, написанные в средние века византийцами, арабами, англичанами, итальянцами, русскими, несли на себе осязаемый отпечаток национальной специфики. К тому же эти сочинения касались либо прикладных, практических задач, либо конкретных политических событий, а до широких, претендовавших на универсальность теоретических обобщений дело доходило редко.

Как автономная отрасль научных знаний политология оформилась во второй половине XIX века, когда в ряде стран были созданы учреждения,

занимавшиеся сбором информации о политических процессах и их исследованием. В 1871 году во Франции начала работу частная Свободная Школа политической науки; в 1880 году возникла Школа политических наук при Колумбийском колледже в США; в 1895 году открылась Лондонская Школа экономической и политической науки. В каждом из этих заведений разрабатывались собственные методы изучения политической реальности, имевшие некоторые местные особенности.

Так, во Франции политическая наука развивалась преимущественно на факультетах права, обладавших во французских университетах традиционно высоким статусом. С подачи правоведов укоренилось мнение о том, что политическая наука является лишь отражением конституционного права. Абсорбируя такую точку зрения, политическая наука во Франции уделяла повышенное внимание правовым аспектам политики. Среди местных политологов долго преобладал юридический подход к анализу политических явлений. Его влияние сохранялось ещё в 1920-е – 1930-е годы, отразившись, в частности, в трудах основоположника теории институционализма Мориса Ориу.

В центр любой политико-юридической системы М. Ориу ставил институциональные объекты, видя в них выражение воли социальных групп: «Именно институты порождают нормы права, а не нормы права – институты». На первое место среди социальных институтов он вывел государство, отвергнув его договорную природу и связав его возникновение с «мобилизацией нации», с переходом правовых обычаев в документально зафиксированное законодательство, с централизацией права: «Государство – это юридическая персонификация нации, приведенной к упорядоченному и уравновешенному режиму» [8, с. 229]. Похожих взглядов придерживался ещё один сторонник юридических традиций в политологии – Леон Дюги, трактовавший государство как «силу, призванную артикулировать идею общественного единства» [3, с. 52]. Как свидетельствуют приведённые цитаты, результатом правовых изысканий французских политологов явилась идея об особой роли государства как универсального регулирующего механизма.

Эта идея утвердилась и в США, но, в отличие от французов, американским политологам не пришлось долго переминаясь на поле правовых исследований: становление политической науки в Северной Америке изначально определялось повышенным интересом к сущности, функциям и задачам государства. С течением времени этот интерес только нарастал, отразившись в целом ряде фундированных разработок. Популярностью

в университетской среде и у части политиков пользовались такие научные труды как «Государство» Вудро Вильсона и «Исследование природы государства» Уильяма Уиллогби [4, с. 420].

Изучая политические явления, американские исследователи не пренебрегали сведениями из правоведческой практики, однако не довольствовались ими, используя конкретно-эмпирический материал и сосредотачивая усилия на изучении правительственных структур. Управленческая, административная деятельность оказалась для американцев наиболее притягательным объектом изучения. Поначалу исследования по этой тематике сводились к сугубо прикладным выкладкам, но со временем появилось понимание того, что увлечение эмпирикой не несёт значимой пользы для политологии. На волне возрастания такого понимания больше внимания стало уделяться психологии участия людей в политике, мотивационным параметрам их политического поведения. Постепенно усилился запрос на изучение роли психологии в политике. Психологическая составляющая была признана важнейшим фактором влияния на политические явления, требующим специального научного анализа.

Один из основателей политической науки в США Чарльз Мерриам задался вопросом: «Разве не настало время более разумного регулирования и применения научных категорий ко всё более важным силам социального и политического контроля?». Ответ на этот вопрос он напрямую связывал с морально-этическими нормами: «Политика джунглей и научное исследование политики несовместимы, они не могут жить в одном обществе» [7, с. 166].

Ч. Мерриам призывал к существенному обновлению методов политической деятельности. Называя «величайшей задачей политики высвобождение творческих возможностей человека», он критиковал использование западными правительствами «средств, всё больше становящихся анахронизмом, – силы, страха, рутины, фетишей, престижа, эгоистических групповых интересов». Мерриама не устраивало, что «политика движется ощупью в темноте», тогда как «для достижения своих целей она должна овладеть достижениями современной цивилизации». Учёный призвал полностью избавиться от «столкновений науки и власти» [7, с. 164-165], «усовершенствовать политическое образование, обеспечить политическую информацию и развитие политических исследований» [7, с. 168].

В США стала набирать обороты отрасль знаний, получившая название «политическая психология». Последователь Мерриама Гарольд Лас-

суэл основной упор сделал на изучение политического поведения. Когда эту линию продолжили его ученики, возникло течение политологической мысли, согласующее данные своих исследований с теорией бихевиоризма. Согласно ей, поведение людей состоит из рефлексов, реакций на внешние импульсы. Говоря о реагировании индивида на сторонние сигналы, бихевиористы не отрицают роль наследственности, но главное внимание при этом фокусируют на условиях среды.

Круг вопросов, входивших в зону интересов политической психологии, последовательно расширялся, включая такие темы как электоральное поведение, политическое лидерство, политическая социализация, политические установки, политические конфликты, политическое сотрудничество, группы влияния и т.д. Шло обогащение политологии за счёт психологической науки.

Немало внимания американские политологи уделяли изучению общественного мнения. Всеобщее признание среди политологов и социологов всего мира получила книга Уолтера Липпмана «Общественное мнение», в которой он проводил мысль о том, что общественное мнение является «основанием политической жизни» [6, с. 121]. Другим направлением развития американской политологии стали исследования, посвящённые политической философии и истории политических идей. Прочный фундамент в продвижение таких исследований заложил Уильям Даннинг, автор трёхтомного труда «История политических теорий», охватившего период от древности до XIX века. Это издание сделало политическую философию и историю политических идей неотъемлемыми компонентами американской политологии.

А вот в британской политологии политическая философия и история политических учений изначально занимала ведущие позиции. Проблемами политической философии продуктивно занимался Гарольд Ласки, написавший целый ряд значимых работ по этой тематике. История политических идей и учений нашла отражение в книгах братьев Александра и Роберта Карлайлов «История средневековой политической теории на Западе» и Эрнеста Баркера «Политическая мысль Платона и Аристотеля». Кроме того, политологи Великобритании проявили определённый интерес к вопросам конституционного права.

В Германии становление политической науки, происходившее на протяжении всего XIX века, связывалось с бурным ростом научных исследований в сфере социальных отношений. Истоки германской политологии восходят к философии Гегеля, в которой много места занимали соци-

альные и политические вопросы. В особой степени Гегеля притягивала тема государства. Государство он характеризовал как некую «совершенную силу, воплощающую нравственную идею», как «субстанциональную волю – мыслящую, знающую себя и воплощающую то, что она знает» [2, с. 279]. Под влиянием Гегеля развивавшаяся после него немецкая политология в центр интересов ставила именно проблему государства. Глубоко проникнуть в суть этой проблемы удалось Лоренцу фон Штейну, автору фундаментальных восьми томов «Учения о правлении», Полю Лабанду, написавшему книги «Правовое государство в немецких землях» и «Государственный строй Германской империи», Георгу Еллинеку с его «Общим учением о государстве».

Немецкие интеллектуалы рассматривали государство в первую очередь как социально-правовой институт. Так, в трудах Л. фон Штейна государство предстало «единственным гарантом социальной справедливости и тем самым «возвысилось над всеми остальными общественными институтами и интересами». Предложенная немецкой политологией концепция социального государства включала в себя «обеспечение органического участия народа в образовании государственной воли». При этом понятие «участие народа» не отождествлялось впрямую с понятием «народное представительство», а ассоциировалось с «максимальным учётом интересов, пожеланий, самого духа народа при выработке и проведении государственной политики» [5, с. 73].

Вклад немецких политологов в развитие политической науки не ограничился работой над концептуальным осмыслением проблем, связанных с государством. Они немало сделали для продвижения исследований и в целом ряде других политологических отраслей. Так, Фридрих Ратцель представил научному сообществу образцовые критерии подходов к изучению политической географии. Роберт Михельс отметил серьёзным социологическим исследованием, касавшимся деятельности политических партий. Макс Вебер в своём капитальном труде «Политика как призвание и профессия» провёл всесторонний анализ категории «политика», а Карл Шмитт в своей монографии «Понятие политического» добавил к этому анализу немало интересного и полезного.

В конце 1940-х годов в международном научном сообществе стало укрепляться убеждение в необходимости придать политологии статус цельной, самостоятельной отрасли знания. Однако разнообразие тематических интересов и методологических подходов вело к отсутствию среди политологов единого мнения в вопросе о содержании предмета политоло-

логии. Это объяснялось в первую очередь вышеописанными различиями в политологическом опыте, накопленном в разных странах в XIX веке и первых десятилетиях XX века.

Понятие «политология» вошло в повсеместное и общее употребление после окончания II мировой войны. В 1949 году при ЮНЕСКО (международная организация, являющаяся одним из подразделений ООН и занимающаяся вопросами образования, науки и культуры) была создана Международная Ассоциация политической науки. Поскольку в послевоенном западном мире тон задавали Соединённые Штаты Америки, то это сказалось и в вопросе об унификации методологической базы политологических штудий. По настоянию американских экспертов ЮНЕСКО приняла резолюцию, в которой говорилось о важности преодоления разночтений, предлагался перечень рассматриваемых политологией проблем. К политической истории, политическим институтам, партийной деятельности и общественному мнению политологи из США и их западноевропейские партнёры приплюсовали международные отношения. Во многих европейских университетах это добавление восприняли как спорное и неоднозначное.

В последующие десятилетия разногласия среди политологов из разных стран продолжали сказываться, но приостановить процесс методологического выравнивания подходов к политической науке они не могли. Он в конце концов привёл к консенсусу: политология была обозначена как интегральная наука, включившая в себя совокупность исследований, отличающихся друг от друга предметом, методами, научным инструментарием. Суть консенсуса сводилась к признанию единого объекта, общего ядра, призванного выполнять объединительную роль для всех политологических исследований. Таким объектом и ядром была названа сущность под названием «политическая реальность».

Вторая половина XX и первые десятилетия XXI века прошли под знаком интенсивного расширения политологических исследований. Их число возрастало в геометрической прогрессии. Среди политологов выделились крупные учёные, заслужившие своими трудами весомый авторитет в научном мире, – американцы Фред Ирвин Гринстейн, Нельсон Полсби, Дэвид Истон, французы Мадлен Гравитц, Жан Лека и другие. В ряде стран стали издаваться специализированные политологические журналы. Политологию повсеместно включали в университетские учебные программы. Успехи политологических изысканий сопровождалась попытками окончательно выстроить интегральную базу для ликвидации

оставшихся разночтений в определении содержания, предмета, методов и инструментов политологии как науки. К примеру, в 1970 году в результате одной из таких попыток был создан Европейский консорциум политических исследований, со временем объединивший свыше сотни университетов и исследовательских центров.

Несмотря на целенаправленное усиление интегральных тенденций, нестыковки и несоответствия, когда-то порождённые национальными особенностями развития политической науки в разных странах, в той или иной степени сохранились и до наших дней. О том, что их не удалось полностью преодолеть, свидетельствует тот факт, что до настоящего времени в политологии отсутствует однозначное и общепринятое определение её предмета. Меры по интегрированию политологических исследований не смогли заглушить тенденцию, связанную с их дальнейшей специализацией и появлением признаков дифференциации политологии, с укреплением внутри неё автономных субдисциплин, число которых достигло уже двух с половиной десятков. Эта тенденция подкрепляется способностью политологии служить неким «перекрёстком наук», её подверженностью попадать под влияние других наук – как общественных, так и естественных. Не случайно французские аналитики М. Гравитц и Ж. Лека отметили склонность политологии усваивать «проблематику или теории, созданные для экономических, психологических или биологических исследований» [4, с. 424].

Процесс формирования политологии как самостоятельной научной отрасли далёк от завершения, он продолжает двигаться в сторону структурного усложнения. Несмотря на это, политологическая наука в её закрепившемся на сегодняшний день статусе входит в число наиболее востребованных и активно развивающихся отраслей гуманитарно-обществоведческого знания. В настоящее время научное сообщество сходится на том, что под политологией следует понимать науку, изучающую в первую очередь политические отношения вместе со всеми сопутствующими им факторами.

Концентрированным выражением политических отношений большинство политологов считает концепции и учения, посвящённые государству и вопросам власти. Тема власти и поныне определяется как ключевая. Дальнейшей проработки требуют такие аспекты политической власти как её сущность, источники, формы, принципы легитимности, ресурсы, вопросы разделения. Углублённому проникновению в эту тему призваны способствовать исследования, освящающие практическую де-

тельность тех или иных государственных деятелей, их стратегические идеи, опыт принятия и реализации управленческих решений. Не должны остаться в стороне от потока исследований и политические структуры – правительственные органы, парламенты, партии и движения, избирательные системы. Императивной задачей для политологов становится выработка способов увязывания тематики, касающейся политических лидеров и политических структур, с тематикой, относящейся к развитию политической культуры. В последнее время в поле изучения политических институтов устойчиво входит тематика, связанная с такими сферами общественно-политической реальности как психология власти и властных отношений, а также действие норм, принципов и мотиваций, определяющих эти отношения.

Политология не отворачивается от таких резервов и источников знания как политическая философия, социология, политическая и экономическая география, история политических и правовых учений, политическая психология и антропология, системное прогнозирование и т.п. Расширение круга предметных интересов политологии только способствует реализации её творческого потенциала.

Список литературы:

1. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 тт. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376-644.
2. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М.: URSS, 2015. 147 с.
4. История политических и правовых учений // Под ред. О.Э. Лейста. М.: Зерцало-М, 2002. 436 с.
5. Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3 (51). С. 69-79.
6. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 382 с.
7. Мерриам Ч. Новые аспекты политики (фрагменты). Перевод Т.Н. Самсоновой, А.Л. Алюшина // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 163-182.
8. Ориу М. Основы публичного права. М.: Изд-во Комакадемии, 1929. 759 с.

Bibliography

1. Aristotle. Politics // Works: In 4 vols. Vol. 4. M.: Thought, 1983. P. 376-644.
2. Hegel G. Philosophy of law. M.: Thought, 1990. 524 p.
3. Dyugi L. Social law, individual law and transformation of the state. M.: URSS, 2015. 147 p.
4. History of political and legal doctrines // Ed. O.E. Leist. M.: Zertsalo-M, 2002. 436 p.
5. Kochetkova L.N. The Theory of the Welfare State by Lorenz von Stein // Philosophy and Society. 2008. № 3 (51). P. 69-79.
6. Lippman U. Public opinion. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. 382 p.
7. Merriam C. New aspects of politics (fragments). Translation by T.N. Samsonova, A.L. Alyushina // Socio-political journal. 1996. № 5. P. 163-182.
8. Oriou M. Fundamentals of public law. M.: Publishing House of Komakademia, 1929. 759 p.

Грядунов Ю.Ю.

*Аспирант, факультет
Государственного и муниципального управления,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Среднерусский институт управления – филиал (г. Орел).*

Понятие и основные направления развития государственной политики по укреплению традиционных идейных ценностей среди населения России

В настоящее время мир стоит на этапе развития глобализационных течений. Эти процессы влекут за собой активную интеграцию либерализации в общество, в результате чего многие страны столкнулись с оттоком принятия традиционных ценностей своими людьми, что стало одной из причин возникающих противоречий между отдельными группами населения, революций, гражданских войн и локальных конфликтов в отдельных странах. Столкнулась с такой ситуацией и Российская Федерация. В результате значительного провала в идейном развитии собственного населения на протяжении первых лет становления рыночных отношений в стране и принятия в это время западных ценностей населением государства, в стране сложилась противоречивая модель восприятия традиционных ценностей и понимания идей, продвигаемых правительством.

Либерализм стал политической альтернативой реформирования РФ после распада СССР, в результате чего возникло огромное количество политических сил, имеющих собственное видение и понимание идейных ценностей государства. Большинство из этих идей на протяжении 90-х не оправдали свою эффективность, и привели к тому, что к началу 2000-х страна находилась в стадии экономического упадка и разложения общества. Имела место идеализация политиков либерального направления и множество продуктов эпохи переходного периода, свойственных конкурентной рыночной экономике. В результате государство должно было перерасти в демократическое общество. Но эти цели не были достигнуты, и социальная модернизация страны не была проведена. В стране произошёл этический кризис, разочарование в либерализме и масса

других негативных последствий, связанных с реализацией либеральных идей на протяжении девяностых. Все это соотносилось с тяжелым экономическим кризисом, потребностью проведения срочных мер и спасения страны от экономического коллапса и перемой вектора традиционных устоев в сторону западных ценностей и идеологий [1].

Для понимания данной проблемы целесообразно определить понятие традиционных ценностей, которому уделяется огромное внимание со стороны многих современных авторов.

Так, Дежнев В.Н. [2] представляет, что традиционные ценности являются идеологической приверженностью традициям и историческим особенностям страны, равно, как и социальным и религиозным доктринам, продвигаемым государством. Согласно другому подходу, традиционные ценности представляют собой совокупность действий государства по сохранению традиций общества и его институтов [3]. Котова С.А. [4] определяет традиционные ценности, как практическую ориентацию населения при воспитании своих детей, учитывающую основные истоки мировой истории государства, место и роль в мире страны, а также менталитет собственного народа.

Также существует подход, который соотносит традиционные ценности непосредственного с религией. Так, например, А.И. Овчинников считает, что «именно религия выступает основным ориентиром поведения верующих людей, что и является основой для их действий и поступков, которые могут выходить за рамки религиозных общин и законов, что в целом сказывается на обществе позитивно» [5]. Именно религия является хранителем традиционных ценностей в данном подходе, в результате чего она и выступает составляющей традиционных ценностей страны в целом.

Еще один подход к пониманию традиционных ценностей выстраивается на национальных, народных, этнографических особенностях поведения и обычаев народа страны [6]. Согласно данного подхода именно сохранность обычаев населения формирует традиционные ценности, в результате чего в стране складывается социально-идейное и сплоченное общество.

Стоит подчеркнуть, что в настоящее время Правительство РФ активно прорабатывает политику традиционных ценностей, о чем свидетельствует разработка официального документа, закрепляющего принципы «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7].

В данном документе также приводится определение традиционных ценностей, включающее в себя нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство.

Также в Основах представлено, что традиционные ценности — это жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Отнесены в состав ценностей и высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, историческая память и преемственность поколений, а также единство народов России.

Данный документ основан на законодательной базе, разработанной правительством РФ, учитывающей потребность в обеспечении национальной безопасности государства.

В частности, это Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [8], которая выступает базовым документом стратегического планирования РФ и нацелена на обеспечения национальной безопасности в долгосрочной перспективе. В стратегии стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, среди которых устойчивость и социальная стабильность общества, соблюдение конституционных прав и свобод человека.

Еще одним документом, нацеленным на реализацию государственной политики в области укрепления традиционных идейных ценностей является Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [9], в которой предусмотрен набор мер, нацеленных на стабилизацию общественно-политической ситуации в стране, предупреждение случаев проявления ксенофобии и радикализма, повышение уровня общественной безопасности и развитие духовного и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [10], также направлена на укрепление государственного единства и целостность многонациональной Российской Федерации.

Основы государственной культурной политики [11] способствуют укреплению традиционных российских духовно-нравственные ценно-

стей и сплоченности общества страны посредством решения задач в области культуры, образования, литературы.

Важную роль в рассматриваемой политике играет Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы [12], которая обеспечивает граждан страны достоверной и безопасной информацией.

Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [13] формирует концепцию определения условий, способствующих воспитанию гармонично развитых и социально ответственных личностей с одновременным восприятием духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, пониманием исторических и национально-культурных традиций страны.

Таким образом, на государственном уровне закреплено, что гражданин страны должен формировать свою жизнедеятельность, учитывая исторические факты развития государства, понимать свою гражданскую идентичность, ответственность и патриотизм, а также быть приверженным к принятию в качестве идеалов семьи, труда и религии.

Данный документ достаточно полно проявляет понятие традиционных ценностей и их значимость для суверенности государства, что позволяет определить его роль, как высокую. В тоже время в настоящее время с документом незнакома большая часть населения, что говорит о необходимости проработки активной информационной политики по его донесению до граждан страны.

Также необходимо понимать, что в мире существует множество концепции к типам традиционных ценностей, которые Мишучков А.А. разделяет на либеральные, секуло-гуманистические, нелиберальные и религиозной традиционные [6].

Первые две концепции идут в противодействие с традиционным подходом к пониманию идейных ценностей для населения страны. В свою очередь две последующие концепции, определяют именно идейные ценности и традиции государства основой государственной политики, выстраивающей социальные процессы в обществе, и обеспечивающие стабильность в государстве.

Так либеральная концепция и секуло-гуманистический подход стали трендом в развития глобалистских течений, в результате чего появилось множество оппозиционных идей, согласно которым ценностями человека могут выступать не только семья, труд и государство, но и личные

потребности человека. В их состав включаются сексуальная ориентация человека, жизненные устои, приверженность тем или иным нетрадиционным и нерелигиозным формированиям [14].

Пониманию данных концепции уделяет внимание автор Кондаков А.А. [15]. Он убеждён, что традиционные ценности выстраиваются на таких подходах, как семья, государство, жизнь человека. При этом нетрадиционные ценности идут в противовес развития государства, поскольку отсутствие семьи, негативно сказывается на демографической обстановке, а также генофонде населения, образованности людей и уровне развития страны в целом.

Люди должны быть патриотично настроены в отношении собственной страны и понимать всю степень ответственности перед государством, осуществляя те или иные поступки. Только такой подход сможет сформировать социально стабильное спокойное общество, нацеленное на развитие собственных детей, увеличение рождаемости, создание семей.

Все это будет способствовать развитию инновационного, образовательного, человеческого и других потенциалов государства, а значит и объективному взаимодействию общества и страны.

В этой связи государство должно разрабатывать направления по защите своих ценностей посредством акцентирования внимания людей на воспитании, самореализации, школе и государстве. То есть необходимо более активное развитие государственной политики по привитию идейных ценностей жителям страны, начиная с самого малого возраста. Примером является Китай. Добиваясь национально-патриотических настроений в стране, используется множество механизмов. Так, например, партией КНР создан отдел пропаганды центрального комитета. Задачи данной структуры заключается в пропаганде общественных настроений, а также разработка программы по влиянию на детей, начиная с самого юного возраста.

Безусловно, меры по сохранению здоровья молодежи, принимаемые китайским правительством, «волную» западный мир. Одновременно с этим, «компартия Китая использует и другие инструменты по идеологическому воспитанию молодежи. Речь идет о включении в образовательные программы всех школ патриотических фильмов, выпуск которых регулируется КПК, заучивании гимнов на уроках патриотизма, разработанных китайских приложениях, устанавливаемых на смартфоны для коммунистической пропаганды» [16].

Возможно и использование опыта СССР, когда посредством активной внутренней пропаганды, используемой на всех этапах воспитания детей, общество отличалось особым уровнем патриотического настроения и приверженности государству.

Исходя из сказанного, следует вывод, что нашей стране необходимо более активно доносить до населения содержание государственной политики по укреплению национально-патриотических настроений всем людям страны. С этой целью необходимо проводить разовые массовые акции в поддержку действий России и её военного потенциала, формируя одновременно новые общественные движения, стимулирующие патриотическое развитие некоммерческих организаций по военной и другой деятельности, а также привлекать молодое поколение в донесение до мира правды о своей стране, ее мировоззрении, целях и собственной идеологии, в основе которой лежит государство, семья, человек.

Список литературы:

1. Горяшник А.И. Причины кризиса 90-х годов в СССР и влияние их на экономику России // Вопросы экономики и управления. 2016. № 4 (6). С. 1-4.
2. Дежнев В.Н., Новикова О.В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 71-74.
3. Сотникова Е.В. Пути и стратегии укрепления традиционных духовных ценностей у молодежи // Молодой ученый. 2021. № 34 (376). С. 72-75.
4. Котова С.А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Москва, 2014. 23 с.
5. Овчинников А.И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 1. С. 35-42.
6. Мишучков А.А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник ОГУ. 2015. № 3 (178). С. 65-71.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
9. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.
10. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.
11. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 11. Ст. 1552.
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
13. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.
14. Малинова О.Ю. Конструирование «либерализма» в постсоветской России. Наследие 1990-х в идеологических битвах 2000-х // Политика. 2017. №1 (84). С. 6-28.
15. Кондаков А.А. Международные дискуссии о гомосексуальности: эффекты бумеранга в потоках власти // Социология власти. 2018. № 1. С. 14-32.
16. Современная китайская молодежь. Краткая оценка // CAAN. // URL: <https://caa-network.org/archives/19153> (Дата обращения: 11.03.2023).

Bibliography

1. Goryashnik A.I. Causes of the crisis of the 90s in the USSR and their impact on the Russian economy // Questions of economics and

- management. 2016. № 4 (6). P. 1-4.
2. Dezhnev V.N., Novikova O.V. Traditional values: to the definition of the concept // Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University. 2015. № 4 (28). P. 71-74.
3. Sotnikova E.V. Ways and strategies for strengthening traditional spiritual values among young people // Young scientist. 2021. № 34 (376). P. 72-75.
4. Kotova S.A. Philosophical analysis of the transformation of traditional values in post-industrial society: abstract. dis. ...cand. Philosophical Sciences: 09.00.11. – Moscow, 2014. 23 p.
5. Ovchinnikov A.I. National security and traditional spiritual and moral values: issues of legislative support // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. № 1. P. 35-42.
6. Mishuchkov A.A. Traditional values in a globalizing world // Bulletin of OSU. 2015. № 3 (178). P. 65-71.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 № 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 46. P. 7977.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 № 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (part II). P. 5351.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated May 29, 2020 № 344 “On approval of the Strategy for Combating Extremism in the Russian Federation until 2025” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 22. P. 3475.
10. Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 № 1666 “On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 52. P. 7477.
11. Order of the Government of the Russian Federation dated February 29, 2016 № 326-r “On approval of the Strategy of state cultural policy for the period until 2030” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. № 11. P. 1552.
12. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 № 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 20. P. 2901.
13. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 № 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 30. P. 4884.
14. Malinova O.Yu. Construction of “liberalism” in post-Soviet Russia. The legacy of the 1990s in the ideological battles of the 2000s // Polity. 2017. № 1 (84). P. 6-28.
15. Kondakov A.A. International discussions about homosexuality: boomerang effects in the flow of power // Sociology of power. 2018. № 1. P. 14-32.
16. Modern Chinese youth. Brief assessment // CAAN. // URL: <https://caa-network.org/archives/19153> (03.11.2023).

A

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана*

Галаганова С.Г.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры
«Информационная аналитика и политические технологии»,
Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана.*

Традиция и архаика в аксиологическом измерении

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

И.А. Бунин

Утверждение «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в качестве «документа стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ¹» поставило вопрос о критериях отнесения той или иной ценности к категории традиционных. Более того, стало очевидно, что между перечисленными в документе аксиологическими категориями могут возникать серьёзные противоречия. Так, например, стремление к сохранению собственной жизни (эта ценность фигурирует в документе на первом месте) может подавить желание послужить Отечеству в смертельной битве с врагом (что, разумеется, не будет способствовать национальной безопасности). И разве гуманизм не предполагает милосердие в качестве своей составляющей (в документе эти ценности указаны через запятую)? А если нет, то в чём его ценность? Не вступит ли реализация личных прав и свобод в противоречие с ориентацией на коллективизм и взаимопомощь? В документе заявлено, что из всех российских конфессий главная аксиологическая роль принадлежит православию. На это последовали возражения старообрядцев и так называемых родноверов (последователей древнего славянского язычества), считающих, что именно их религиозные традиции – более древние, более органичные для русского этноса, искусственно прерванные – заслуживают преимущественного внима-

---

¹ Указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

ния в качестве источника традиционных ценностей².

Не удивительно, что все эти вопросы остались за скобками научного дискурса, в основном принявшего форму выявления аксиологической специфики всех социальных и культурных общностей, существование которых можно обнаружить в российской истории и современности – цивилизационных (присущих «русской», «православной», «славянской», «евразийской» цивилизациям), этнических, конфессиональных, культурных, профессиональных и других³. Не ставя под сомнение эвристическую плодотворность данного процесса, следует в то же время отметить, что, поскольку выявленные ценности зачастую декларируются как традиционные для конкретной общности, они преподносятся в качестве своего рода критериев личной принадлежности к ней, неких обязательных мировоззренческих и поведенческих канонов. В этом случае проблема традиционных ценностей может обернуться своей «теневой» стороной – риском формирования у социокультурных общностей признаков новых замкнутых сословий.

Ярким примером являются «истинно русские» со своими «национальными ценностями»⁴. Попытка сформулировать индикаторы принадлежности к данной общности была впервые предпринята в «Декларации русской идентичности», принятой в 2011 году XVIII форумом Всемирного Русского Народного Собора. Провозглашённые в этом документе признаки русской идентичности вот уже более десяти лет в разнообразном лексическом оформлении переходят на страницы книг и статей о традиционных русских ценностях. Из «Декларации» следует, что считать себя русским и говорить на русском языке недостаточно для того, чтобы на самом деле быть русским. Для этого необходимо ещё и «думать на русском языке» (что, видимо, будет трудно установить без помощи полиграфа), не иметь «иных этнических предпочтений», ощущать «солидарность с судьбой русского народа» и «признавать православное христианство основой национальной духовной культуры»⁵. В

---

2 Аторин, Роман. Духовные ценности древлеправославия. – М.: [б. и.], 2017. 200 с.; Белов А.И. Велес – Бог русов. Неизвестная история русского народа. – М.: Амрита, 2018. 272 с.

3 Багдасарян, Вардан; Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: Стратегия цивилизационного возрождения / науч. ре. Ю.Ю. Иерусалимский. – Ярославль: [б. и.], 2022. 256 с.; Байдин, Валерий. Архетипы и символы русской культуры. От архаики до современности. – М.: Алетей, 2021. 574 с.; Пшенко К.А., Спирина М.Ю., Стародубцев В.Ф. Культурный феномен Евразии. Традиционная культура и традиционные ценности евро-азиатских народов. – М.: Проспект, 2022. 656 с.

4 Новиков Н.Н. Катехизис истинно русского человека. – М.: Нобель Пресс, 2012. 69 с.; Тесля А.А. Истинно русские люди. История русского национализма. – М.: Рипол-Классик, 2019. 319 с.

5 Декларация русский идентичности / XVIII Всемирный Русский Народный Собор. Москва, 10-11 ноября 2011 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>

связи с этим возникает ряд недоумений. Пушкинская Татьяна, «русская душою», хрестоматийный символ русской женской искренности, жертвенности, чистоты, как известно, «по-русски плохо знала», а стало быть, и думала по-французски. Она русская или нет? Будет ли соответствовать критериям русской идентичности И.С. Тургенев с его блистательным русским литературным языком, но весьма сомнительными «этническими предпочтениями»? А можно ли считать русскими миллионы наших не особенно просвещённых и безразличных к религии тружеников, никогда не задававшихся вопросом об основе их духовной культуры? А тех же родноверов, считающих основой русской культуры древнее славянское язычество?

Этот и многие другие аналогичные примеры свидетельствуют о том, что исследованию традиционных ценностей (российских или каких-либо других) должно предшествовать прояснение (хотя бы в самом общем виде) содержания самого концепта традиции.

В словаре Ожегова отмечены два основных значения этого слова. Первое – «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (напр., идеи, взгляды, образ действий, и т. п.)». В качестве примера приводятся «революционные традиции пролетариата» и «воинские традиции». Второе значение – «обычай, установившийся порядок в поведении, в быту». Пример – «традиция встречи Нового года»⁶.

Второе значение вряд ли нуждается в комментариях: речь идёт о неких правилах, канонах (совокупности правил), обычаях, практикующихся в быту той или иной социальной общностью на конкретном историческом этапе. Это подтверждается приведённым примером – существующим у большинства народов обычаем отмечать в определённое время наступление каждого нового календарного года, сопровождая это соответствующими ритуальными действиями. Подобные правила преходящи: за начало года можно принимать различные условные даты, можно по-разному отмечать это событие (можно и вообще никак не отмечать).

Что же касается первого (главного) значения термина, то оно требует уточнения. Если это не бытовые обычаи, то что тогда «переходит от одного поколения к другому», что именно «наследуется от предшествующих поколений»? И почему одно переходит, а другое – нет, одно наследуется, а другое остаётся без внимания? Очевидно, речь идёт о

---

6 Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1975. с. 741.

коллективном социальном и духовном опыте, ценность которого проверена и подтверждена многими поколениями народа. Иначе зачем его наследовать и передавать? Такой «кристаллизованный» опыт организации всех сфер национальной жизнедеятельности, опыт приложения к ней определённых нравственных принципов, опыт коллективных интуитивных прозрений и становится традицией.

Приняв это определение в качестве рабочего, мы будем вынуждены сделать некоторые последующие заключения, имеющие непосредственное отношение к проблеме традиционных ценностей.

Как любой жизненный опыт, традиция не предполагает никакой обязательности. В отличие от внешних канонов, выступающих как «неписанные законы» и зависящих от их соблюдения, она в принципе не зависит от отношения к ней. В этом смысле её можно уподобить воздуху, которому «безразлично», станут им дышать или нет. Поэтому лишено основания беспокойство об утрате народом своих традиционных ценностей: став органическими составляющими национальной традиции, эти ценности становятся идентичны самой жизни народа; «утратить» их попросту невозможно. Традиция живёт, пока жив её носитель – народ. Для каждого нового поколения она выступает как предпосылка его дальнейшей жизни, «общая формула» её устройства. Это некий духовно-нравственный код, воплощённый в истории народа и его ежедневном социальном творчестве⁷. Традицию невозможно произвольно устранить – «прервать», «разрушить», «нарушить». С «кораблей современности» можно «сбрасывать» правила и каноны (второе значение термина «традиция»). Сама же традиция, как и присущие ей ценности, при этом, по меткому слову Маяковского, «существует – и ни в зуб ногой».

Традиция не может быть пунктом «возвращения», объектом «восстановления»; она не может оказывать внешнее влияние, служить «ориентиром», предметом «укрепления». В традиции можно лишь находиться. И не существует народов, не пребывающих в каждый момент своей истории в своей традиции с присущими ей ценностями.

Традиция не поддаётся имитации. Можно имитировать некие внешние признаки «традиционности» (религиозной веры, этнической принадлежности, приверженности определённым политическим и эстетическим канонам), однако эта имитация не способна обеспечить

---

⁷ Цикличность: динамика культуры и сохранение традиции / сост. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2013. 198 с.

пребывание в традиции, равно как и «включить» в неё ту или иную ценность, декларировав её в официальном документе. Как считал А. Блок, «духовные ценности надо <...> явить миру так, чтобы мир признал их неприкосновенность, чтобы сама жизнь защитила их» (*разрядка моя*. – С.Г.)⁸.

Будучи коллективным «плавильным котлом» жизненного опыта народа, традиция, подобно Святой Троице у христиан, «единосушна и нераздельна». Это синтез, целостность. Поэтому идея целесообразности опоры на ценности, принадлежащие разным традициям (ради «аксиологического плюрализма»), по сути, не имеет смысла. Так, в русле пушкинского поэтического творчества (которое по праву признано синонимом национальной поэтической традиции) революционность (вспомним «революционные традиции пролетариата» в словаре Ожегова) и охранительность (консерватизм) сливаются в некое новое, внутренне непротиворечивое единство на основе христианской духовности. «Тираны мира, трепещите!», ибо мы «куплены дорогою ценою» и потому не имеем права становиться «рабами человеков», обязаны хранить своё богоданное человеческое достоинство. Что же касается охранительства, то пушкинский гений не низводил это понятие до уровня политических режимов (хотя и ужасался «бессмысленному и беспощадному» бунту): поэта волновало сохранение гармонии человеческих отношений как единства в многообразии, будь то союз друзей-лицеистов («всё те же мы») или сохранение самой жизни (чтобы «мог мир существовать»). Традиция вообще не опускается до частных случаев – она существует в гораздо более высоких, философских, сферах.

Пожалуй, самый главный вопрос: как совместить традицию с новаторством? Не препятствует ли она обновлению жизни? Здесь, как нам кажется, вполне уместна аналогия с корневой системой дерева, властно «приковывающей» его к земле. Очевидно, что это «сдерживание» не только не препятствует росту, но и является необходимым условием последнего. Точно так же, в качестве единого корня жизни и творчества народа, традиция не способна «сковывать» и «ограничивать» их. «Чем я богаче им, тем больше я поэт», – писал Бунин о своём творческом наследии⁹. Традиции неведомо разделение на прошлое, настоящее и будущее. «Я говорю себе, почуяв тёмный след / Того, что прашур мой

---

8 Блок, Александр. Крушение гуманизма // Блок, Александр. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. – Л.: Худ. лит., 1982. 344 с.

9 Бунин И.А. В горах // Бунин И.А. Собр. соч. в 6 тт. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1987. 316 с.

воспринял в древнем детстве: / Нет в мире разных душ и времени в нём нет»¹⁰. «Разные души» сливаются в единый дух народа; времена стягиваются в одну точку.

Как постоянный процесс освоения и накопления опыта традиция неотъемлема от обновления, немислима без него. Поэтому она противостоит устаревшим обычаям, освобождаясь от них и таким образом обрекая их на исчезновение. Не бывает «отживших» традиций – бывают устаревшие привычки, обычаи, каноны, которые зачастую выдаются за традицию. Реанимация отживших, «незащищённых жизнью» обычаев под видом «традиционных ценностей» называется архаизацией.

В отличие от традиции, постоянно вбирающей в себя новые, более плодотворные формы жизни, архаизация регрессивна по самой своей природе, поскольку представляет собой движение вспять – возвращение к тому, что отвергнуто традицией, к архаичным, доцивилизационным формам сознания и социальной практики. Обзор наиболее серьёзных научных исследований по данной теме¹¹ позволяет выявить некоторые общие черты архаики, принципиально отличающие её от традиции и создающие потенциальную опасность для развития социума. Актуальность подобного анализа не в последнюю очередь связана с общим выводом российских учёных о том, что «начиная с постсоветского периода, архаика стала влиятельным фоном общественно-политического и культурного развития страны»¹².

Прежде всего, архаизация означает примитивизацию, крайнее упрощение всех аспектов жизни общества – сознания, поведенческих моделей, социальной практики – в качестве реакции на усложнение окружающей действительности. Если традиция творчески осваивает эту сложность, то архаизация уходит от подобного освоения, предлагая для объяснения происходящего мифологизированные наборы смыслов и индикаторов. Это мотивируется необходимостью обращения к «народной мудрости», возврата к «истокам», «опыту предков». Доминирующее положение в структуре общественного сознания начинает занимать мифологическое мировоззрение, оттесняя философскую и

---

¹⁰ Там же.

¹¹ Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. – Уфа: Изд-во АН Республики Башкортостан, 2016. 402 с.; Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) / Автореф. дисс... д-ра философ. наук. – М.: 2011. 43 с.; Першин Ю.Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы / Автореф. дисс... д-ра философ. наук. – Омск, 2014. 40 с.

¹² 1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. – Уфа: Изд-во АН Республики Башкортостан, 2016. 10 с.

религиозную формы мирозерцания (последняя при этом трансформируется в магию)¹³. Результатом становится «упрощение» человека, утрачивающего способность к критическому, логическому мышлению, потребность в осмыслении экзистенциальных проблем. Архаизированное упрощение личности проявляется, в частности, в её инфантилизации с присущими последней доверчивостью к любой новой информации, склонностью к бездумному подчинению «старшим», избеганием самостоятельности, неверием в собственные силы, безответственным поведением, примитивностью речи, вкусов, немотивированной «детской» агрессией и жестокостью.

Архаизация разрушает целостность единой общенациональной (в том числе и аксиологической) культурной матрицы, дробя её на замкнутые локальные «миры» со своими собственными системами ценностей. В рамках «своей» социокультурной общности, окружённый себе подобными, человек обретает ощущение психологического единения, уверенности, защищённости. При этом кругозор членов подобного сообщества ограничивается межгрупповыми контактами, а основой их взаимоотношений становятся эмоции. Это, в свою очередь, также ведёт к крайней примитивизации сознания и поведения. Ярким примером подобной архаической социальной фрагментации являются социальные сети. Именно в них уходят люди, спасаясь от враждебности окружающей действительности. И поэтому именно их исследуют сегодня учёные, специализирующиеся на проблемах трайбализма как социального феномена. Это свидетельствует о том, что архаика совсем не обязательно воспроизводит некие допотопные внешние атрибуты: она легко встраивается в самые новейшие формы, принимая, подобно мифическому Протею, любой необходимый облик.

«Восстание архаики» начинается тогда, когда разрушается «ткань» традиции – культура. Именно культура наполняет традицию конкретным содержанием, в том числе и ценностями. «Я думаю, что жизнь <...> жестоко уничтожит всё то, что не спаяно, не озарено духом истинной культуры», – писал Блок, размышляя о «крушении гуманизма»¹⁴. Да, уничтожит. И тогда единственным источником социальной мотивации останется психика. Освободившись от «репрес-

---

13 Галаганова С.Г. «Воспоминание о будущем»: мифологическое смыслообразование для XXI века // *Культура Мира*, 2019. № 18. С. 60-72.; Галаганова С.Г. Проблема личностного идеала и мифологическая аксиология Миланы Алдаровой // *Этносоциум и межнациональная культура*, 2019. № 8. С. 67-75.

14 Блок, Александр. Крушение гуманизма // Блок, Александр. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. – Л.: Худ. лит., 1982. 344 с.

сивных» культурных норм, «новые варвары» вернутся к архаичным поведенческим моделям («своей человеческой природе»). Эту опасность, впоследствии названную фашизацией, русский поэт ощутил ещё в начале XX столетия.

В заключение отметим, что архаизация всегда является показателем неблагополучия общества, растерянности народа перед лицом социальной неопределённости. Она выступает как инструмент социокультурной самозащиты от повышенных рисков, угроз, аномии, анархии. Однако процесс архаизации под видом «возвращения к традициям» может носить не только естественный, социально обусловленный, но и «технологический» характер. Реанимация архаических общественных практик и форм сознания может представлять собой социальную технологию целенаправленного упрощения социума ради упрощения управления им или установления некоего нового, зачастую тоталитарного, порядка из архаизированного хаоса. В любом случае, будучи, в отличие от традиции, принципиально неспособной к саморазвитию и конструктивным изменениям, архаизация несёт в себе потенциальную угрозу социальной деградации. Именно поэтому, когда ориентация на традиционные ценности провозглашается не только «новой российской системой государствовоительства», но и «посланием человечеству», вопрос о существенных различиях традиции и архаики становится вопросом не только теории, но и социальной практики¹⁵.

Список литературы:

1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. – Уфа: Изд-во АН Республики Башкортостан, 2016. 402 с.
2. Аторин, Роман. Духовные ценности древлеправославия. – М.: [б. и.], 2017. 200 с.
3. Багдасарян, Вардан; Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: Стратегия цивилизационного возрождения / науч. ре. Ю.Ю. Иерусалимский. – Ярославль: [б. и.], 2022. 256 с.
4. Байдин, Валерий. Архетипы и символы русской культуры. От архаики до современности. – М.: Алетей, 2021. 574 с.
5. Белов А.И. Велес – Бог русов. Неизвестная история русского народа. – М.: Амрита, 2018. 272 с.
6. Блок, Александр. Крушение гуманизма // Блок, Александр. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. – Л.: Худ. лит., 1982.
7. Богокин В.В. Неписанные правила истинно русских. Национальные ценности: в чём они? – М.: Русская Правда, 2010. 320 с.
8. Бунин И.А. В горах // Бунин И.А. Собр. соч. в 6 тт. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1987.
9. Галаганова С.Г. «Воспоминание о будущем»: мифологическое смыслообразование для XXI века // Культура Мира, 2019. № 18. С. 60-72.
10. Галаганова С.Г. Проблема личностного идеала и мифологическая аксиология Миланы Алдаровой // Этносоциум и межнациональная культура, 2019. № 8. С. 67-75.
11. Декларация русский идентичности / XVIII Всемирный Русский Народный Собор. Москва, 10-11 ноября 2011 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>
12. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) / Автореф. дисс... д-ра философ. наук. – М.: 2011. 43 с.
13. Новиков Н.Н. Катехизис истинно русского человека. – М.: Нобель Пресс, 2012. 69 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1975. 846 с.
15. Першин Ю.Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы / Автореф. дисс... д-ра философ. наук. – Омск, 2014. 40 с.
16. Пшенко К.А., Спирина М.Ю., Стародубцев В.Ф. Культурный феномен Евразии. Традиционная культура и традиционные

---

15 Багдасарян, Вардан; Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: Стратегия цивилизационного возрождения / науч. ре. Ю.Ю. Иерусалимский. – Ярославль: [б. и.], 2022. 2 с.

- ценности евро-азиатских народов. – М.: Проспект, 2022. 656 с.
17. Тесля А.А. Истинно русские люди. История русского национализма. – М.: Рипол-Классик, 2019. 319 с.
18. Указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
19. Цикличность: динамика культуры и сохранение традиции / сост. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2013. 198 с.

Bibliography

1. Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M., Demichev I.V. Archaization of Russian regions as a social problem. – Ufa: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, 2016. 402 p.
2. Atorin, Roman. Spiritual values of ancient Orthodoxy. – М.: [b. i.], 2017. 200 p.
3. Baghdasaryan, Vardan; Sylvester (Lukashenko), archimandrite. Traditional values: Strategy of civilizational revival / scientific. re. Yu.Yu. Jerusalem. – Yaroslavl: [b. i.], 2022. 256 p.
4. Baidin, Valery. Archetypes and symbols of Russian culture. From archaic to modern times. – М.: Aletheia, 2021. 574 p.
5. Belov A.I. Veles - God of the Rus. The unknown history of the Russian people. – М.: Amrita, 2018. 272 p.
6. Blok, Alexander. The collapse of humanism // Blok, Alexander. Collection op. in 6 vols. Vol. 4. – L.: Khud. lit., 1982.
7. Bogokin V.V. Unwritten rules of truly Russians. National values: what are they? – М.: Russkaya Pravda, 2010. 320 p.
8. Bunin I.A. In the mountains // Bunin I.A. Collection Op. in 6 vols. Vol. 1. – М.: Fiction, 1987.
9. Galaganova S.G. “Memories of the Future”: mythological meaning-making for the 21st century // Culture of the World, 2019. № 18. P. 60-72.
10. Galaganova S.G. The problem of the personal ideal and the mythological axiology of Milana Aldarova // Ethnosocium and inter-ethnic culture, 2019. № 8. P. 67-75.
11. Declaration of Russian identity / XVIII World Russian People’s Council. Moscow, November 10-11, 2011 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>
12. Lamajaa Ch.K. Archaization of society during the period of social transformations (social and philosophical analysis of the Tuvan phenomenon) / Abstract. diss... Dr. philosopher. Sci. – М.: 2011. 43 p.
13. Novikov N.N. Catechism of a truly Russian person. – М.: Nobel Press, 2012. 69 p.
14. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. N.Yu. Shvedova. – М.: Russian language, 1975. 846 p.
15. Pershin Yu.Yu. Archaic consciousness: essence and principles / Author’s abstract. diss... Dr. philosopher. Sci. – Omsk, 2014. 40 p.
16. Pshenko K.A., Spirina M.Yu., Starodubtsev V.F. Cultural phenomenon of Eurasia. Traditional culture and traditional values of Euro-Asian peoples. – М.: Проспект, 2022. 656 p.
17. Teslya A.A. Truly Russian people. History of Russian nationalism. – М.: Рипол-Classic, 2019. 319 p.
18. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 № 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values.” // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
19. Cyclicity: the dynamics of culture and the preservation of tradition / comp. M.F. Albedil, D.G. Savinov. – St. Petersburg: Publishing house MAE RAS, 2013. 198 p.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уральский институт ГПС МЧС России

Гапоненко Л.Б.

*Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург.*

Правовые основы системы социально-экономических гарантий сотрудников МЧС России

Наступление постиндустриальной эпохи влечет возникновение последствий, подрывающих социально-политическую стабильность. «В связи с этим пересматривается система отношений власти и общества, государства и человека, собственника и работника. Особое значение в современных условиях приобретают черты государства, определяющие его отношения с обществом, социальными группами и отдельными гражданами. Уважение прав человека и национальных меньшинств, высокая правовая культура всех субъектов общественных отношений нашли воплощение в понятии правового, демократического государства. Однако эти характеристики современного государственного устройства не раскрывают в полной мере сущность современного цивилизованного государства. Законодательно закрепленная рыночная социально-ориентированная модель экономики предусматривает повышение социальной роли государства» [1, с. 139]. При этом именно правительственные и государственные структуры служат гарантом предоставления служащим силовых ведомств и членам их семей продекларированных социально-экономических прав. Качественное выполнение задач, возложенных на МЧС России, зависит от максимальных усилий кадрового состава сотрудников, использования их потенциала, что представляется возможным лишь при условии действенного эффективного использования гарантированных стимулов в повседневной деятельности сотрудников ведомства. Социальные и экономические гарантии призваны быть таким стимулом.

Социально-экономическое стимулирование оказывает самое непосредственное воздействие на эффективность служебной деятельности сотрудников. Проведенный анализ современной экономической ситуации сотрудников МЧС России обнаруживает некоторое обесценива-

ние социальных гарантий в связи с отсутствием единого и системного подхода в обновленной нормативно-правовой базе, недостаточно отработанных организационно-правовых механизмов предоставления социально-экономических гарантий, недостаточным финансированием, длительным ожиданием предоставления гарантий. Все эти факты вскрывают противоречие между декларируемыми социальными гарантиями и их реализацией на практике. Часто исследования на заявленную тему теряли актуальность в связи с существенным изменением законодательства. Существует объективная необходимость в системном исследовании сферы социально-экономических гарантий.

При выполнении профессиональных задач сотрудники МЧС постоянно постоянно подвергают свою жизнь и здоровье опасности. В этой связи сотрудникам рискоориентированных профессий, необходимо быть уверенными в реальной гарантированной поддержке социально-экономического положения со стороны государства. В соответствии с профессиональными задачами сотрудников МЧС России, закреплена их особый правовой статус, законодательно утвердивший гарантии экономической и социальной защищенности названных сотрудников.

Современные правовые нормы Российской Федерации определяют основные социально-экономические гарантии служебной деятельности служащих МЧС России. Существование социально-экономических гарантий сотрудников МЧС России и других ведомств мы связываем с действующей социальной функцией государства, а именно существующими механизмами функционирования социального государства.

Эффективная и качественная работа сотрудников МЧС и других силовых структур является необъемлемым условием обеспечения безопасной жизнедеятельности всех граждан РФ, именно поэтому проблема анализа социально-экономических гарантий сотрудников МЧС и силовых структур является актуальной для исследования.

Фактически после закрепления в ст. 7 Конституции РФ положения о России как социальном государстве начали появляться исследования, объективно анализирующие сущность и проблемы столь сложного и многообразного политико-социального института, каковым является социальное государство. «В развитых странах сложилась экономика так называемых «трех третей», представляющая собой единство собственности государства, акционерной (групповой) и классической, индивидуальной частной собственности. Конечно государство не должно препятствовать свободному предпринимательству, но последнее не может быть

связано лишь с целью бесконтрольной наживы, ибо владение собственностью налагает на граждан определенные обязанности и государству небезразлично, как распределяются, на что расходуются получаемые богатства» [1, с. 139]. Пределы такого вмешательства государства строго определены законом, для того, чтобы государство служило гарантом свободного развития рыночной экономики и свободной конкуренции, в то же время способствовало созданию условий самореализации личности, стимулировало личную инициативу и чувство ответственности за собственную судьбу.

Теория социального государства разрабатывалась на основе уважения человеческого достоинства, в свою очередь гарантирует сохранение личных свобод и конкуренции. «Права человека должны быть отнесены к непосредственно-социальным правам, и, в отличие от других охраняемых законом интересов, обеспечивать не отдельные стороны человеческой жизнедеятельности, а нормальное существование и развитие человека и общества в целом. Посягательства на эти права представляет угрозу самим основам человеческой цивилизации» [2; с. 53].

Актуальность данного исследования обусловлена сложностью и противоречивостью в социально-экономической политике России в современных условиях. Ощущается недостаток специализированного анализа проблем социальной политики государства в осмысления процессов и тенденций, протекающих в рамках постиндустриального общества, поиска механизмов слаженного поступательного развития взаимодействия государства и общества в сфере социальной защиты.

Механизмы социально-экономических гарантий сотрудников структур МЧС и МВД разработаны и представлены федеральными законами, а также регулируются Постановлениями Правительства РФ, приказами Министерств и ведомств. Сравнительный анализ социально-экономических гарантий сотрудников МЧС России и сотрудников других силовых структур свидетельствует, что закрепленные на законодательном уровне выплаты, льготы и компенсации имеют сходство структуры и составляющих элементов, а также размера доплат и надбавок по некоторым видам деятельности сотрудников различных ведомств.

В Федеральном законе от 30 декабря 2012 года № 283-ФЗ обозначены элементы системы социальных гарантий сотрудников МЧС России и членов их семей, при этом некоторые из систематизированы и приведены в отдельных статьях, а основной массив перечисленных социально-экономических гарантий собран в статье 3 закона 283-ФЗ. Отметим, что

в названии этой статьи собраны разноплановые категории – «гарантии, пособия и другие выплаты», но содержание этих категорий не уточняется, конкретные меры социальной и экономической поддержки сотрудников МЧС России и членов их семей не классифицируются. Кроме того, в этой статье не устанавливается система их классификации как, например, по тематике, по категории, логической последовательности предоставления прав на определенные меры социальной защиты.

По основным критериям социально-экономических прав создать гармоничную систему социальных гарантий сотрудников МЧС России представляется возможным при обращении к требованиям «ГОСТ Р 52143-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Основные виды связаны социальных услуг». В соответствии с ним предлагаем классифицировать гарантии на следующие: социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, зависимости социально-экономические и социально-правовые [3; с. 27].

В контексте представленной выше классификации социальных и экономических гарантий по критерию «периодичность предоставления», следует особо акцентировать внимание на принципе своевременности предоставления, который подразумевает возможность реализации гарантий в течение такого периода, который не обесценит социальную и материальную значимость этих гарантий. Необходимость его соблюдения вытекает из анализа практической деятельности любого подразделения МЧС России. В качестве примера можно рассмотреть порядок предоставления ежемесячной денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотруднику, как одной из гарантированных мер финансовой поддержки сотрудников. Порядок предоставления выплаты предполагает, что такая компенсация объективно выплачивается со значительным опозданием. Так же можно рассмотреть порядок предоставления страховой выплаты за полученную в период службы травму. Социально-экономическая значимость обязательного государственного страхования состоит в финансовой компенсации потери денежного содержания посредством страховых выплат, которые направлены на восстановление здоровья. На самом деле указанные выплаты осуществляются отсроченно, через длительный промежуток времени, данная гарантия фактически не используется по прямому назначению, а может быть использована в дальнейшем только на реабилитацию.

Следовательно, актуальность исследования проблемы социально-экономических прав и гарантий сотрудников МЧС России и членов их семей обосновывает необходимость совершенствования законодательства в данной области, а также поиск эффективных форм и методов реализации регламентированных законодательством мер поддержки сотрудников МЧС России. Ряд регламентированных законодательством социальных и экономических гарантий сотрудникам МЧС России и членам их семей в современных условиях сложно реализовать, во многом по причине сокращения источников финансирования указанных направлений из средств государственного бюджета.

В качестве перспективных направлений развития системы социально-экономических гарантий для сотрудников МЧС РФ следует назвать:

- «- увеличение страховых выплат при получении вреда здоровью, потере здоровья и получения инвалидности сотрудника МЧС;
- разработка механизмов выделения средств для обеспечения сотрудников МЧС жильем, улучшения жилищно-бытовых условий» [4; с. 48].

В качестве основных проблем по предоставлению гарантий сотрудникам МЧС были выявлены такие проблемы, как несвоевременность предоставления гарантий, разночтение правовых норм, касающихся предоставления гарантий, недостаточное финансирование реализации социальных и экономических гарантий, а также низкая осведомленность сотрудников о положенных гарантиях. Эти проблемы свидетельствуют о некоторой декларативности, необеспеченности регламентированных социальных гарантий и утрате доверия сотрудников в их действенность.

Список литературы

1. Гапоненко Л.Б. Эволюция социального государства в России // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 10 (28). С. 139-144.
2. Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010 – 510 с. (Российское юридическое образование).
3. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов государственной власти: учебник / Барбин В.В. [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2020. 320 с.
4. Павлюченко В.Г. Социальное страхование: Учебное пособие. М.: «Дашков и К», 2007 – 480 с.
5. Роиц В.Д. Основы социального страхования: Учебное пособие. М.: Анкил, 2005. 27 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (Дата обращения: 02.07.2023).
7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057 (Дата обращения: 02.07.2023).
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (Дата обращения: 02.07.2023).
9. О ветеранах: Федеральный закон от 12.01.1995 № 5. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490 (Дата обращения: 02.07.2023).
10. О социальных гарантиях сотрудникам некоторых органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683

ru/document/cons_doc_LAW_140178 (Дата обращения 02.07.2023).

11. О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438 (Дата обращения: 02.07.2023).

12. О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198195 (Дата обращения: 02.07.2023).

13. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 28.03.1998 № 52-ФЗ. // URL: <http://base.garant.ru/12111156> (Дата обращения: 02.07.2023).

Bibliography

1. Gaponenko L.B. The evolution of the welfare state in Russia / Problems of modern science and education. 2014. № 10 (28). P. 139-144.

2. Morozova L.A. Theory of state and law: Textbook. 4th ed., reprint. and additional. M.: Eksmo, 2010. 510 p.

3. Ensuring the rights and freedoms of man and citizen in the activities of state authorities: textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 320 p.

4. Pavlyuchenko V.G. Social insurance: Textbook. M.: «Dashkov and K», 2007. 480 p.

5. Roik V.D. Fundamentals of social insurance: Textbook. M.: Ankil, 2005. 27 p.

6. The Constitution of the Russian Federation. (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399. (02.07.2023).

7. Housing Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 188-FZ. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057. (02.07.2023).

8. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 30.12.2001. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683. (02.07.2023).

9. About veterans: Federal Law No. 5 of 12.01.1995. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490. (02.07.2023).

10. On social guarantees to employees of Certain Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 283-FZ of 30.12.2012. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140178 (02.07.2023).

11. On Fire safety: Federal Law No. 69-FZ of 21.12.1994. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438. (02.07.2023).

12. On service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 141-FZ of 23.05.2016. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198195. (02.07.2023).

13. On compulsory state life and health insurance for military personnel, citizens called up for military training, ordinary and commanding officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the State Fire Service, employees of institutions and bodies of the penal enforcement system, employees of the National Guard Troops of the Russian Federation: Federal Law No. 52-FZ of 28.03.1998. // URL: <http://base.garant.ru/12111156>. (02.07.2023).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Уфимский государственный нефтяной
технический университет*

Полончук Р.А.

*Кандидат политических наук,
докторант кафедры внешнеполитической деятельности
России Факультета национальной безопасности,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Военные доктрины США и КНР: геополитические аспекты сдерживания в современных условиях

Вследствие высокой степени неустойчивости и неопределенности развития военно-политической обстановки, ведущие страны мира в обеспечении своей безопасности и интересов полагаются, прежде всего, на военную силу. Развитие сил и средств вооруженной борьбы, повышение их боевых возможностей ведет к увеличению размаха и напряженности военных действий, распространению их на новые сферы, усложнению форм и способов применения вооруженных сил. Предполагается, что вооруженная борьба будет характеризоваться высокоманевренными действиями войск, скоротечностью, глобальным размахом применения оружия, широким задействованием космических средств и сил кибернетических операций, участием в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований, комплексным применением политических, экономических и информационных мер, реализуемых использованием финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений и террористических организаций.

Анализ открытых источников информации показывает, что в первой четверти XXI века наибольшего развития в сфере военного планирования достигли две сверхдержавы – США и Китай. В этих странах сформирована самобытная школа планирования и организации деятельности по военному строительству и проведению военных реформ в условиях смены внешнеполитического курса. Вместе с тем, сформированная сеть научно-исследовательских и частных аналитических организаций позволяет постоянно совершенствовать старые и искать новые подходы к анализу и оценке угроз военной безопасности в условиях неопределенного будущего. В новых условиях международной обстановки изучение зарубежного

опыта военного планирования приобретает для отечественных специалистов особый интерес, поскольку позволяет обоснованно скорректировать направления обеспечения национальной безопасности государства с учетом национальных интересов России в сфере обороны и безопасности.

Военная доктрина США

Военная доктрина США как система официальных взглядов (установок), определяющих основы обеспечения военной безопасности государства и использования ВС для достижения национальных целей и продвижения национальных интересов, раскрывается в документах, издаваемых президентом, министром обороны и председателем комитета начальников штабов (КНШ), а также в заявлениях и практических действиях американского военно-политического руководства, отражающих его военно-политический курс, военную стратегию и стратегию развития вооруженных сил.

Военно-политический курс США разрабатывается и реализуется на основании предпосылки о том, что США являются и в обозримой перспективе должны оставаться единственной военной и экономической сверхдержавой, глобальным лидером, имеющим право единолично формировать такие условия международной обстановки, которые бы в максимальной степени способствовали продвижению ключевых интересов Вашингтона в различных регионах мира.

Соединенные Штаты активизируют усилия, направленные на всестороннее укрепление своих позиций на постсоветском пространстве за счет переориентации республик бывшего СССР на Вашингтон как на основного и наиболее выгодного партнера в важнейших областях. Администрация США полагает, что в условиях сохранения традиционно тесных торгово-экономических связей стран СНГ с Россией приоритетное развитие диалога с ними в сфере борьбы с терроризмом, обороны и безопасности позволит США обеспечить свою вовлеченность в региональные процессы и таким образом оказывать непосредственное влияние на их развитие.

В Европе основные усилия Соединенных Штатов в настоящее время сосредоточены на сохранении за собой ведущей роли в формировании системы коллективной безопасности в регионе, центральным компонентом которой должен оставаться Североатлантический союз. Вашингтон пытается блокировать любые возможности предоставления европейским странам широкой самостоятельности при решении военно-поли-

тических вопросов и создании автономных от НАТО региональных военных структур. США настойчиво проводят политику, направленную на дальнейшее расширение Североатлантического альянса, пытаются обеспечить привязку европейских стран к инфраструктуре блока, упрочить их зависимость от НАТО, и, в частности, от США в сфере военно-технического сотрудничества.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе основными союзниками Соединенных Штатов остаются Япония и Республика Корея. Главными направлениями военной политики США в АТР являются укрепление лидирующих позиций в этом районе мира, сохранение американского военного присутствия, расширение доступа ВС США к элементам инфраструктуры государств региона, предотвращение распространения оружия массового поражения.

На Ближнем Востоке главные задачи Соединенных Штатов состоят в защите своих военно-стратегических и экономических интересов, обеспечении безопасности морских и воздушных коммуникаций. Вашингтон, используя политические и экономические рычаги давления на Израиль и арабские страны, намерен добиваться от них содействия в разрешении палестино-израильского кризиса по выгодному для себя сценарию.

В Африке и Латинской Америке администрация США намерена продолжать курс на сохранение контроля за внешней и внутренней политикой стран этих регионов путем использования экономических рычагов, дипломатического нажима и прямого силового давления в интересах закрепления здесь своего влияния и защиты американских интересов в военно-политической, энергетической и торгово-экономической областях.

По взглядам американского военно-политического руководства, в обозримой перспективе применение вооруженных сил США будет осуществляться с привлечением войск (сил) союзников. При этом Соединенные Штаты будут самостоятельно определять цели войны и, исходя из них, формировать коалиции.

Сущность и содержание военной стратегии США раскрывается в целом комплексе официальных документов. Главными из них являются «Стратегия национальной безопасности США», «Стратегия национальной обороны США» и «Национальная военная стратегия США». При этом геополитические и геоэкономические аспекты американской военной стратегии освещаются в «Стратегии национальной безопасности», военно-политические – в «Стратегии национальной обороны», а военно-стратегические – в «Национальной военной стратегии».

По взглядам американского руководства, изменение характера будущего военного противоборства определяется значительным расширением спектра угроз национальной безопасности США в мире. В основополагающих «национальных стратегиях» существующие и ожидаемые угрозы подразделяются на четыре категории:

- Традиционные военные угрозы, обусловленные наличием у других государств регулярных вооруженных сил, оснащенных и подготовленных для ведения полномасштабных военных действий на земле, в воздухе и на море;

- Иррегулярные угрозы, исходящие со стороны иррегулярных вооруженных формирований стран и негосударственных субъектов, использующих такие методы, как терроризм и партизанские действия для нейтрализации преимуществ вооруженных сил США или осуществляющих преступную деятельность (пиратство, наркоторговля) для дестабилизации региональной безопасности;

Катастрофические угрозы, к которым относятся приобретение и использование оружия массового поражения (ОМП) государствами или негосударственными субъектами. По американским оценкам, эти угрозы исходят от растущего количества враждебных режимов и террористических групп, стремящихся к обладанию и применению ОМП.

Подрывные угрозы, которые обусловлены возможностью использования другими странами новых технологий (нано-, кибер- и космических, оружия направленной энергии и т.д.) для нивелирования военного превосходства США. Среди стран, которые в перспективе смогут оспорить американское превосходство в военной сфере, рассматривается, прежде всего, Китай. К державам, способным сменить свое отношение к США на враждебное и в перспективе эффективно им противодействовать, американское военное руководство также относит Россию и Индию.

Применение ВС США в XXI веке будет иметь следующие основные характерные черты: тесное взаимодействие на всех уровнях; нацеленность на достижение результативности; формирование единого информационного пространства; высокая огневая мощь и точность поражения целей; мобильность экспедиционных формирований ВС; использование превосходства в космосе; возможность применения ядерного оружия.

На ближайшие десятилетия основные усилия в военном строительстве США будут сосредоточены на совершенствовании оснащения ВС и их подготовке к боевому применению без полномасштабного мобилизационного усиления.

Американское военное руководство, признавая, что ВС США остаются сильнейшими в мире, не исключает возможности появления противников, которые, используя новые подходы к ведению вооруженной борьбы, смогут нейтрализовать это превосходство, что подорвет лидирующее положения США в мире. В связи с этим осуществляется наращивание военной мощи США в рамках так называемой трансформации ВС. При этом главное внимание уделяется комплексной реализации новой военной стратегии и новых концепций строительства и боевого применения ВС, нацеленных на укрепление военного превосходства США и возможностей по защите страны от асимметричных угроз с использованием превентивных действий.

Создание необходимого для реформирования ВС технологического потенциала планируется осуществлять путем развития и внедрения новых технологий, способствующих достижению целей национальной военной стратегии США и реализации перспективных концепций применения ВС.

Для реализации концепции «Всеобъемлющего сдерживания» США планируют использовать триаду, предназначенную для достижения стратегических целей в ходе будущих боевых действий. Она будет включать: 1) наступательный компонент (как ядерные, так и неядерные средства воздушного и космического нападения); 2) оборонительный компонент (единую глобальную систему ПРО/ПВО, перспективную систему ПКО); 3) гибкую, способную к воссозданию своих возможностей инфраструктуру производства, хранения и испытаний ядерного оружия. Для объединения компонентов триады планируется построить единую систему управления, разведки и планирования с использованием передовых информационных технологий.

Военная доктрина КНР

Военные теоретики Китая используют термин «военная доктрина» в отличном от принятого военной наукой Российской Федерации смысле. Он часто отождествляется с понятиями «стратегия национальной безопасности», «национальная стратегия», «оборонная стратегия». Иногда термин «военная доктрина» распространяется на какую-либо отдельную область военного дела («ядерная доктрина», «доктрина наступления»). В других случаях этот термин выступает как завуалированное выражение военно-политических целей государства и способов их достижения.

Наиболее соответствующим по смыслу американскому термину «стратегия национальной безопасности» отвечает китайский термин «да

чжаньлюе», дословно переводимый как большая стратегия. В широком смысле под «большой стратегией» понимается «стратегия использования ресурсов государства для достижения главных национальных идей». Китай имеет собственную, свойственную только ему систему взглядов на характер военных угроз и способы их парирования, а также на роль ВС в обеспечении национальных интересов, то есть то, что в военной науке и называется военной доктриной.

Как основу для достижения своих военно-политических целей руководство КНР рассматривает концепцию «жизненного пространства и стратегических границ». Данная концепция прямо обосновывает притязания руководителей китайского государства на создание собственных сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и формирование экономически и политически благоприятного для китайцев «жизненного пространства» в пределах «стратегических границ», которые не совпадают с государственными границами Китайской Народной Республики. При этом государственное и военное руководство Китая считает, что эти стратегические границы должны расширяться по мере роста «комплексной мощи государства». На современном этапе Пекин намерен добиваться выполнения поставленных задач путем применения мирных средств, реализуя во внешней политике концепцию «мягкой силы».

При оценке степени внешней военной угрозы ВПР КНР исходит из того, что роли стран и соотношение сил в мировой политике не остаются постоянными, поэтому следует быть готовыми к любому изменению международной обстановки, в том числе – в неблагоприятном для Китая направлении.

В соответствии со взглядами политического и военного руководства китайского государства угрозы национальной безопасности, суверенитету и территориальной целостности КНР подразделяются на «традиционные» и «нетрадиционные».

К числу основных «традиционных» угроз оно относит:

- нерешенность Тайваньской проблемы;
- потенциальную возможность прямой внешней агрессии вследствие территориальных споров между КНР и соседними государствами, а также вовлечение ВС США и Японии в вооруженный конфликт в зоне Тайваньского пролива;
- высокую степень вероятности решения проблем на Корейском полуострове силовыми методами;
- стремление США к сдерживанию Китая за счет укрепления суще-

ствующих и создания новых блоковых структур антикитайской направленности;

– распространение ядерного оружия, постепенную милитаризацию космического пространства;

– активизация международного терроризма, религиозного экстремизма и национального сепаратизма.

В качестве «нетрадиционных» угроз в КНР рассматривают угрозы в информационной, экономической, экологической и гуманитарной областях, а также угрозы, связанные с борьбой за источники сырья и рынки сбыта, контролем над ресурсами Мирового океана и стратегическими транспортными коммуникациями.

Необходимо отметить, что если ранее руководители китайского государства относили угрозы, связанные с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом к «нетрадиционным», то на данном этапе они относят их к «традиционным» угрозам.

Исходя из оценки вероятных военных угроз, государственное и военное руководство Китая классифицирует своих противников как «наиболее вероятных» и «потенциальных». К числу наиболее вероятных противников оно относит США и Японию, при этом отмечается, что прямое вооруженное столкновение с ними в ближайшей и среднесрочной перспективе может состояться только при решении Тайваньской проблемы силовыми методами. К потенциальным противникам руководители китайского государства относят Индию и ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Вьетнам, Малайзия и Филиппины, с которыми имеются территориальные разногласия.

Анализ тенденций развития мирового сообщества с середины 80-х гг. прошлого столетия до наших дней позволяет китайским стратегам сделать вывод о малой вероятности возникновения крупномасштабной войны с участием Китая. В ближайшей и среднесрочной перспективе, при сохранении существующих тенденций развития военно-политической обстановки в регионе, оно рассматривает возможность развязывания вооруженного конфликта высокой интенсивности против противника, обладающего технологическим превосходством.

Исходя из полученных выводов о перспективах развития военно-политической обстановки в регионе, а также используя опыт строительства современных ВС ведущими мировыми державами, политические лидеры Пекина строят свои вооруженные силы исходя из ряда концепций, наиболее актуальными из которых являются концепции «активной оборо-

ны», «ограниченного ядерного контрудара» и «локальных войн».

Концепция «активной обороны» ориентирует подготовку экономики и ВС к длительной активной стратегической обороне на заранее подготовленных рубежах с целью изменения соотношения сил в пользу ВС КНР и обеспечения перехода в решительное контрнаступление. Согласно китайской военной терминологии, эта концепция основана на принципе «обороны, самообороны и ответного удара по противнику».

Концепция «ограниченного ядерного контрудара» не опровергает взятого китайскими лидерами обязательства не применять ядерного оружия первыми, но предусматривает нанесение ответного ядерного удара по противнику, в намерения которого входит ядерное нападение на Китай. Развитие ВС КНР в рамках данной концепции осуществляется в соответствии с проводимой государственным и военным руководством страны политикой ядерного сдерживания.

Концепция «локальных войн» позволяет КНР осуществлять мероприятия по строительству современных ВС, способных решать поставленные задачи в вооруженных конфликтах любой интенсивности и против любого противника.

Государственное и военное руководство Китая, осуществляя мероприятия по военно-экономическому обеспечению обороны страны, исходит из ряда принципов, общепринятых в мировой практике. Важнейшим из них является создание так называемой системы малого военного представительства и больших мобилизационных возможностей, при которой ограниченное по масштабам производство военной продукции мирного времени служит базой для его интенсивного наращивания в военное время. Производственный потенциал мирного времени обеспечивает текущие потребности вооруженных сил в вооружении, создание новых образцов техники, а также потребности торговли оружием на внешнем рынке. Мобилизационные возможности, основанные на научно-техническом и производственном потенциале мирного времени, включают полное использование производственных мощностей оборонной промышленности, а также гражданской сферы экономики страны.

Основной упор в военно-технической сфере КНР делает на развитие собственной научно-технической базы по созданию передовых образцов вооружения и военной техники, технологий военного и двойного назначения. Поступательное развитие экономики Китая обеспечивает планомерное увеличение оборонных расходов, обеспечивающих модернизацию и строительство современных вооруженных сил Китая.

Выводы

В целом государственное и военное руководство США стремится не только добиться подавляющего военно-технического превосходства над потенциальными противниками, но и иметь такое же превосходство по отношению к своим стратегическим союзникам и странам-партнерам. Следствием этого может стать дальнейшее повышение значимости военной силы в достижении целей внешней политики США, что в перспективе может стать основным фактором, определяющим формирование военных угроз Российской Федерации. Развитие форм и способов применения ВС США свидетельствует об их подготовке, прежде всего, к войне с сопоставимыми по военной мощи противниками, в качестве которых рассматриваются Россия и Китай.

Современный внешнеполитический курс, декларируемый китайскими руководителями, носит миролюбивый характер, исключает вступление в любые блоки и позволяет обеспечивать военную безопасность и отстаивать территориальную целостность страны в нестабильных условиях мировой обстановки. Дальнейшее наращивание военной мощи позволит КНР не только защищать собственные национальные интересы на региональном и мировом уровне, но и предпринимать попытки решения спорных вопросов силовыми методами.

Список литературы:

1. Военная доктрина Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014. – Москва, 2014.
2. Герасимов, В.В. Векторы развития военной стратегии: доклад на конференции Академии военных наук Российской Федерации / В.В. Герасимов. – Москва: межрегиональная общественная организация «Академия военных наук», 2019.
3. Гранель Марсель. Китайская мысль / Пер. с фр. В.Б. Иорданского; Общ. ред. И.И. Семененко. – М.: Республика, 2004. 526 с.
4. Истребители 5-го поколения F-22A США и J-20 КНР в борьбе за воздушное превосходство на тихоокеанском ТВД: аналитический обзор по материалам зарубежных информационных источников / Государственный научный центр Российской Федерации, Гос. НИИ авиационных систем (ФГУП «ГосНИИАС»), Научно-информационный центр ; общ. ред. Федосов Е.А. – М.: 2019. 226 с.
5. Кашин В.Б. Эволюция китайской военной политики // Экспорт вооружений. 2012. № 10. С. 6.
6. Кашин П.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Аксенов И.В. Китай в состоянии экономической войны: весна и лето 2020 / Аналитическая записка КЗ/09/2020 // ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. М.: 2021. 23 с.
7. Кашин П.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Аксенов И.В. Китай: Роль военных структур во время пандемии коронавируса / Аналитическая записка К6/08/2020 // ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. М.: 2020. 23 с.
8. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019-2021: монография/ Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. – М. : ИДВ РАН, 2022.
9. Основы национальной безопасности [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие / Сост. С. Ю. Махов – Электрон. текстовые данные. – Орел: МАБИВ, 2019. 88 с.
10. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 299.
11. Тавровский Ю.В. Украинские угрозы для Пекина. – М.: Книжный мир, 2022. 170 с.
12. Assessing the Prospects for Great Power Cooperation in the Indo-Pacific / By Scott W. Harold, Nathan Beauchamp-Mustafaga, Soo Kim. RAND-Corp., 2023. 210 p.
13. Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020/ Joint Chiefs of Staff, 2012.
14. Cross-Domain Synergy on Joint Operations. Planner's Guide/ United States Joint Staff Joint Force Development Directorate (J7), 2016.
15. Description of the 2018 National Military Strategy / Joint Chiefs of Staff, 2018.
16. Gaining Victory in Systems Warfare: China's Perspective on the U.S.-China Military Balance / by Mark Cozad, Jeffrey Engstrom, Scott W. Harold, Timothy R. Heath, Sale Lilly, Edmund J. Burke, Julia Brackup, Derek Grossman. RAND Corp., 2023. 280 p.
17. Hyer, Eric. The Pragmatic Dragon: China's Grand Strategy and Boundary Settlements. UBC Press, 2015. 573 p.

18. Indo-Pacific Strategies: Navigating Geopolitics at the Dawn of a New Age / Edited by Brendon J. Cannon and Kei Hakata. Routledge, 2021. 271 p.
19. Irregular Warfare Joint Operating Concept / Joint Chiefs of Staff, 2010.
20. John Lee. Countering China's Magic Weapon of Grand Narratives Hudson Institute January, 2023. 2 p.
21. JP 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States / Joint Chiefs of Staff, 2013.
22. JP 3-0, Joint Operations / Joint Chiefs of Staff, 2017.
23. Multi-Domain Battle: Combined Arms for the 21st Century :United States Army-Marine Corps White Paper/ US Army, US Marine Corps, 2017.
24. National Security Strategy of the United States of America / The White House, 2017.
25. Summary of the 2018 National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge / Office of the Secretary of Defense, 2018.
26. TRADOC Pamphlet 525-3-1. The U.S. Army in Multi-Domain Operations, 2028 / U.S. Army Training and Doctrine Command, 2018.
27. Universal Joint Task List / Joint Chiefs of Staff, 2017.

Bibliography

1. Military doctrine of the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014. – Moscow, 2014.
2. Gerasimov, V.V. Vectors of development of military strategy: report at the conference of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation / V.V. Gerasimov. – Moscow: interregional public organization "Academy of Military Sciences", 2019.
3. Granel Marcel. Chinese thought / Transl. from fr. V.B. Jordanian; General ed. I.I. Semenenko. – M.: Republic, 2004. 526 p.
4. 5th generation fighters F-22A of the USA and J-20 of the People's Republic of China in the struggle for air superiority in the Pacific theater of operations: an analytical review based on materials from foreign information sources / State Scientific Center of the Russian Federation, State. Research Institute of Aviation Systems (FSUE GosNIIAS), Scientific Information Center; total ed. Fedosov E.A. – M.: 2019. 226 p.
5. Kashin V.B. The evolution of Chinese military policy // Arms export. 2012. № 10. P. 6.
6. Kashin P.B., Pyatachkova A.S., Smirnova V.A., Aksenov I.V. China in a state of economic war: spring and summer 2020 / Analytical note K3/09/2020 // TsKEMI NRU HSE. M.: 2021. 23 p.
7. Kashin P.B., Pyatachkova A.S., Smirnova V.A., Aksenov I.V. China: The role of military structures during the coronavirus pandemic / Analytical note K6/08/2020 // TsKEMI NRU HSE. M.: 2020. 23 p.
8. People's Republic of China: politics, economics, culture. 2019-2021: monograph/ Ros. acad. sciences; Institute of the Far East. – M.: IFES RAS, 2022.
9. Fundamentals of National Security [Electronic resource]: educational manual / Comp. S. Yu. Makhov – Electron. text data. – Orel: MABIV, 2019. 88 p.
10. Xi Jinping. About public administration. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 2014. P. 299.
11. Tavrovsky Yu.V. Ukrainian threats to Beijing. – M.: Book World, 2022. 170 p.
12. Assessing the Prospects for Great Power Cooperation in the Indo-Pacific / By Scott W. Harold, Nathan Beauchamp-Mustafaga, Soo Kim. RAND-Corp., 2023. 210 p.
13. Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020/ Joint Chiefs of Staff, 2012.
14. Cross-Domain Synergy on Joint Operations. Planner's Guide/ United States Joint Staff Joint Force Development Directorate (J7), 2016.
15. Description of the 2018 National Military Strategy / Joint Chiefs of Staff, 2018.
16. Gaining Victory in Systems Warfare: China's Perspective on the U.S.-China Military Balance / by Mark Cozad, Jeffrey Engstrom, Scott W. Harold, Timothy R. Heath, Sale Lilly, Edmund J. Burke, Julia Brackup, Derek Grossman. RAND Corp., 2023. 280 p.
17. Hyer, Eric. The Pragmatic Dragon: China's Grand Strategy and Boundary Settlements. UBC Press, 2015. 573 p.
18. Indo-Pacific Strategies: Navigating Geopolitics at the Dawn of a New Age / Edited by Brendon J. Cannon and Kei Hakata. Routledge, 2021. 271 p.
19. Irregular Warfare Joint Operating Concept / Joint Chiefs of Staff, 2010.
20. John Lee. Countering China's Magic Weapon of Grand Narratives Hudson Institute January, 2023. 2 p.
21. JP 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States / Joint Chiefs of Staff, 2013.
22. JP 3-0, Joint Operations / Joint Chiefs of Staff, 2017.
23. Multi-Domain Battle: Combined Arms for the 21st Century :United States Army-Marine Corps White Paper/ US Army, US Marine Corps, 2017.
24. National Security Strategy of the United States of America / The White House, 2017.
25. Summary of the 2018 National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge / Office of the Secretary of Defense, 2018.
26. TRADOC Pamphlet 525-3-1. The U.S. Army in Multi-Domain Operations, 2028 / U.S. Army Training and Doctrine Command, 2018.
27. Universal Joint Task List / Joint Chiefs of Staff, 2017.

Оян Мэйхэ

Шанхайский политико-юридический университет.

Сунь Ань

Шанхайский открытый университет.

О функции нравственного воспитания литературы как курса, на примере курса английской литературы

Ouyang Meihe

Shanghai University of Politics and Law.

Sun An

Shanghai Open University.

On the Function of Moral Education of Literature as a Course — taking English Literature course as an example

Moral education, in short, is the education of morality, which is to carry out ideological, political and moral education according to certain social requirements. In general school education, it mainly refers to moral education. “Literature can show students the need for tolerance among people and cultivate their compassion and tolerance” [1]. “From the nature of literature, the value of using literature for moral education far exceeds that of language education. Literature can develop students’ emotions, and literary works can also stir up students’ sense of identity with others” [2]. In China, “At present, despite the continuous reform of education, it seems that the test-oriented, technical and skill-based foreign language education has been a main theme, which has not changed for a long time; The humanistic value of foreign language education has not been fully highlighted or even denied” [3]. The literature courses can

not only promote the students' language skills, but also carry out moral education for them. The fundamental purpose of literature courses is "to promote morality by ability", and the ultimate goal is "to promote ability by morality".

In Chinese and Western cultures, the original meanings of morality are not the same, but one thing is certain, that is, it contains the pursuit of truth, goodness and beauty. To understand the original meanings, a scientific and reasonable understanding is to follow its origin and trace its source.

In the Chinese context, the connotation of morality has undergone a period of development before it is generally accepted by the world. "Tao" has three main meanings in Chinese: its original meaning was the road for people to walk, and later it was extended to the meanings of "morality, virtue, and justice", and it can also refer to the noumenon of the universe and its laws. "De" mainly refers to morality and conduct. The word "morality" now refers to a social ideology, that is, people have a common codes and norms for life and conduct. The traditional virtues of the Chinese nation are often reflected in ethics, especially in human relations. In Western culture, the discussion about moral education has a long history. The word *Morale* or *Morality* came from the Latin *Mores*, meaning customs and habits. Morality is closely related to cultural tradition. In different social and cultural backgrounds, the external manifestations and customs of morality are often far from each other. In the West, *Morality* has the difference between singular and plural form. In ancient Greece, the plural form of morality means the pursuit of the four virtues of "temperance, courage, wisdom and justice".

Since ancient times, Chinese literature has attached great importance to "Writings are for conveying truth", so has Western literature.

The *Book of Songs*, the earliest collection of poems in Chinese literature, contains about 500 years of poems from the early Western Zhou Dynasty to the middle of the Spring and Autumn period (from 11th century BC to the middle of the 6th century BC). If Chinese written literature was counted from the 11th century BC, it has a history of more than 3,100 years. Following the *Book of Songs*, there were pre-Qin prose, Tang poetry, Song Ci, Yuan Qu and Ming and Qing novels in Chinese literature, all of which distinguished themselves in literary history. Although Chinese literature is different in times and styles, there is a common thing in spirit, that is, humanistic spirit, which mainly reflects the feelings of family and country, the theme of relatives and life pondering.

Western literature has a history of nearly three thousand years since the beginning of ancient Greek literature. Western literature has three sources:

Ancient Greek literature, Roman literature, and early Christian literature. The positive and healthy thoughts, beautiful and varied artistic images and experiences in ancient Greek literature laid a solid foundation for the rich moral connotation in later Western literature. Homer's epics and ancient Greek dramas were vivid and meaningful. Aeschylus, Virgil, Dante, they're well-known for quite a long time. One of the important reasons for this is that these works contain universal moral education factors, that is, consciously or unconsciously, according to certain social requirements, they carried out ideological, political and moral education, even today, they still play such roles.

Whether it is Chinese literature or Western literature, for outstanding writers and works, we can make a long list, but this is not important, the most important is that we can feel the moral education in literature.

Literature can be defined in many ways. But one thing is certain, literature is a human study. In recent years, the teaching situation of literature in China is worrying because of the society's preference for practical courses and some composite majors. The reason points to utilitarianism and pragmatism. However, moral education is not permeable enough in the course of literature teaching. In fact, the teaching of literature can reflect three values: culture, knowledge, and training. Literature, as a course in universities, aims not only to help students improve their language expression ability, but also to edify their moral education, that is, "to promote morality by ability". In modern society where commodity economy is developing and people's utilitarianism is becoming more and more intense, literature teaching should play the function of moral education, and it is necessary to keep a clear understanding of this point. As early as 2003, Prof. Zhang Zhongzai pointed out that "in the current foreign language education, the utilitarian side is much emphasized and discussed, while the humanistic side has a weak voice" [4]. To change this situation, the teaching of literature as an important part of education should take its own responsibility, such as the teaching of English literature in foreign language education. Compared with other courses, literature courses have greater advantages in educating people. As a human study, literature is a good medium to study and forge people, and its disciplinary advantages are self-evident. Learning literature is an important way for students to perfect their personality, improve their cultural accomplishment and comprehensive quality.

The basic requirements of English majors in Chinese colleges and universities are "five skills", that is, five basic skills of listening, speaking, reading, writing and translating. English teachers and students have attached great importance to the training of these five skills, especially in the highly competitive

market economy environment, so it is understandable for students to master these basic foreign language skills. However, after all, these are just “skills”, we can not emphasize “skills” over “Tao”, we can not forget to carry out moral education to students but only impart them English literature knowledge. “English majors should pay special attention to the cultivation of students’ ability to read and criticize the original works in teaching. The expansion of knowledge is important, but what’s more important is the cultivation of research ability and the improvement of ideological realm” [5].

Whether it is a middle school subject or a college course, it is a course of educating people, and it is a moral education course. This seems to be an obvious truth; however, in today’s environment of the popularization of higher education in China, we see some phenomena that make people feel that moral education needs to be strengthened. College education is an important part of humanistic ecology and moral education, and a student’s time at university has a key impact on the development of his moral character. We believe that from a broad point of view, literature teaching is one of the factors of moral education, which can play a certain role in the construction of campus education ecology.

English literature courses are the basic courses for Chinese English majors, and Russian literature courses are the same for Russian majors. Through reading and analyzing English literary works, students can improve their basic language skills and humanistic qualities, and enhance their understanding of Western literature and culture. Literature teaching not only helps to sharpen students’ basic language skills, but also can promote their humanistic quality, and a person’s moral education quality is the comprehensive embodiment of the humanistic quality. For foreign language majors, it is not easy to realize this point, because in most people’s eyes, foreign language is a very instrumental discipline, and the process of foreign language learning runs through the training of listening, speaking, reading, writing and translation. The concept of “applying what you learn” makes people easy to turn to the utilitarian side and neglect the other side of educating people. CET4, CET-6 and TEM4 and TEM8, which have been popular in China for many years, have led China’s foreign language education to the exam-oriented track contrary to the original intention, making students put more emphasis on the techniques, which indirectly drives students’ utilitarian and speculative intentions, and makes foreign language majors who belong to the humanities gradually distance themselves from the humanistic spirit.

China has long regarded literature as “the high art”. Some people think that it is a pastime for rich people or small intellectuals after dinner, for college

students, the first thing is to solve their employment skills, to solve their “rice bowl”. “Morality”, which seems abstract (in fact, it is very concrete), is easy to be ignored by foreign language teachers. The commercialization of foreign language teaching, especially English teaching, has made some teachers eager and busy. In view of this, Prof. Zhang Zhongzai, a predecessor in the field of foreign language education in China, specially wrote *Utilitarianism and Humanism in Foreign Language Education*, in which he mentioned the role of literature: “An excellent literary work often affects a person’s life path and personality, and its powerful educational effect cannot be underestimated” [6]. Ostrovsky’s *How Steel Is Tempered*, Voynich’s *The Tabfly*, Shakespeare’s plays, Bacon’s prose, Byron and Shelley’s poetry have influenced generations of Chinese people. The “civilizing function” of literary works mentioned here is the moral education function of literature. “A course will end, but education still has a long-term impact, a good education will affect a person’s life, so that people continue to seek truth and good” [7].

The Chinese people have often attached importance to the function of cultivating morality in education, and often say that “cultivating morality first” and “correcting oneself first”. They also put morality first on teachers, emphasizing that in the process of cultivating morality, teachers should have better personality and professional quality.

If a literature teacher has a good literary accomplishment and a certain understanding of ethics and moral knowledge, he has the subjective conditions for carrying out moral education in literature teaching. If he complements the objective literature teaching content with appropriate teaching methods, he can imperceptibly exercise the function of moral education. However, the current discussion on the ways to improve literacy in Chinese universities mostly stays at the theoretical level and tends to the “teaching reform” of teachers in the teaching process, ignoring the need for students to carry out “learning reform” in the learning process [8].

Most of the existing methods of performing moral education in foreign language teaching are based on learning content and exploring moral education factors in teaching materials. “The core of the humanities is humanism and humanistic spirit, that is, putting people first, safeguarding and caring for human dignity and value, and cherishing the various spiritual cultures created in the history of human development” [9]. In the specific teaching process of foreign language teachers, moral education can be mainly conducted from three aspects: textbooks, courseware and language. Such as: to use teaching materials flexibly to exert the potential role of moral education; To elaborate courseware

to inspire students' moral thinking; To choose famous aphorisms for both language and moral education. In a word, it combines moral education with language teaching.

“The teaching methods that are compatible with the traditional assessment mode are usually teacher-oriented one-way classroom teaching, rather than those based on knowledge dissemination to achieve the purpose of improving literacy” [10]. After the connotation of moral education is given to literature courses, classroom teaching can be carried out from two aspects of teaching method and content: In teaching method, it is advisable to adopt the heuristic teaching based on classroom discussion, and follow the steps of questioning – discussion – check – summary to gradually develop students' ability to independently analyze and solve problems. The teaching content should be re-recognized and organized, and the students should consciously cultivate their humanistic qualities and sublimate their moral sentiments in the course of lectures.

The function of moral education in literature courses can be developed from the following three aspects:

First, to make clear the teaching purpose and moral function of literature courses. People often hear that some people “have knowledge but without culture”, in fact it refers to such a group of people: although they have a relatively high diploma, but their human quality is general, moral cultivation low, and personality not good. After the two turns of literary criticism, the moral function of literature has deteriorated a lot, even to the point that it is not worth mentioning. Some people even think that it is a historical regression to mention the moral function of literature. At the beginning of the 20th century, due to the influence of Saussure's structural linguistics theory, literary criticism experienced the first turn – linguistic turn. This influence lasted for a long time in the 20th century, and its influence is especially strong today. People are keen to interpret literary works from the form of text, which leads the aesthetic of literature into a formalized pattern. The teaching of English literature is no exception. It blindly pursues the understanding of the form and meanings of language, and falls into the maze of language. As a result, it turns the English literature class into an intensive reading class, while ignoring that literature is essentially a human study, and literature provides a paradigm of truth, goodness and beauty for the perfection of human nature. In particular, driven by the utilitarian desire to pass various levels of English examinations, learners tend to regard English literature as a tower piled up with words, a writing machine, and ignore the humanity contained in it and the virtues conveyed.

In the 1950s and 1960s, British and American critics experienced a second

turn – cultural turn. They were keen on studying mass cultural phenomena, that is, the cultural tastes of mass media and the bottom of society, women's issues and the cultural experiences of ethnic minorities, and were indifferent to the ideological activities and spiritual states in classical literature and elegant art. This cultural turn of literary criticism, without the intervention of moral ideas, would easily lead to the vulgarization of literary criticism, eyeing for the content of gender discrimination, ethnic discrimination and class discrimination in literary works, while being insensitive to the moral education and human factors originally contained in classical works. In particular, the moral connotation of classical works was ignored, thinking that it was the “sediment” of outdated social criticism and should be discarded as if it were valueless. In the modern society with the development of commodity economy and the prevalence of utilitarianism, it is particularly urgent to include moral education as one of the teaching purposes of literature. If teachers of literature persist in adopting the teaching strategy of “promoting ability by morality”, they can not only cultivate students with strong working ability to engage in work concerned after graduation, but also pay attention to improving their humanistic morality and comprehensive quality, so as to improve the cultivating quality of students in the long run ¹¹ and achieve the effect of “promoting ability by morality”.

Second, to pay attention to the moral connotation of literature content in teaching. Literature is extensive in content, rich in subject matter and diverse in genre. In the vast literary works, due to the different times and backgrounds of the authors, the different levels of personal literary accomplishment and the different ideological realms, it is inevitable that the essence and the dross coexist. If teachers pay attention to the moral connotation of teaching content, there will be a choice of standards. In order to receive a better moral education penetration effect, the choice of teaching materials should be “three appropriates”, that is, appropriate for classic, appropriate for contemporary, appropriate for works. Classic works have been carefully screened and filtered by the harsh old man of time, read and judged by readers and critics of generations, and have been compared and competed between works, and are recognized by the world. For example:

The subject matter in *King Lear* is universal and permanent, and it describes the relationship between parents and children that no one in the world has not felt closely. Through the different attitudes of the three daughters to the old father Lear, readers can experience what is disobedience, what is filial piety, and make their own correct choice. For those who are the “little prince” or “little princess” in the family, this filial education is not vivid and credible?! Like the classics of English literature, the first classic of American literature, Franklin's

Autobiography, tells the story of a man who, despite his humble beginnings, persevered and eventually succeeded. The people advocated in the book should not only have the spirit of hard work and optimism, but also have a down-to-earth and positive attitude toward life, which has no incentive effect on college students who are about to struggle in the workplace?! *Walden*, written by Thoreau, the representative figure of American transcendentalism, records Thoreau's experience of living alone in the forest for two years. During this period, he lived a simple and self-supporting life in a small house he built himself, and called on people to return to the simple and achieve self-perfection in nature with his own practical experience. Doesn't his noble personality, which respects nature and values spirit above material, make those who only know how to chase for profit all day long feel ashamed of themselves?! *The Waste Land*, an epic work by Eliot, a famous modern poet and winner of the 1948 Nobel Prize in Literature, shows the crisis of Western spiritual civilization. It depicts a picture of spiritual poverty and sexual disorder in postwar Western society, and expresses the strong disillusionment of Westerners. Isn't it a warning to contemporary Chinese people who are moving towards material prosperity?! The works of other writers such as Byron, Keats, Hardy, Auden, Shaw, Lessing, etc., cannot fail to make college students feel the call of a moral force and be influenced by various moral emotions.

In the teaching of English literature in China, we had better pay special attention to one point: "To use Chinese literature to cast the soul of foreign language students and understand the way of great learning; to use foreign language disciplines to help Chinese culture go global and highlight the global significance of Chinese culture" [12].

Third, to reform the teaching methods of literature. "Literary studies have long focused on classics and the interpretation of individual works, and each interpreter has a different idea of what "good" literature is, and how their judgments determine a text's place and stamina in history varies from case to case."¹³ We believe that in the teaching process of literature, "student-centered" and "open" teaching can be implemented by means of network teaching. The so-called open teaching is to inform students of the teaching task before class, guide and require students to prepare the class content in the role of teachers, and provide opportunities for students to teach in class, so that students can participate in the whole teaching process of literature. We can let students: 1. Organize study groups and conduct cooperative learning. Since the study of literature generally involves the introduction of writers, works, appreciation of selected texts, literary genres or related knowledge, so a group to complete the

task, not only will not make them feel overburdened, but also help them get rid of the fear that literature is too high; more importantly, can let students cultivate the spirit of cooperation and collectivism. 2. Divide tasks reasonably and clearly. After the study group is established (usually each group of four people, designated one of them as the leader), respectively undertake the task of introducing writers, works, genres or other literary knowledge, and appreciating selected texts. Naturally, there will be both division of labor and cooperation among members; Discussions can be held among members to reach a consensus. The purpose of doing so is to improve students' hands-on ability and their competence to solve practical problems, so as to improve their comprehensive ability [3]. Make courseware and class presentation. With the help of rich information resources in the network, students can complete the tasks assigned by teachers before class; this not only gives students a sense of achievement, but also enables them to respect the fruits of others' labor.

In order to boost the moral effect of literature and make students morally influenced imperceptibly, we believe that the practice of students can be increased in the teaching process of literature. Literature is the historical and cultural accumulation of a country, which has its positive significance as a part of human civilization. However, every civilization has its special development process and historical background, and its ideology and values are not naturally superior and universally applicable.¹⁴ Moreover, the teaching process does not only refer to the teaching in class, but also includes the work related to the course done by students after class, so a "holistic interactive teaching model" can be implemented. Poetry, drama, fiction, prose and other genres are integrated, and practical projects such as poetry recitation, drama segment performance, fiction and prose appreciation or paper writing are promoted with the classroom teaching content as a whole. Students can prepare the class presentations independently. They can freely organize in-class presentation groups, extracurricular interest groups, and special discussion groups for mutual assistance, cooperation, and discussion. In this way, through the role interaction between teachers and students, the interaction between students' in-class learning and extracurricular practice, and the alternation between students' in-class learning and extracurricular practice, students not only become listeners but also decoders of moral education ideas contained in literary works, so that the literature class can achieve a more ideal effect of moral education.

Our teaching method of English literature has been evaluated by students, which can be summarized in three aspects: First, students' learning enthusiasm has been improved. Students no longer just passively listened to teachers as be-

fore, and they themselves assumed part of the role of teachers. The moral content in the textbooks was not like empty preaching, but quite effective. Second, students' independent learning ability was cultivated. By trying to make their performance in class "brilliant", students unconsciously developed their own independent learning ability. Third, students' humanistic quality was bettered. Presentation in class was not only a comprehensive application of English, but also required students to have a good humanistic quality and critical thinking ability.

While language knowledge and skills can be measured by tests and scores, the moral penetration of the teaching of literature cannot be evaluated by concrete data. Entering the new century, "another remarkable new trend in education around the world is the shift from competency-based to values-oriented." Values-orientedness, ultimately, is teaching students how to treat themselves, others, society, the country and the world" [15]. If teachers consciously advocate positive values and moral education in the teaching process from the aspects of purpose, content and methods, and "promote morality by ability", then students' moral and good deeds in society can fully reflect the function of literature education and achieve "promoting ability by morality". Literature courses can broaden students' knowledge of humanities, improve students' ideological and moral quality, and then make them a person with both humanistic spirit and living taste, which can play a real effect of improving students' comprehensive quality that other courses are not easy to achieve.

Список литературы / Bibliography

1. Zhan Limin. Foreign Literature Courses for English Majors and the Cultivation of Humanistic Quality [J]. Theoretical Monthly, 2008. № 5. P. 82.
2. Zeng Yanyu. On the Interdisciplinary Development Ways of Foreign Languages and Literatures in the New Era [J]. Foreign Language World, 2019. № 1. P. 33.
3. WANG Wenbin, LIU Xinmiao. The Issues of Foreign Language Education Research and Practice in China [J]. Foreign Languages and Their Teaching, 2021. № 1. P. 8.
4. Zhang Zhongzai. Utilitarianism and Humanism in Foreign Language Education (J). Foreign Language Teaching and Research, 2003. № 6. P. 453.
5. Hu Wenzhong, Sun Youzhong. On strengthening humanistic education in the English language curriculum [J], Foreign Language Teaching and Research, 2006. № 5. P. 246.
6. Zhang Zhongzai. Utilitarianism and Humanism in Foreign Language Education (J). Foreign Language Teaching and Research, 2003. № 6. P. 457.
7. Peng Chao. To tell Chinese stories well in Contemporary Literature class [J]. University Education, 2022. № 9. P. 157.
8. Huang Lu, et al. Research on innovative learning methods of basic English courses oriented on improving literary quality [J]. China storage & transport magazine, 2021. № 7. P. 138.
9. Zha Mingjian. On the Humanistic Natures of the English Discipline and the Significance of the Humanities-Based Curriculum for English Majors Based on the National Guideline [J]. Foreign Languages and Cultures, 2017. № 1. P. 20.
10. Tan Yutong. Reflection on the innovation of evaluation of literary quality courses for non-literature majors in newly established undergraduate colleges [J]. Journal of Chizhou University, 2021. № 1. P. 152.
11. Hu Aihua, Li Yuxian. A study on the teaching of British and American Literature for master students majoring in English from the perspective of Ethical Selection [J]. LANZHOU VOCATIONAL TECHNICAL COLLEGE, 2021. № 3. P. 77.
12. Zhang Xiping. Introducing China to the world: the new mission of foreign language universities [J]. International Sinology, 2021. № 2. P. 7.
13. Jin Wen, Li Sheng. "Big Data" analysis and literature research [J]. China Book Review, 2014. № 4. P. 75.
14. Bu Fanning, et al. Exploration on the Curriculum Ideology and Politics Education in the Course of "British and American Literature"[J]. EDUCATION TEACHING FORUM, 2020. № 19. P. 299.

Боярский П.В.

Аспирант РАНХиГС (Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), директор МБОУ Петровской СОШ имени Героя РФ Д.В. Межуева.

Влияние миграционной политики Германии на процесс приема просителей убежища во Франции после Европейского миграционного кризиса 2015 года

В общественных и политических дискуссиях во Франции политику приема беженцев Германии считают хорошим примером для подражания, в частности, после того, что было описано как «кризис предоставления убежища»¹ в 2015 году². В своем выступлении перед префектами в 2017 году президент Республики Эммануэль Макрон сформулировал выбор в пользу немецкой модели: «Я надеюсь, что будущий закон будет строиться вокруг главной цели: приблизить французскую модель к немецкой»³. И действительно, несмотря на то что в принятом год спустя Законе от 10 сентября 2018 года «О контролируемой иммиграции, эффективном праве на убежище и успешной интеграции»⁴ уже нет прямого упоминания о Германии, он содержит ряд мер, взятых из немецкого законодательства. Наиболее ярким примером является «более директивный характер территориального распределения лиц, просителей убежища»⁵, основанный на идее справедливого распределения по всей территории страны. В Германии распределение беженцев между федеральными зем-

1 Несмотря на очень активное освещение в СМИ «кризиса мигрантов» или «кризиса предоставления убежища» в Европе в 2015 г., несколько исследователей показали, что проблема, прежде всего, заключалась в политике приема иностранных граждан. См. в частности: CARLIER, Marine; DE COUSSEMAKER, Solange, «Ce n'est pas une crise des migrants mais une crise des politiques d'hospitalité (entretien avec Karen Akoka)», *Projet*, n° 360, octobre 2017, P. 77-83 ; LENDARO, Annalisa ; RODIER, Claire ; VERTONGEN, Youri Lou (sous la direction de), *La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances*, Paris : Éd. La Découverte, 2019, 320 p.

2 HARZOULOU, Mustapha, «Vive le modèle allemand», *Hommes & migrations*, n° 1320, janvier- février-mars 2018. P. 139-142.

3 Заявление Президента Республики Эммануэля Макрона о задачах и приоритетах государственной политики и о роли префектов, сделанное в Париже 5 сентября 2017 г. // URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/203578-declaration-de-m-emmanuel-macron-pre-sident-de-la-republique-sur-les-d>.

4 LOI n° 2018-778 du 10 septembre 2018 pour une immigration maîtrisée, un droit d'asile effectif et une intégration réussie. — Текст : электронный // *Légifrance* // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORF-TEXT000037381808> (Дата обращения: 24.07.2023).

5 CORNELOUP, Sabine; JAULT-SESEKE, Fabienne, «La loi du 10 septembre 2018 pour une immigration maîtrisée, un droit d'asile effectif et une intégration réussie», *Revue critique de droit international privé*. 2019. Vol. 1. № 1. P. 5-34 (см. с. 18).

лями (Bundesländer)⁶ было введено в законодательство в 1965 году с принятием закона об иностранцах (Ausländergesetz).

Однако путь к интеграции немецкой модели во Франции не ограничивается только принятием законов, направленных на повышение «эффективности» (и ограничения) системы приема лиц, просителей убежища. Принятие Германией летом и осенью 2015 года нескольких сотен тысяч беженцев, изначально застрявших на «балканском маршруте» из-за отказа некоторых правительств принять их или даже пропустить транзитом через свою территорию, было позитивно воспринято во Франции, особенно левыми политическими партиями. Для них «усилия» Германии были особенно приятны, в условиях того, что Франция как «страна прав человека» приняла в 2015 году сравнительно мало просителей убежища⁷. По данным Евростата, в Германии с 2010 года наблюдается резкий рост числа просителей убежища, пик которого пришелся на 2015 год - 476 510 заявлений и 2016 год - 745 160 заявлений. Во Франции же количество зарегистрированных заявлений о предоставлении убежища в 2015 и 2016 годах по сравнению с предыдущими годами изменилось незначительно, что отражает отсутствие заинтересованности со стороны французского правительства: 76 165 заявлений о предоставлении убежища (примерно в шесть раз меньше, чем в Германии) в 2015 году и 84 270 (почти в девять раз меньше) в 2016 году. Таким образом, если в Германии ежегодное количество заявлений о предоставлении убежища в период с 2010 по 2016 год увеличилось в 15 раз, то во Франции - только в 1,6 раза⁸. Эта количественная разница не нова. В 1980-х годах, когда число беженцев в Европе возросло, Франция достигла «пика» в 61 тысячу просителей убежища в 1989 году⁹, тогда как в 1992 году Германия приняла 440 тысяч человек, многие из которых бежали от войны в Югославии¹⁰. Как отмечает Франсуа Эран, если Франция в основном принимает «обычную иммиграцию» путем предоставления вида на жительство, то для Германии характерна тенденция принимать большое количество

6 DICKEL, Doris, Einwanderungs und Asylpolitik der Vereinigten Staaten von Amerika, Frankreichs und der Bundesrepublik Deutschland: Eine vergleichende Studie der 1980er und 1990er Jahre, Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002. 418 p. (см. с. 283).

7 HAMANN, Julie, "Entre ouverture et repli: perception comparée de la crise des réfugiés et du terrorisme", in: Heinrich Böll Foundation; German Institute for Foreign Policy (ed.), Images et stéréotypes. Perceptions franco-allemandes en temps de crise, Berlin: Heinrich Böll Foundation, 2016. P. 48-56 (см. с. 49).

8 Asylum seekers and first-time asylum seekers - aggregated annual data (rounded). // Eurostat // URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/fr/web/products-datasets/-/TPS00191> (Дата обращения: 24.07.2023).

9 LEGOUX, Luc, La crise de l'asile politique en France, Paris: Centre français sur la population et le développement, 1995. 344 p. (см. с. 197).

10 OLTMER, Jochen, Migration. Geschichte und Zukunft der Gegenwart, Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2017. 288 p. (см. с. 225).

беженцев на разовой основе – «экстраординарная иммиграция»¹¹.

Однако прием Германией нескольких сотен тысяч беженцев в 2015 году нельзя рассматривать исключительно с точки зрения политической щедрости, как это было продемонстрировано во Франции в СМИ и политическом дискурсе, которые долгое время акцентировали внимание исключительно на гуманистическом характере этого действия. С одной стороны, одновременно с приемом большого количества лиц, просителей убежища, «Германия не перестает финансовым и военным путем участвовать в другой стороне европейской политики, которая заключается, с одной стороны, в усилении контроля на внешних границах, а с другой - в спешном внедрении средств, призванных, по большому счету, не допустить беженцев к этим границам»¹². С другой стороны, начиная с 2017 года, количество ежегодных заявлений о предоставлении убежища будет стремительно падать, достигнув 165 615 в 2019 году (снижение примерно до 120 000 в 2020 году в условиях закрытия границ в связи с пандемией COVID-19, что резко сократит количество заявлений о предоставлении убежища по всей Европе), тогда как количество заявлений о предоставлении убежища, зарегистрированных во Франции, продолжит расти после 2016 года и достигнет 151 070 в 2019 году, что близко к показателю Германии за тот же год.

Даже если количественное значение приема лиц, просителей убежища в Германии достаточно эпизодично¹³ и если немецкая «культура приема» имеет две стороны и наряду с приемом беженцы могут восприниматься как «жертвы», что идет рука об руку с системой «асимметричных властных отношений» и воспроизводит формы патернализма и дискриминации¹⁴, во французских СМИ и политическом дискурсе сформировалось представление о специфической немецкой «культуре приема»¹⁵, которая должна быть скопирована. Эта «культура гостеприимства» возносила в идеал в ряде французских газет, особенно до 2017-2018 годов¹⁶.

---

11 HÉRAN, François, *Avec l'immigration. Mesurer, débattre, agir*, Paris: Éd. La Découverte, 2017. 327 p.

12 MORICE, Alain, "Ce que la crise de 2015 nous révèle sur les politiques migratoires euro-péennes", in: LENDARO, Annalisa; RODIER, Claire; VERTONGEN, Youri Lou, *op. cit.*, P. 31- 64 (см. с. 51).

13 Тем не менее следует отметить, что за шесть лет, с 2015 по 2020 год, Германия приняла почти в три раза больше лиц, ищущих убежища, чем Франция: 1 915 985 против 641 970. За этот период эти две страны приняли наибольшее количество просителей убежища в Европе. Однако такое большое количество также влияет на качество и «эффективность приема», о чем будет рассказано далее.

14 KARAKAYALI, Serhat; STEINHILPER, Elias, "L'été de l'accueil" en Allemagne : les deux versants du bénévolat en temps de "crise des réfugiés", in: LENDARO, Annalisa; RODIER, Claire; VERTONGEN, Youri Lou, *op. cit.* P. 251-271 (см. стр. 262).

15 HAMANN, Julie, *art.cité* (см. стр.49).

16 См. ссылки в статье HARZOUNE, Mustapha, "Vive le modèle allemand", *Hommes & migrations*, n° 1320, janvier- février-mars 2018. P. 139-142.

На самом деле, как показало эмпирическое исследование, проведенное во Франции до 2020 года, многие волонтеры и социальные работники склонны идеализировать положение просителей убежища и беженцев в Германии. Воображаемый образ «гостеприимной» Германии, по-видимому, очень сильно присутствует в их рассуждениях, при этом они не имеют никакого представления о реальной ситуации с приемом беженцев, кроме газетных статей и нескольких историй, рассказанных беженцами, которые транзитом проезжали через Францию, прежде чем попасть в Германию.

Однако этот интерес к политике соседней страны не является взаимным: если в Германии общественные дискуссии, как правило, сосредоточены на предполагаемой необходимости стандартизации этой политики на европейском уровне, то Франция обсуждает, почти исключительно, на основе ярких образов лагерей беженцев в Париже или Кале. Можно привести несколько статей, в которых ситуация с просителями убежища рассматривается с гуманитарной точки зрения, без обсуждения самой системы приема данной категории лиц. В октябре 2016 года в статье о демонтаже французским правительством лагеря в Кале журнал *Der Spiegel* дал заголовок: «Dschungel» zerstört - Flüchtlingsproblem ungelöst» («Джунгли» разрушены - проблема беженцев не решена)¹⁷. Четыре года спустя, в сентябре 2020 года, газета *Süddeutsche Zeitung* вышла с заголовком: «Gestrandet an der Seine» («Застрявшие на Сене»), говоря о феномене образования/разрушения/реформирования лагерей в Париже¹⁸. Аналогичным образом поразило то, что, в отличие от того, что происходило во Франции, государственные, добровольные и волонтерские структуры, не проявляли особого интереса к ситуации с приемом лиц, ищущих убежища, на другом берегу Рейна (в Германии).

Распределение просителей убежища. В Германии система распределения и размещения просителей убежища, в которой задействованы все уровни федеральных территорий, все еще выглядит очень ограничительной по сравнению с размещением просителей убежища в соответствии с французской Национальной системой приема беженцев (*Dispositif national d'accueil*), даже несмотря на то, что в последние годы Франция ввела в свою государственную политику приема меры, способствующие «директивному размещению». Так, «национальный план

17 SIMONS, Stefan *Dschungel*'zerstört-Flüchtlingsproblem ungelöst / Stefan SIMONS. — Текст : электронный // *Der Spiegel* // URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/frankreich-camp-von-calais-geraeumt-fluechtlingsproblem-ungeloest-a-1117997.html>. (Дата обращения: 24.07.2023).

18 PANTEL, Nadia *Gestrandet an der Seine* / Nadia PANTEL. — Текст : электронный // *Süddeutsche Zeitung* // URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fluechtlinge-in-frankreich-gestrandet-an-der-seine-1.5036813> (Дата обращения: 24.07.2023).

приема [...] теперь также устанавливает долю лиц, просителей убежища, принимаемых в каждом регионе, и если доля лиц, просителей убежища, проживающих в каком-либо регионе, превышает долю, установленную планом, то проситель убежища может быть направлен в другой регион»¹⁹. Несмотря на эти реформы, не все просители убежища во Франции размещаются государством. Из-за нехватки мест в приемных пунктах регулярно образуются неформальные лагеря, и многие просители убежища оказываются бездомными²⁰. С другой стороны, в Германии, даже в условиях увеличения числа просителей убежища в 2015 году, была проявлена сильная политическая воля к внедрению системы распределения и директивного размещения, хотя это заставило муниципальные власти создавать временные помещения, например, в сараях или спортивных залах²¹.

Организация процедуры предоставления убежища. В последние годы в обеих странах политическая тенденция явно направлена на более эффективное рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, с явным стремлением ускорить депортацию в случае отрицательного решения. Во Франции, например, заявленная цель - достичь шестимесячного срока рассмотрения ходатайства в первой инстанции²². Однако отчеты о деятельности OFPRA²³ показывают, что, несмотря на тенденцию к сокращению сроков рассмотрения, некоторые процедуры по-прежнему занимают гораздо больше времени, чем сроки, установленные законом 2018 года²⁴. К этому следует добавить, что в некоторых случаях, длительность рассмотрения апелляций в CNDA²⁵, в период с 2014 по 2018 год составляла в среднем от пяти до семи месяцев²⁶. Эти цифры не поддаются прямому сравнению с данными по Германии, где в отчетах о деятельности

---

19 CORNELOUP, Sabine; JAULT-SESEKE, Fabienne, "La loi du 10 septembre 2018 pour une immigration maîtrisée, un droit d'asile effectif et une intégration réussie", *Revue critique de droit international privé*, 2019. Vol. 1. № 1. P. 5-34 (см. стр. 18).

20 BRAUD, Fanny; FISCHER, Bénédicte; GATELIER, Karine, *L'hébergement des demandeurs d'asile à l'épreuve d'administrations françaises en crise. Une analyse locale : l'exemple de Grenoble*, *La revue des droits de l'homme*, 2018. № 13 // URL: <http://journals.openedition.org/revdh/3478>.

21 Пример описывается: AUMÜLLER, Jutta; DAPHI, Priska; BIESENKAMP, Celine, *Die Aufnahme von Flüchtlingen in den Bundesländern und Kommunen: Behördliche Praxis und zivilgesellschaftliches Engagement*, Berlin: Robert Bosch Stiftung, 2015. 182 p.

22 CORNELOUP, Sabine; JAULT-SESEKE, Fabienne, "La loi du 10 septembre 2018 pour une immigration maîtrisée, un droit d'asile effectif et une intégration réussie", *Revue critique de droit international privé*, 2019. Vol. 1. № 1. P. 5-34 (см. стр. 8).

23 Французское агентство по защите беженцев и апатридов.

24 *Les rapports d'activité de l'OFPRA*. — Текст : электронный // OFPRA : // URL: <https://www.ofpra.gouv.fr/fr/l-ofpra/nos-publications/rapports-d-activite>. (Дата обращения: 10.07.2023).

25 Национальный суд по вопросам убежища (Франция)

26 *Le rapport d'activité de la CNDA pour l'année 2018* : COUR NATIONALE DU DROIT D'ASILE, *Rapport d'activité 2018*, Paris : CNDA, 50 p. (см. стр. 41).

BAMF²⁷ указывается только общая средняя продолжительность процедуры по всем инстанциям вместе взятым. В период с 2016 по 2018 год этот показатель составлял от восьми до тринадцати месяцев²⁸.

Уровень правовой защиты. Как во Франции, так и в Германии, что касается результатов рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, то после ограничений в политике предоставления убежища люди, получающие международную защиту (статус беженца, дополнительную защиту), составляют явное меньшинство. Так, во Франции, по данным OFPRA, в 2015-2019 годах уровень защиты составлял от 35% до 40%²⁹, а в Германии, по данным BAMF, этот показатель составлял 50% в 2015 году и 62% в 2016 году, после чего снизился до 35% в 2018 году²⁹. Однако прямое сравнение этих показателей также не представляется возможным ввиду различий в методах их получения. Например, в отличие от данных, публикуемых OFPRA, статистика BAMF включает так называемые «формальные решения», которые учитываются как отрицательные решения, но не обязательно соответствуют процедурам предоставления убежища в понимании Франции, поскольку в основном это процедуры, прерванные в связи с Дублинской процедурой³⁰, которые не учитываются OFPRA в качестве процедур предоставления убежища. Кроме того, в Германии уровень защиты включает в себя специфическую правовую ситуацию, которая малоизвестна во Франции. Речь идет о «терпимости» (*Duldung*), которая с юридической точки зрения является своего рода «приостановкой» процедуры высылки, когда считается, что она угрожает жизни соответствующего лица, но в действительности не ведет к получению «реального» вида на жительство³¹.

Социальная интеграция. Отмечается различие между Францией и Германией в отношении возможностей участия в жизни общества или предписаний «интегрироваться» в период рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Исторически сложилось так, что спекуляция на возможностях участия в жизни принимающего общества всегда была политическим инструментом, с помощью которого пытались отгово-

27 Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев (Германия)

28 Les rapports d'activité du BAMF (Das Bundesamt in Zahlen) pour les années 2016 (см. стр. 55), 2017 (см. стр. 57) et 2018 (см. стр. 61).

29 Le rapport d'activité du BAMF 2018 (см. стр. 54).

30 Мальцева Ю.В. Реформирование общей европейской системы предоставления убежища // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 121-129.

31 BAKOBEN, Sandrine, "Leben zwischen Duldung und Hoffnung. Erfahrungen von geduldeten jungen Erwachsenen aus Subsahara-Afrika beim Zugang zum deutschen Bildungssystem", in : MRATSCHKOWSKI, Anna (edited by), Integration Geflüchteter in Deutschland, Baden- Baden : Nomos, 2020, P. 129-152 ; BARTEL, Anja, Parcours de jeunes réfugiés en France et en Allemagne. Con-textes politiques et expériences biographiques de la reconstruction d'une vie en exil, Thèse de doctorat en sociologie, Strasbourg : Université de Strasbourg, 2022. 462 p.

рить просителей убежища от приезда. Наряду с ограничительными мерами в политике предоставления убежища, как во Франции, так и в Германии, лицам, ищущим убежище, стало трудно получить работу. Запрет на работу для просителей убежища был введен во Франции 26 сентября 1991 году так называемым циркуляром «Эдит Крессон»³². В Германии доступ на рынок труда был запрещен в 1981 году для лиц, находившихся в стране менее года, а затем в 1987 году этот запрет был распространен на просителей убежища, находившихся в стране менее 5 лет³³. Однако в случае Германии эта политическая воля, направленная на предотвращение любой возможности интеграции во время процедуры предоставления убежища, недавно изменилась: с 2014 года просители убежища пользуются во время рассмотрения их ходатайства о предоставлении убежища некоторыми мерами, связанными с политикой интеграции, такими как доступ к интеграционным курсам, предлагаемым государством, или ограниченный доступ к рынку труда³⁴. В конечном счете это сопровождается усилением фрагментации внутри категории просителей убежища: просители убежища, не имеющие хорошие перспективы (*gute Bleibeperspektive*), не подвержены этим упрощениям.

Важно отметить, что в Германии эта политика интеграции проводится BAMF, которая также отвечает за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, чего нельзя сказать о Франции, где интеграция просителей убежища не является заявленной политической целью. Во Франции, где интеграция лиц, ищущих убежища, не является заявленной политической целью, участие в образовательных курсах, предоставляемых в рамках Республиканского интеграционного контракта (CIR), по-прежнему обусловлено получением статуса международной защиты.

Вывод

Германия хоть и остается лидером мнения для Франции в рамках проводимой политики по отношению ко всем группам мигрантов, но

---

32 Circulaire du 26 septembre 1991 relative à la situation des demandeurs d'asile au regard du marché du travail. — Текст : электронный // Legifrance.gouv.fr // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/ljo/1991/09/27/0226> (Дата обращения: 27.07.2023).

33 “Sofort programm” (programmed'actionimmédiate) de 1980, puis “Gesetz zur Änderung asylverfahrensrechtlicher, arbeitslaubnisrechtlicher und ausländerrechtlicher Vorschriften” (Loi modifiant les dispositions relatives à la procédure d'asile, au permis de travail et au droit des étrangers).

34 Для определения «хороших перспектив пребывания» BAMF полагается на уровень предоставления международной защиты просителям убежища в зависимости от страны происхождения: если 50% заявителей из одной и той же страны происхождения получают форму защиты, то заявители из этой страны происхождения попадают в категорию «хорошие перспективы пребывания». В 2022 году в эту категорию вошли только граждане Эритреи, Сирии, Сомали и Афганистана.

Франция придерживается своей системы которая работает на протяжении десятков лет не принося сильных неудобств. При это оба государства проводят постоянные реформы в данной сфере, пытаясь, на опыте предыдущих лет, избавиться от пагубных эффектов которые за собой ведет проводимая миграционная политика. Так или иначе оба государства стремительно уходят на путь в котором потоки беженцев из любой страны мира будут заинтересованы в получения убежища именно в этих странах. С одной стороны это говорит, о высоком уровне гуманизации этих стран, а с другой, что эти страны недостаточно четко осознают все риски при которых большие миграционные потоки начнут негативно влиять на общество внутри этих стран.

Список литературы / Bibliography

1. Мальцева Ю.В. Реформирование общей европейской системы предоставления убежища // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 121-129.
2. Maltseva Yu.V. Reforming the common European asylum system // Modern Europe. 2017. № 4 (76). P. 121-129.
3. Aumüller Jutta, Daphi Priska, Biesenkamp Celine. Die Aufnahme von Flüchtlingen in den Bundesländern und Kommunen: Behördliche Praxis und zivilgesellschaftliches Engagement, Berlin: Robert Bosch Stiftung, 2015. 182 p.
4. Bakoben Sandrine. "Leben zwischen Duldung und Hoffnung. Erfahrungen von geduldeten jungen Erwachsenen aus Subsahara-Afrika beim Zugang zum deutschen Bildungssystem", in: MRATSCHKOWSKI, Anna (edited by), Integration Geflüchteter in Deutschland, Baden - Baden : Nomos, 2020. P. 129-152.
5. Braud Fanny, Fischer Bénédicte, Gatelier Karine. "L'hébergementdesdemandeursd'asile à l'épreuve d'administrations françaises en crise. Une analyse locale: l'exemple de Grenoble", La revue des droits de l'homme, 2018. № 13. // URL: <http://journals.openedition.org/revdh/3478>.
6. Cornloup Sabine, Jault-Seseke Fabienne. "La loi du 10 septembre 2018 pour une immigration maîtrisée, un droit d'asile effectif et une intégration réussie", Revue critique de droit international privé, 2019. Vol. 1. № 1. P. 5-34.
7. Dickel Doris. Einwanderungs- und Asylpolitik der Vereinigten Staaten von Amerika, Frank- reichs und der Bundesrepublik Deutschland: Eine vergleichende Studie der 1980er und 1990er Jahre, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002. 283 p.
8. Hamann Julie. "Entre ouverture et repli: perception comparée de la crise des réfugiés et du terrorisme", in: Heinrich Böll Foundation; German Institute for Foreign Policy (ed.), Images et stéréotypes. Perceptions franco-allemandes en temps de crise, Berlin: Heinrich Böll Foundation, 2016. 49 p.
9. Harzoune Mustapha. "Vive le modèle allemand", Hommes & migrations, n° 1320, janvier - février-mars 2018. P. 139-142.
10. Heran François. Avec l'immigration. Mesurer, débattre, agir, Paris: Éd. La Découverte, 2017. 327 p.
11. Karakayali, Serhat, Steinhilper Elias. "L'été de l'accueil" en Allemagne: les deux versants du bénévolat en temps de 'crise des réfugiés", in: LENDARO, Annalisa; RODIER, Claire; VERTONGEN, Youri Lou, op. cit, 262 p.
12. Legoux Luc. La crise de l'asile politique en France, Paris: Centre français sur la population et le développement, 1995. 197 p.
13. Morice Alain. "Ce que la crise de 2015 nous révèle sur les politiques migratoires européennes", in: LENDARO, Annalisa; RODIER, Claire; VERTONGEN, Youri Lou, op. cit, 51 p.
14. OLTMER, Jochen, Migration. Geschichte und Zukunft der Gegenwart, Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2017. 225 p.
15. Pantel Nadia. Gestrandet an der Seine // Süddeutsche Zeitung // URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fluechtlinge-in-frankreich-gestrandet-an-der-seine-1.5036813> (Дата обращения: 24.07.2023).
16. Simons Stefanю Dschungel' zerstört-Flüchtlingsproblemungelöst // Der Spiegel // URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/frankreich-camp-von-calais-geraeumt-fluechtlings-problem-ungeloest-a-1117997.html>. (Дата обращения: 24.07.2023).
17. Bartel Anja. Parcours de jeunes réfugiés en France et en Allemagne. Con-textes politiques et expériences biographiques de la reconstruction d'une vie en exil, Thèse de doctorat en sociologie, Strasbourg: Université de Strasbourg, 2022. 462 p.

Гасанов Эльмин Агамуса оглу

Советник юстиции. Министерство юстиции, город Баку.

Международное гуманитарное право в контексте современных вызовов

Введение

В последние годы международная гуманитарная система претерпела значительные изменения в связи с меняющейся динамикой современных конфликтов и тревожными тенденциями их гуманитарных последствий. В последнее время насилие становится все более фрагментарным, различные его формы (политические, уголовные, межобщинные) дополняют друг друга, усиливается негативное воздействие на людей и инфраструктуру, систематически нарушаются законы ведения войны, облегчается приобретение оружия, а применение нелегального оружия расширяется. Помимо уменьшения количества международных вооруженных конфликтов, необходимо отметить увеличение количества затяжных очагов насилия и внутренних конфликтов [1], а также их интернационализацию.

Хотя каждый конфликт имеет свою собственную динамику и контекст, гуманитарные потребности жертв вооруженных конфликтов в глобальном масштабе растут в геометрической прогрессии. Из-за ограниченных возможностей гуманитарного реагирования миллионы людей отчаянно нуждаются в жизни, которую они заслуживают. В то же время следует отметить, что система гибкого, оперативного и профессионального реагирования на кризисные ситуации была значительно улучшена, а гуманитарные субъекты значительно улучшили совладание с последствиями чрезвычайных ситуаций, благодаря чему удалось спасти множество жизней. Однако как меняющийся характер современных вооруженных конфликтов, так и ряд вопросов, вытекающих из характера гуманитарной деятельности, остаются острыми.

Основная часть

На данном этапе в условиях многих, если не большинства, конфликтов вооруженный конфликт происходит в густонаселенных районах. Городская война сама по себе не является новым явлением, но она все

чаще ведется с использованием оружия, предназначенного для крупномасштабных боевых действий, что приводит к большим разрушениям и жертвам среди гражданского населения. 50 миллионов человек в мире страдают от трудностей, вызванных городскими войнами [2]. Согласно отчету МККК о катастрофических гуманитарных последствиях боевых действий в городах во время конфликтов в трех странах Ближнего Востока (Сирия, Ирак и Йемен, на долю которых приходится почти половина жертв среди гражданского населения в ходе мировых военных операций в 2010-2015 гг.), гражданского населения в наступательных действиях в городах потери среди них в пять раз выше, чем в боевых действиях в других условиях [3].

Аналитики считают, что общие тенденции роста населения и процессы урбанизации со всеми их последствиями свидетельствуют об обострении проблем, с которыми сталкиваются городские жители во время конфликтов [4].

В густонаселенных районах скорее эффективны взрывные устройства с широким радиусом поражения. К такому оружию относятся крупногабаритные бомбы, реактивные системы залпового огня, некоторые типы взрывных устройств и другие виды оружия. Сегодня подавляющее большинство людей, убитых или раненых в результате применения такого оружия, составляют гражданские лица.

Когда вооруженные силы проводят операции в городских районах, они также должны учитывать ущерб, нанесенный городским службам и инфраструктуре, необходимым для жизни гражданских лиц. Работа по восстановлению населенных пунктов является вынужденной необходимостью даже на этапе продолжающихся вооруженных конфликтов. Необходимо восстанавливать не только улицы и дома, но и водопроводные, канализационные и электрические сети. Восстановление основных источников средств к существованию и экономической активности может в значительной степени помочь уставшему от войны населению вернуться к нормальной жизни.

Как гуманитарная организация, находящаяся на передовой городских войн на Ближнем Востоке и в других частях мира, МККК отслеживает ущерб, причиняемый гражданским лицам и службам, необходимым для выживания гражданских лиц (от медицинских учреждений до систем водоснабжения и электроснабжения). В связи с этим МККК постоянно призывает государства и стороны в вооруженных конфликтах воздерживаться от применения оружия взрывного действия с широким спектром

действия в густонаселенных районах, поскольку оно имеет большую вероятность неизбирательного действия [5].

Затяжные конфликты, в частности, являются источником больших человеческих страданий, когда люди остаются без крова в течение длительного периода времени или вынуждены переезжать в другие страны на неопределенное время, когда страны регрессируют, а не развиваются. Такие конфликты тоже не новы, но на современном этапе их отличает несколько основных черт. Современные затяжные конфликты в основном ведутся в городских условиях, и на них влияют новые технологии и соответствующие изменения в военной тактике. Большинство этих конфликтов происходит в странах со средним уровнем дохода и в бедных странах. Десятилетия конфликтов в виде отдельных вооруженных конфликтов, хроническая нестабильность и продолжающиеся нарушения законов войны разрушают базовую социальную инфраструктуру, системы здравоохранения, водоснабжения и канализации, системы образования и экономическое развитие. Например [6, с. 69], и превратили предотвратимую болезнь в крупную эпидемию современности.

В условиях затяжных конфликтов нередки случаи одновременного и смешанного применения разных видов насилия, политически мотивированного, криминального или социального. Это крайне затрудняет работу гуманитарных организаций. В связи с этим конфликты, в которых работает МККК, обычно носят долгосрочный и сложный характер. МККК изначально создавался как ведущая международная организация по реагированию на чрезвычайные ситуации, но в последние десятилетия ему также приходилось работать в условиях затяжных конфликтов: десять крупнейших операций МККК длились в среднем 36 лет [7]. В целом гуманитарная помощь, традиционно краткосрочная, часто одноразовая, становится долгосрочной необходимостью в затяжных вооруженных конфликтах.

В настоящее время около двух третей финансирования гуманитарной помощи направляется на ситуации, когда гуманитарная помощь необходима как минимум на пять лет, а в некоторых случаях и на десятилетия. В 2015 г. 88% официальной гуманитарной помощи от основных доноров, оказывающих помощь в целях развития (входящих в состав Комитета содействия развитию), направлялись в страны, которые получали значительную гуманитарную помощь в течение восьми или более лет подряд [8]. Реальность такова, что эта помощь, иногда в течение многих лет, является просто актом сохранения жизни людей в

отсутствие политического решения, что не способствует функционированию государственных систем, которые должны функционировать в мирное время.

В большинстве случаев основной ущерб гражданскому населению в вооруженных конфликтах наносится в результате применения обычных вооружений. МККК отмечает усиление человеческих страданий в результате нападений на мирных жителей, больницы и гуманитарных работников и признает необходимость обеспечения того, чтобы государства действовали более ответственно при поставках оружия воюющим сторонам. Государства, которые поддерживают стороны в конфликте, предоставляя им оружие, несут особую ответственность за предоставление им средств, которые могут нарушать международное гуманитарное право. Они должны использовать свое влияние для обеспечения того, чтобы стороны, которых они поддерживают, соблюдали нормы международного гуманитарного права и пресекали поставки оружия в случае явных или скрытых нарушений международного гуманитарного права.

Развитие технологий приводит к быстрому появлению новых способов ведения войны в дополнение к обычному оружию. К таким инновациям относятся нанотехнологии, боевые роботы и лазерное оружие. Кибератаки также представляют особую опасность: например, взлом систем управления воздушным движением или атаки на нефтепроводы или атомные электростанции могут иметь поистине катастрофические гуманитарные последствия. МККК считает, что основные нормы международного гуманитарного права применяются к кибервойне и другим ситуациям, когда новые технологии используются в качестве средства ведения войны, но в некоторых областях будущих конфликтов необходимы более строгие и целенаправленные правила для обеспечения защиты гражданских лиц.

Характерной чертой многих современных конфликтов является систематическое несоблюдение сторонами норм международного гуманитарного права. Борьба с грубыми правонарушениями становится все более сложной в связи с увеличением количества негосударственных вооруженных формирований, их раздробленностью и усилением асимметричного характера конфликтов. В наибольшей степени это сказывается на гражданском населении, поскольку некоторые вооруженные группы компенсируют свою военную слабость, нанося удары по гражданским лицам и используя их для сокрытия военных объектов.

По мере изменения характера и типов конфликтов меняются характеристики сторон, вовлеченных в конфликты, и самого вооруженного конфликта. «Защитник» международного гуманитарного права [9] В соответствии со своим мандатом МККК уделяет особое внимание новым проблемам, связанным с тем, как относиться к реалиям современных конфликтов и реагировать на них [10]. Проблема адаптации международного гуманитарного права к современным реалиям может быть решена путем переосмысления событий с точки зрения международного права или, при необходимости, разработки нового закона. Международное гуманитарное право постоянно развивается, но остается основанным на важнейшем принципе защиты человечества посредством права.

Например, количество конфликтов во всем мире из-за расширения возможностей применения обычных вооружений противоборствующими сторонами, которыми могут быть как государственные, так и негосударственные субъекты, увеличивается и можно прогнозировать, что оно будет продолжать увеличиваться. Это требует уточнения существующих правил, принятых в ситуациях, когда вооруженные силы одного государства участвуют в относительно симметричном конфликте с вооруженными силами другого государства.

В ответ на часто обсуждаемые нарушения международного гуманитарного права, критику его норм, а также попытки поставить под сомнение адекватность и необходимость международного гуманитарного права в целом, МККК в сотрудничестве со своими партнерами в европейских академических кругах работает над продвижением применения этого закона [11] выдвигает цели, примеры передовой практики, собирает и представляет случаи их совместимости с международным гуманитарным правом. Среди таких примеров можно назвать успешное применение международного гуманитарного права в Ираке в части информации о полевых операциях и процедурах проверки во время эвакуации, переговоры по обеспечению безопасной эвакуации гражданских лиц из Алеппо и ряда других регионов Сирии, защита прав человека, более гуманное обращение с заключенными, снижение практики пыток и можно показать работы, проделанные в направлении предотвращения радикализации заключенных в тюрьмах в разных странах и регионах мира. кажется сама философия этого проекта - представление простых и понятных примеров его актуальности - еще раз подтверждает важность распространения знаний о международном гуманитарном праве и его интеграции в

национальные доктрины и законодательство стран мира, и имеет большое важное значение для демонстрации «полезности» международного гуманитарного права. МККК призывает государства обеспечить, чтобы общепризнанные и установленные в международном гуманитарном праве законы войны эффективно отражались в поведении участников вооруженного конфликта на местах.

В последние годы наблюдается значительный рост как внутреннего, так и трансграничного перемещения, в основном связанного как с внутренними, так и с международными конфликтами, а также с актами и кампаниями насильственного экстремизма за пределами зон боевых действий. Согласно ежегодному миграционному отчету Международной организации по миграции, в 2022 году число внутренне перемещенных лиц в мире превысило 100 миллионов человек [12]. В настоящее время общее количество внутренне перемещенных лиц в мире является самым большим показателем последних лет.

За этими цифрами стоят люди, зачастую беспечные и беспомощные. Международное сообщество регулярно поднимает вопрос о разработке нового международного договора о миграции и беженцах, а МККК призывает государства обеспечить соответствие своей миграционной политики и политики предоставления убежища международным обязательствам, принять меры для удовлетворения потребностей людей, спасающихся от насилия на их территории, а также для удовлетворения гуманитарных потребностей.

Международная система гуманитарной помощи основана на базовом принципе, согласно которому люди, перемещенные в результате насилия, особенно уязвимы и нуждаются в помощи больше, чем другие. Это основа сформировавшегося за последние 100 лет международно-правового режима, регламентирующего статус беженцев и необходимость его распространения на внутренне перемещенных лиц. Например, многие из сегодняшних крупных международных НПО были созданы для помощи беженцам. Здесь требуется исключение: хотя у перемещенных лиц есть свои специфические гуманитарные потребности (защита, убежище и документация), чаще всего наиболее уязвимы не они, а те, кто не может избежать насилия и вынужден оставаться в активных боевых действиях.

Акты насилия в отношении медицинских работников, учреждений и машин скорой помощи являются обычным явлением во время вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций. Они варьируются от

прямых нападений на пациентов, медицинский персонал, медицинские формирования и медицинский транспорт до отказа в доступе к медицинской помощи и разграбления медицинских учреждений. Это, в свою очередь, нарушает международное право. Отсутствие или ограниченный доступ к медицинской помощи из-за постоянных и серьезных угроз медицинским учреждениям и работникам создает серьезнейшие гуманитарные вызовы с широкомасштабными и долгосрочными негативными последствиями и усугубляет существующие проблемы.

Уважение и защита раненых и больных, медицинского персонала, медицинских учреждений и машин скорой помощи являются фундаментальными аспектами современного международного гуманитарного права. Первая Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в армиях на войне была принята 22 августа 1864 г., но эти вопросы не теряют своей актуальности и сегодня и рассматриваются на самом высоком уровне [13].

Благодаря своим исследованиям и работе на местах МККК задокументировал уязвимость медицинских учреждений для нападений и грабежей, нападений на местных медицинских работников (что составляет 90% инцидентов, о которых сообщает МККК) и частых нарушений этических принципов медицинскими работниками, в частности соблюдения врачебной тайны. и терпеливая дискриминация. - особо акцентирует вопросы о недопустимости избрания [6, с. 72].

К сожалению, все чаще встречаются случаи прямой враждебности по отношению к гуманитарным организациям и их сотрудникам или даже прямых угроз их безопасности. В рамках своего мандата МККК работает в горячих точках и подвергает свой персонал высокому риску. С 1996 года МККК потерял 56 сотрудников при исполнении своих профессиональных обязанностей. Уязвимость гуманитарного персонала затрагивает и многие другие организации, в том числе принадлежащие к национальным обществам Красного Креста и Красного Полумесяца, с которыми МККК сотрудничает по всему миру. Например, только в Сирии Сирийское арабское общество Красного Полумесяца потеряло более 50 добровольцев с начала конфликта (с 2011 года) [6, с. 72].

Вооруженный конфликт, будь то международный или немеждународный по своему характеру, всегда осложняет жизнь мирных жителей. Международное гуманитарное право предусматривает и регулирует предоставление гуманитарной помощи в тех случаях, когда связанные с войной разрушения, лишения и ущерб не позволяют гражданским лицам

получить доступ к товарам и услугам первой необходимости.

На практике гуманитарная деятельность независимых международных гуманитарных организаций (в том числе МККК) имеет особое значение для помощи населению, находящемуся под контролем противоборствующих сторон (комбатантов). Однако эффективность и действенность их гуманитарных усилий зависят от предоставления немедленного и беспрепятственного доступа к нуждающимся.

Заклучение

В последние годы можно наблюдать быстрый рост числа организованных вооруженных групп в конфликтах. Только за последние 6-10 лет появилось больше вооруженных групп, чем за предыдущие шесть десятилетий. Нарушения международного гуманитарного права в конфликтах совершаются как государственными, так и негосударственными субъектами, при этом следует поощрять взаимодействие со всеми сторонами конфликта и между воюющими сторонами для создания гуманитарного пространства вдоль линии фронта для решения практических оперативных вопросов диалога помощи жертвам. Поэтому МККК прилагает большие усилия для налаживания отношений и поддержания диалога со всеми сторонами вооруженных конфликтов, а также других форм вооруженного насилия, с государственными и негосударственными субъектами.

Список литературы:

1. The War Report: Armed Conflicts in 2017. Report by the Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. – Geneva, March 2018. // URL: [The War Report 2017.pdf \(geneva-academy.ch\)](https://www.geneva-academy.ch)
2. War in the cities: what is at stake? Keynote speech by ICRC President Peter Maurer as part of the ICRC's Research and Debate cycle on "War in Cities", 4 April 2017, at the Graduate Institute, Geneva. // URL: <https://www.icrc.org/en/document/war-cities-what-stake-0>
3. «Я видел, как умирает мой город»: исследование МККК о войне в городах. 14 июня 2017 г. // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/ya-videl-kak-umiraet-moy-gorod-issledovaniya-mkkk-o-voynuev-gorodah>
4. Феррис Э. Мегатенденции и будущее гуманитарной деятельности // Международный журнал Красного Креста. 2011. № 874-888. С. 10-11. // URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/review/2011/irrc-rus-ferris.pdf>
5. Заявление МККК по вопросам применения вооружений на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 12 октября 2016 г. // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/vooruzheniyazayavlenie-mkkk-na-generalnoy-assamblee-oon-2016>
6. Кушлейко А.С. Современные вызовы для гуманитарной деятельности. С. 67-76.
7. Protracted Conflict and Humanitarian Action: Some Recent ICRC Experiences. – Geneva: ICRC, August 2016. // URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/protracted_conflict_and_humanitarian_action_icrc_report_lr_29.08.16.pdf
8. Global Humanitarian Assistance Report 2017. Development Initiatives. Global Humanitarian Assistance (GHA) Report. Bristol, 2017. P. 57. // URL: <http://devinit.org/wp-content/uploads/2017/06/GHA-Report-2017-Full-report.pdf>
9. Sandoz Y. International Committee of the Red Cross as guardian of international humanitarian law. 31 December 1998. Geneva, 1998. // URL: <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/aboutthe-icrc-311298.htm>
10. Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов. 32IC/15/11. 10 декабря 2015 г. // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-vyzovy-sovremennyhvooruzhennyh-konfliktov>
11. IHL in Action: Respect for the law on the battlefield. 4 October 2017. // URL: <https://www.icrc.org/en/document/ihl-action-respect-law-battlefield>
12. <https://www.unhcr.org/refugee>
13. Резолюцию 2286 принятую Советом Безопасности ООН 3 мая 2016 г. S/RES/2286. 2016 // URL: <https://documents-dds-ny>

un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/125/09/PDF/N1612509.pdf?

14. Patel R.P., Burke T.F. Urbanization: an emerging humanitarian disaster // *New England Journal of Medicine*. 2009. V. 361. № 8. P. 742-743.

Bibliography

1. The War Report: Armed Conflicts in 2017. Report by the Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. – Geneva, March 2018. // URL: [The War Report 2017.pdf \(geneva-academy.ch\)](#)
2. War in the cities: what is at stake? Keynote speech by ICRC President Peter Maurer as part of the ICRC's Research and Debate cycle on "War in Cities", 4 April 2017, at the Graduate Institute, Geneva. // URL: <https://www.icrc.org/en/document/war-cities-what-stake-0>.
3. "I saw my city die": an ICRC study of urban warfare. June 14, 2017 // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/ya-videl-kak-umiraet-moy-gorod-issledovaniya-mkkl-o-voynev-gorodah>.
4. Ferris E. Megatrends and the future of humanitarian action // *International Journal of the Red Cross*. 2011. № 874-888. P. 10-11. // URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/review/2011/irrc-rus-ferris.pdf>;
5. Statement by the ICRC on the use of weapons at the 71st session of the UN General Assembly, 12 October 2016. // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/vooruzheniyazayavlenie-mkkl-na-generalnoy-assamblee-oon-2016>.
6. Kushleiko A.S. Contemporary challenges for humanitarian work. P. 67-76.
7. Protracted Conflict and Humanitarian Action: Some Recent ICRC Experiences. – Geneva: ICRC, August 2016. // URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/protracted_conflict_and_humanitarian_action_icrc_report_lr_29.08.16.pdf.
8. Global Humanitarian Assistance Report 2017. Development Initiatives. Global Humanitarian Assistance (GHA) Report. Bristol, 2017. P. 57. // URL: <http://devinit.org/wp-content/uploads/2017/06/GHA-Report-2017-Full-report.pdf>.
9. Sandoz Y. International Committee of the Red Cross as guardian of international humanitarian law. 31 December 1998. Geneva, 1998. // URL: <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/aboutthe-icrc-311298.htm>.
10. International humanitarian law and the challenges of modern armed conflicts. 32IC/15/11. December 10, 2015 // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-vyzovy-sovremennyhvooruzhennyh-konfliktov>.
11. IHL in Action: Respect for the law on the battlefield. 4 October 2017. // URL: <https://www.icrc.org/en/document/ihl-action-respect-law-battlefield>.
12. <https://www.unhcr.org/refugee>
13. Resolution 2286 adopted by the UN Security Council on May 3, 2016. S/RES/2286. 2016 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/125/09/PDF/N1612509.pdf?>
14. Patel R.P., Burke T.F. Urbanization: an emerging humanitarian disaster // *New England Journal of Medicine*. 2009. V. 361. № 8. P. 742-743.

Чжоу Яньян

Старший преподаватель,
Институт иностранных языков,
Цзянсуский научно-технический университет (КНР).
本文作者系江苏科技大学外国语学院周言艳（讲师）

Российско-китайские отношения в начале XXI века: достижения и проблемы

Данная статья является результатом молодежного научно-технического инновационного проекта «Исследование по созданию и улучшению национального имиджа нашей страны в рамках китайско-российских гуманитарных обменов» Цзянсуского научно-технического университета.

本文系江苏科技大学青年科技创新项目“中俄人文交流中我国国家形象的构建与提升研究”的阶段性成果

Российско-китайские отношения в последние двадцать лет быстро развиваются, также развивается и сотрудничество стран во многих областях. Современные отношения РФ и КНР начали формироваться в политической сфере в начале 1990-х годов. Заявленный курс на миролюбивые добрососедские отношения был закреплён Договором 2001 года о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и впоследствии был только наполнен конкретным экономическим содержанием. На данный момент обе стороны заинтересованы в тесном сотрудничестве по ряду как политических, так и экономических причин. И, не считая некоторых разногласий, эти отношения развиваются довольно успешно.

Глава 1.

Достижения развития отношений двух стран в начале XXI века

Российско-китайские отношения последних лет развиваются интенсивно. Особое место в этих отношениях занимают визиты руководителей России и Китая. Как подчеркнул экс-президент РФ Д.А. Медведев, «взаимодействие между двумя крупнейшими странами мира было и остается фактором действительно геостратегического масштаба» [1]. А председатель КНР Ху Цзиньтао назвал китайско-российские отноше-

ния «поистине важным фактором в пользу позитивного взаимодействия между основными игроками мировой политики и сохранения мира и стабильности в мире». Процесс развития отношений между Россией и Китаем в начале XXI века можно разделить на следующие пять аспектов.

1.1 Пограничный вопрос между двумя странами решен

14 октября 2004 года должно стать днем исторического значения в истории российско-китайских отношений. В духе равенства, взаимопонимания и согласия, а также в соответствии с общепринятыми нормами международного права Китай и Россия подписали «Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части» [2]. Это знаменует собой окончательное разрешение исторического наследия, которое долгое время мешало отношениям между двумя странами.

1.2 Политическое взаимное доверие постоянно усиливается

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, политические отношения между двумя странами продолжали двигаться к новому уровню, и постепенно сформировался новый тип государственных отношений.

В 2001 году был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» [3] сроком на 20 лет. За последние 20 лет Китай и Россия строго придерживались духа договора, постоянно укрепляли дружественные отношения между двумя странами и углубляли стратегическое сотрудничество. В 2021 году состоялась видеовстреча глав государств двух стран и было официально объявлено о продлении «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой». Как заметил президент Путин, китайско-российское стратегическое партнерство в настоящее время находится на самом высоком уровне в истории [4].

1.3 Гуманитарные обмены становятся всё более тесными

Гуманитарные обмены между Китаем и Россией являются важной частью всеобъемлющего стратегического сотрудничества между двумя странами в новую эпоху.

Во-первых, две страны укрепляют сотрудничество в области образования. Это отражается в увеличении числа визитов по обмену студентами с обеих сторон, существовании более зрелого механизма обмена

языками и преподаванием и т.д. С 1990-х годов, и особенно с начала нового века, с постоянным углублением отношений между Россией и Китаем, образовательные обмены и сотрудничество между двумя странами демонстрируют быстрое развитие и приносят плодотворные результаты. На этом этапе масштабы российско-китайских образовательных обменов и сотрудничества постоянно расширяются. Формы образовательных обменов и сотрудничества между Россией и Китаем становятся все более разнообразными, а их содержание – все более обширным, и постепенно формируется механизм образовательных обменов и сотрудничества между двумя странами.

Во-вторых, две страны проводят ряд мероприятий по обмену и сотрудничеству в области культуры. С 2006 года, при активном содействии правительств Китая и России, две страны активно организуют тематические годы, такие как «Национальные Годы России в Китае и Китая в России» (2006-2007), «Годы русского и китайского языков» (2009-2010), «Годы туризма» (2012-2013), «Годы дружественных молодежных обменов» (2014-2015), «Год обменов между китайскими и российскими СМИ» (2016-2017) и т.д. Две страны также организовывали культурные фестивали друг с другом (с 2006 года), китайско-российские культурные мероприятия (с 2010 года) и так далее. Такие мероприятия предоставляют разнообразные платформы для распространения традиционных культур двух стран, укрепления гражданских обменов между двумя странами и осуществления обменов общественным мнением между двумя странами. Они расширили поле культурных обменов и сотрудничества, внедрили инновационные методы культурного сотрудничества и расширили аудиторию.

Кроме того, укрепляются обмены и сотрудничество между Россией и Китаем в области спорта, науки и техники, здравоохранения, а гуманитарные обмены приобретают всесторонний, многодисциплинарный и открытый характер.

1.4 Антикризисное сотрудничество

Следует подчеркнуть, что об антикризисных мерах, причем не только в двустороннем, но и в многосторонних форматах, шла речь в ходе неоднократных встреч президента РФ с председателем КНР, включая саммит в Москве в июне 2009 г., а также переговоры на форуме «Группы 20» в Питтсбурге и на форуме АТЭС в Сингапуре. Так, в совместном российско-китайском заявлении от 17 июня 2009 г. стороны высказались о необходимости взаимной поддержки принятых в обеих странах

антикризисных программ, подчеркнули значение сохранения положительной динамики двустороннего экономического сотрудничества в качестве важного средства минимизации последствий кризиса. При этом было отмечено, что основным направлением повышения эффективности сотрудничества является скорейшая реализация уже имеющихся соглашений, смелое продвижение крупных, в том числе согласованных к настоящему времени, «пилотных» инвестиционных проектов в различных сферах. Отмечалась и необходимость более активно использовать финансовые и банковские инструменты, наращивать усилия по созданию благоприятных условий для расширения сфер расчетов в национальных валютах [5].

Опираясь на международный авторитет и близость позиций, КНР и РФ стремятся совместными декларациями и скоординированными действиями на международных форумах внести вклад в разрешение различных проблем и конфликтов.

1.5 Плодотворное китайско-российское сотрудничество во многих областях.

Выделим основные направления китайско-российского сотрудничества:

1) Осуществление долговременных российско-китайских проектов в энергетической сфере. В сентябре 2012 года, после 15 лет переговоров по китайско-российскому нефтепроводу, контракт был наконец подписан. Согласно соглашению, Россия будет поставлять 15 миллионов тонн сырой нефти в Китай ежегодно по китайско-российскому нефтепроводу со сроком действия контракта 20 лет. С модернизацией и усовершенствованием нефтепроводов объем транспортировки нефти между Китаем и Россией увеличился, и общий объём торговли в целом демонстрирует тенденцию к росту. 4 февраля 2022 года Роснефть (Rosneft Oil) и Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) подписали соглашение, предусматривающее, что Россия транзитом через Казахстан будет поставлять 100 млн тонн нефти в Китай на протяжении 10 лет [6].

С модернизацией энергетической структуры нашей страны и предложением стратегии «двойного использования углерода», спрос на чистые источники энергии, такие как природный газ, возрос, а внутренние запасы природного газа находятся в дефиците. В 2014 году Китай и Россия подписали Договор купли-продажи российского газа по «восточному» маршруту, который предусматривает, что Россия будет поставлять в

Китай 38 миллиардов кубометров природного газа ежегодно на протяжении 30 лет. В 2019 году был официально введен в эксплуатацию Восточный газопровод Китай-Россия. Это ещё одно важное достижение взаимосвязи и взаимовыгодного сотрудничества в энергетических сферах Китая и России. 4 февраля 2022 года две страны подписали второй контракт на поставку природного газа, увеличивающий общий объём поставок природного газа по трубопроводу в Китай составит 48 миллиардов кубометров в год [7]. Россия является крупным производителем природного газа, а Китай – крупным потребителем. Преимущества двух сторон дополняют друг друга, и их сотрудничество носит взаимовыгодный характер.

2) Осуществление проектов создания совместных перерабатывающих производств в лесной и горнодобывающих отраслях на российской территории, а также совместных проектов в сфере марикультуры на Дальнем Востоке, учитывая истощение морских природных возможностей в Китае;

3) Усиленное развитие гуманитарных контактов и народной дипломатии: культурных, научно-образовательных, спортивных, туристических и других связей на разных уровнях, включая связи городов-побратимов, неправительственных организаций;

4) Дальнейшее усиление взаимной поддержки, согласованных или параллельных действий в сфере внешнеполитического взаимодействия, в том числе по глобальной и региональной повесткам дня;

5) развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества по генерированному глобальным кризисом и, судя по всему, долговременному направлению, связанному с реформированием международных валютно-финансовых институтов.

Таким образом, на данном историческом этапе российско-китайские отношения, носящие стратегический характер, успешно развиваются в интересах и России и Китая.

Глава 2.

Существующие проблемы в развитии российско-китайских отношений

Хотя на политическом уровне у России и Китая полное сближение и взаимопонимание, в экономической сфере существует множество разногласий и нерешенных проблем.

2.1 Проблемы в экономической сфере

1) Проблемы в двусторонней торговле.

Главная проблема заключается в том, что структура двусторонней торговли между Китаем и Россией не рациональна. Среди товаров, экспортируемых Китаем в Россию, в основном преобладают трудоемкие товары, такие как текстиль и продукция легкой промышленности. Российский экспорт в Китай – это в основном сырьё и энергоносители. В результате экспортные товары двух стран имеют единую структуру, их конкурентоспособность снижается, а их добавленная стоимость невелика.

2) Статистические различия между Россией и Китаем.

Экономические разногласия касаются и статистических данных. Так, например, периодически российские и китайские таможенники по-разному оценивали торговый оборот между двумя странами. Например, торговый оборот за январь-май 2002 года статистические органы России и Китая подсчитали по-разному. Россия – 3,1 млрд. долларов, Китай – 5,5 млрд. долларов. Итоги торговли в 2004 году обе стороны также оценивали по-разному. С российской точки зрения оборот составил 21,3 млрд. долларов, с китайской – 27,3 млрд. долларов. Разрыв между показателями составил 6 млрд. долларов (28% оборота по нашим данным), причем из них 4 млрд. долларов приходились на китайские товары, которые словно «испарились» перед российской таможней. Конечно, в России высказывались мнения, что дело в неорганизованной челночной торговле и контрабанде, но тем не менее расхождения в данных оборота повторяются из года в год. Из-за этого невозможно оценить, как же мы на самом деле торгуем.

2.2 Антикитайские настроения

Антикитайские настроения – вот еще одна действительно крупная и трудноразрешимая проблема, потому что в такой атмосфере предпринимателям, работающим с Китаем, приходится рассчитывать только на себя. Когда в обществе считают, что китайцы вот-вот, буквально завтра, захватят Сибирь, им не приходится рассчитывать на сочувствие, а следовательно, и на помощь, на защиту, на льготные кредиты. Мощный толчок этим настроениям дала авария на нефтехимическом предприятии в провинции Цзилинь. Скорее всего, тема «неэкологичности» китайских предприятий будет постоянно подниматься при обсуждении инвестиционных предложений. Антикитайские настроения таким образом не дают льгот китайским инвесторам.

Наличие множества асимметрий – политических, экономических, иде-

ологических и цивилизационных – между Россией и Китаем само по себе не исключает возможности развития между ними тесных связей. Важно отметить, что стратегическое партнерство функционирует лучше, чем можно было бы представить с учетом трудного исторического генезиса и очевидных различий между двумя странами. Частичным объяснением этому факту является то, что партнерство основано на общих интересах, а не на общих ценностях. В то время как русские и китайцы могут «недолюбливать» или не понимать друг друга, их связывают многочисленные соображения взаимной выгоды. Значительная протяженность общей границы, сопротивление США и растущее экономическое сотрудничество являются вескими основаниями для того, чтобы подчеркивать преимущества партнерства, одновременно затушевывая, но не игнорируя полностью, таящиеся в нем риски.

Заключение

История развития отношений между Россией и Китаем как двумя соседними государствами отличается неравномерностью. При этом современный период является самым благоприятным и плодотворным за всю историю существования российско-китайских отношений. Созданная в 1990-е гг. международно-правовая база российско-китайского добрососедства характеризуется полнотой и способствует расширению взаимовыгодных контактов между двумя соседними странами во всех областях. Наибольшего успеха в развитии добрососедских отношений Россия и Китай достигли в политической сфере. Принятые в течение истекшего десятилетия двусторонние и многосторонние (с участием России и Китая) международные договоры политического характера представляют значительный шаг вперед в отношениях между двумя государствами. Выраженные в них концепции стратегического партнерства и многополярного мира представляют собой применение к современной международной обстановке основных принципов современного международного права. Значительным успехом можно считать и достижение соглашений о демаркации российско-китайской государственной границы почти на всем ее протяжении, а также закрепление военной безопасности в районе границы.

Главная перспектива экономического сотрудничества между Россией и Китаем связана с соединением российских полезных ископаемых и китайских трудовых ресурсов. Сегодня тематика диалога с Китаем охватывает практически все вопросы современной международной повестки

дня, в него вовлечены по сути все основные подразделения внешнеполитических ведомств России и КНР.

Список литературы:

1. Выступления на торжественном вечере, посвященном 60-летию установления дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой // Сайт Президента России. 17.06.2009. // URL: <http://archive.kremlin.ru/appears/2009/06/17/shtml> (Дата обращения: 20.07.2023)
2. Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901945334> (Дата обращения: 20.07.2023)
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Подписан Президентом России Владимиром Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином в Москве 16 июля 2001 г. // Сайт Президента России. // URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2001/07/142467/142465.shtml>. (Дата обращения: 20.07.2023)
4. Путин заявил о наивысшем уровне отношений с Китаем за всю историю // РБК. 21.03.2023. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2023/6419c5ca9a79479b69b0f55d> (Дата обращения: 20.07.2023)
5. Совместное Российско-Китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве в июне 2009 г. // Сайт Президента России. 21.06.2009. // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/06/218010.shtml>. (Дата обращения: 20.07.2023)
- 6 «Роснефть» и CNPC подписали соглашение о поставках 100 млн тонн нефти в Китай // Интерфакс. 04.02.2022 // URL: <https://www.interfax.ru/business/820239> (Дата обращения: 20.07.2023)
7. «Газпром» заключил договор о продаже в Китай газа с Дальнего Востока // РБК. 04.02.2022 // URL: <https://www.rbc.ru/business/04/02/2022/61fceb419a79474fed4b35f> (Дата обращения: 20.07.2023)

Bibliography

1. Speeches at the gala evening dedicated to the 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations with the People's Republic of China // Website of the President of Russia. 17.06.2009. // URL: <http://archive.kremlin.ru/appears/2009/06/17/shtml> (07.20.2023)
2. Supplementary Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on the Russian-Chinese State Border on its Eastern Part // Electronic fund of legal and regulatory documents. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901945334> (07.20.2023)
3. Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. Signed by Russian President Vladimir Putin and Chinese President Jiang Zemin in Moscow on July 16, 2001 // Website of the President of Russia. // URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2001/07/142467/142465.shtml>. (07.20.2023)
4. Putin declared the highest level of relations with China in history // RBC. 03/21/2023. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2023/6419c5ca9a79479b69b0f55d> (07.20.2023)
5. Joint Russian-Chinese statement on the results of the summit meeting in Moscow in June 2009 // Website of the President of Russia. 21.06.2009. // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/06/218010.shtml>. (07.20.2023)
6. Rosneft and CNPC signed an agreement on the supply of 100 million tons of oil to China // Interfax. 04.02.2022 // URL: <https://www.interfax.ru/business/820239> (07.20.2023)
7. Gazprom has signed an agreement on the sale of gas from the Far East to China // RBC. 04.02.2022 // URL: <https://www.rbc.ru/business/04/02/2022/61fceb419a79474fed4b35f> (07.20.2023)

Сулейманов А.Р.

*Кандидат политических наук, доцент
кафедры международных отношений, истории и востоковедения,
Уфимский государственный нефтяной технический университет.*

Евразийская интеграция во внешнеполитическом дискурсе постсоветских государств

Исследовательская проекция евразийской интеграции за последние годы приобрела узнаваемые теоретические рамки, но не оформилась концептуально.

Одна из проблем в том, что на сегодняшний момент евразийская интеграция на международном уровне понимается узко и транслируется, как правило, в трёх контекстах, как: интеграционный проект России в отношении государств ближнего зарубежья; политика Евразийского союза; альтернатива европейской интеграции.

Но так ли это на самом деле?

Начало евразийской интеграции было положено в 1994 году первым Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым.

Евразийская интеграция шире деятельности Евразийского союза. ЕАЭС реализует преимущественно экономическое направление интеграции и ограничен функционированием стран-участниц союза (имеются другие направления и структуры сотрудничества).

Г. Рцхиладзе выделяет две особенности евразийской интеграции: обязательный учёт интересов всех её участников (интеграция – не самоцель); выход за рамки экономических мотивов [1].

Евразийская и европейская интеграции, действительно, нередко рассматриваются как конкурирующие проекты в экономическом плане. Но это не значит, что не существует общих точек соприкосновения.

Другое дело, что на сегодняшний момент отсутствует политическая воля европейских лидеров для сопряжения таких проектов.

По мнению Е.Р. Молчановой, баланс экономических интересов раскрывается через центростремительные и центробежные процессы (интеграция и дезинтеграция), что даёт определённый эффект подвижности и устойчивости союзов [2].

Узкость концепта «евразийская интеграция» не отвечает национальным интересам России и не раскрывает глубинной сущности этого цивилизационного процесса.

Ситуация осложняется тем, что во внешнеполитическом дискурсе России евразийская интеграция ещё не оформлена в нечто системное, что позволило бы раскрыть не только экономические, но и другие значимые преимущества этой интеграции в цивилизационном ключе.

Если евразийская интеграция служит идейным основанием развития стран постсоветского пространства или Большой Евразии в целом, то нужны конкретно-оформленные идеологемы. При этом, как отмечают И.А. Максимцев и Н.М. Межевич, политическое принуждение к евразийской интеграции тянет этот процесс назад [3].

Если провести хронологию внешнеполитических концепций России, то в каждой из них прослеживается свой подход к интеграции.

В документе «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации», который был утверждён в 1993 году, предпринята попытка осмыслить внешнеполитические ориентиры к сложившейся международной реальности.

Одна из особенностей этого документа в том, что он был нацелен на преодоление последствий распада Советского Союза и содержал декларативные (расплывчатые) формулировки.

Основной вектор внешнеполитического курса сводился к взаимодействию с другими государствами в западноцентричной модели международных отношений. Его условно можно назвать прото-западным. С идейной позиции, это был период поиска места России в новой геополитической реальности.

Как отмечает О.А. Хлопов, распад СССР позволил Европе преодолеть полувековые разногласия и подтолкнул Россию к Западу [4].

По мнению В.Ю. Лукьянова, внешнеполитическая деятельность России того времени стала продолжением политики перестройки [5].

Однако уже с середины 90-ых годов внешнеполитическая стратегия приобретает новые смыслы, с одной стороны, западный вектор остаётся приоритетным для развития отношений (но на принципах партнёрства и взаимных интересов), с другой стороны, у России структурируются собственные национальные интересы на международную повестку.

Идеологическая конструкция внешней политики проявилась в желании России развивать равнозначный диалог с Западом, что считалось

приоритетным и важным. Но, по существу, это стало временем потраченных надежд. Это период можно назвать дуалистичным.

Новая концепция внешней политики, принятая и утверждённая в 2000 году, закладывает структуру этого документа, что находит отражение в его последующих редакциях (2008, 2013, 2016, 2023 годы).

С этого времени Россия на внешнеполитическом уровне формулирует идеи многополярного мира и отказа от пережитков однополярной системы мироустройства. Эти принципы находят дальнейшее закрепление в последующих концепциях. В идейном значении наступает период консолидации национальных интересов России.

С 2008 года начинается этап проактивной внешнеполитической деятельности России. Но его отличает конструктивность и взвешенность.

Россия предложила Западу конкретные решения по преодолению сложившихся противоречий («перезагрузка» контактов с Вашингтоном, подписание ДСНВ-3).

Как пишут Т.В. Зонова и А. Джаннотти, в 2008 году Президент России В.В. Путин, выступая на Бухарестском саммите НАТО, акцентировал внимание на сотрудничестве с Западом по афганскому вопросу. Прозвучало и опасение, что вступление Грузии и Украины в НАТО может изменить международную ситуацию [6].

Россия стала принимать активное участие в формировании новых интеграционных блоков и группировок государств (БРИК(С), G-20).

Активизировалась внешнеполитическая деятельность на постсоветском пространстве. Так в 2010 году оформляется Таможенный союз, а в 2012 году формируются Евразийская экономическая комиссия и Единое экономическое пространство.

Но установление равнозначных партнёрских отношений с Россией и учёт её национальных интересов не входили в планы Запада.

Теперь уже стало очевидно, что доверительного партнёрства со странами НАТО и США сложиться не могло. Отвергнув российские предложения по «ЕвроПРО», Североатлантический альянс расширился на Восток. Системы ПРО были размещены в Турции, Польше, Румынии и Испании.

По мнению Ш. Чжэн, Запад не принял идентичность России и был настроен негативно на её попытки выстроить равноправные отношения. Поэтому для России т.н. «клуб избранных» был закрыт [7].

В итоге российские предложения по реформированию ОБСЕ и введе-

нию безвизового режима с Европой были отвергнуты.

Россия была вынуждена включиться в конфронтацию с Западом, что определило идейную повестку того времени. Тогда эта конфронтация ещё не носила такого открытого и принципиального характера, но уже ничего хорошего не предвещала.

С 2013 года российская внешняя политика начинает ориентироваться на государства незападного типа. Поднимаются глобальные вопросы о реформировании мировых финансовых институтов, переходе во внутренних расчётах на национальные валюты.

Отдельно стоит упомянуть, что этот вектор внешней политики развивается динамично и результативно (формируется Евразийский союз, обсуждаются проекты «Большое евразийское партнёрство» и сопряжение «ЕАЭС и китайской инициативы «Один Пояс – Один Путь»).

В Концепции внешней политики России 2016 года акцент делается на формировании устойчивого и справедливого мира, многополярности и полицентричности.

В каком-то смысле этот документ носит переходный характер и анонсирует изменения, которые будут в новой редакции. Это момент концентрации внешнеполитического ресурса России и рефлексии международных отношений.

И, наконец, Концепция внешней политики России, принятая и утверждённая в марте 2023 года.

Отметим, что она соответствует текущей международной обстановке (деградация отношений с Западом, разворот России на Восток) и содержит важные положения о евразийской интеграции.

Особое внимание в документе уделяется идее формирования широкого интеграционного пространства – Большого евразийского партнёрства. По-сути речь идёт о следующем шаге в этом направлении, которое было заложено ещё десять лет назад. В институциональном значении это «интеграция интеграций». И это определённый шанс для концептуального наполнения евразийской интеграции.

Описывая современность Л.Н. Доброхотов отмечает, что в таких условиях России остаётся только одно – выстраивать практически заново систему безопасности, отказавшись от прежних иллюзий, с опорой на экономическую и военную составляющую [8].

Для стран бывшего СССР, имеющих общие историю и культурные маркеры, отношение к евразийской интеграции определяется через вза-

имодействие с Россией. За более чем тридцатилетнюю историю независимости этот аспект сохраняется практически во всех государствах.

Выделим четыре модели внешних политик, которые проецируют отношение к евразийской интеграции.

Первая модель связана с отрицанием евразийской интеграции по политическими причинам. Назовём её националистической. Интеграционное сотрудничество с Россией рассматривается как вызов суверенитету и политической системе.

Властвующая элита встраивает националистическую риторику во внешнеполитический курс как атрибут суверенитета и демонстрирует отказ от общего исторического прошлого с Россией.

В практическом значении государство ведёт агрессивно-националистическую политику, занимается переписыванием истории, делит других на «свои/чужие», представляет глобальные/региональные процессы исключительно в чёрно-белом цвете.

Это наиболее опасная модель, когда националистическая повестка формирует внешнюю и внутреннюю политику страны. Естественно, такая форма служит источником возникновения международной конфликтности.

Её нередко используют политические элиты для демонстрации своей солидарности с внешними силами, заинтересованными в разжигании конфликтов на постсоветском пространстве. Такая мотивация является опасной и антинародной.

Вторая модель определяется отрицанием евразийской интеграции по экономическим соображениям. Внешне она напоминает модель западно-ориентированного либерализма, построенного на принципах глобального капитализма.

В таком контексте внешняя политика становится инструментом вхождения в экономически развитые системы Запада. Основным мотивационным механизмом служит желание приобщиться к благам капитализма через Запад. Эта идея становится вариантом развития государства.

Но готов ли Запад рассматривать постсоветские страны как равноправных партнёров? Тридцатилетняя политико-экономическая практика показывает обратное.

Общим для первой и второй модели является то, что они наиболее удобны для внешнеполитических спекуляций со стороны политических сил Запада. Поэтому представляют для них геополитический интерес.

Через националистическую или либерально-экономическую повестку они конструируют «европейскую мечту». Но результат, как правило, один – отказ от евразийской интеграции или минимизация её роли в судьбе государства.

Третья модель прагматическая или многовекторная. Её смысл в сбалансированности отношений с Западом и Востоком. Такая модель менее идеологизирована, но более размыта.

Главным недостатком этой модели является то, что сбалансированность, нередко, воспринимается как слабость и вызывает критику со стороны партнёров.

Кроме того, в условиях турбулентности международных отношений и санкционного давления на партнёров политика прагматизма, как правило, сужается, внешнеполитических приёмов для манёвренности остаётся меньше.

Четвёртая модель представляет собой систему из трёх компонентов: общего историко-культурного опыта, географической близости, политики добрососедства. Её можно назвать добрососедской. Эта модель характеризует не только отношения с Россией, но и с другими государствами постсоветского пространства и Большой Евразии в целом.

Принятие этих компонентов служит базисом евразийской интеграции, способствует выстраиванию коммуникаций с соседями по приоритетному принципу и открывает новые страницы в отношении государств.

Для обеспечения жизнеспособности этой модели и полноценного раскрытия её преимуществ необходима дальнейшая концептуальная разработка евразийской интеграции. Закрепление за ней конкретных геополитических и геоэкономических смыслов, привлекательных для государств постсоветского пространства и Большой Евразии в целом.

В идеализированной проекции эти смыслы кроются в формировании многополярного мира с одним из центров глобального управления на постсоветском пространстве (СНГ как один из центров притяжения политико-экономической и культурной активности), выходе из технологической зависимости от Запада, строительстве собственных финансовых институтов и укреплении экономического суверенитета стран незападного типа.

Список литературы:

1. Рцхиладзе Г. Сами не приползут. Что такое евразийская интеграция сегодня // Большая Евразия: развитие, безопасность,

- сотрудничество. 2023. № 6-1. С. 457-458.
- Молчанова Е.Р. Перспективы евразийской интеграции // БИТ. 2021. № 3 (19). С. 28-31.
- Максимцев И.А., Межевич Н.М. Уроки эволюции глобальной экономики и перспективы евразийской интеграции // Известия СПбГЭУ. 2023. № 1 (139). С. 7-11.
- Хлопов О.А. Отношения России с Западом в условиях формирования справедливой системы международных связей // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3 (116). С. 28-33.
- Лукиянов В.Ю. Гармонизация системы международных отношений XXI века: идеологический аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 2. С. 20-29.
- Зонова Т.В., Джаннотти А. Россия и Запад: противоречивый диалог // Вестник МГИМО. 2020. № 1 (70). С. 23-38.
- Чжэн Ш. Национальная идентичность России и международная идентичность «другого» // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 119-126.
- Доброхотов Л.Н. Новая холодная война как геополитическая и цивилизационная реальность // Социодинамика. 2022. № 11. С.1-15.

Bibliography

- Rtskhiladze G. They won't crawl on their own. What is Eurasian integration today // Greater Eurasia: development, security, cooperation. 2023. № 6-1. P. 457-458.
- Molchanova E.R. Prospects for Eurasian integration // BIT. 2021. № 3 (19). P. 28-31.
- Maksimtsev I.A., Mezhevich N.M. Lessons from the evolution of the global economy and prospects for Eurasian integration // News of St. Petersburg State Economic University. 2023. № 1 (139). P. 7-11.
- Khlopov O.A. Relations between Russia and the West in the context of the formation of a fair system of international relations // Society: politics, economics, law. 2023. № 3 (116). P. 28-33.
- Lukyanov V.Yu. Harmonization of the system of international relations of the XXI century: ideological aspect // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2021. № 2. P. 20-29.
- Zonova T.V., Giannotti A. Russia and the West: a controversial dialogue // MGIMO Bulletin. 2020. № 1 (70). P. 23-38.
- Zheng Sh. National identity of Russia and international identity of the "other" // Social and humanitarian knowledge. 2023. № 5. P. 119-126.
- Dobrokhотов L.N. The New Cold War as a Geopolitical and Civilizational Reality // Sociodynamics. 2022. № 11. P.1-15.

Бегларян Г.А.

2 курс магистратуры, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Калугина П.П.

2 курс магистратуры, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Половинчикова А.В.

2 курс магистратуры Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Кабышева А.Ю.

Соискатель.

Шпицберген в контексте санкционного давления 2022-2023 гг.

Введение

Арктика и связанный с ней комплекс проблем международно-правового, военно-стратегического, ресурсного, экологического и гуманитарного характера привлекает пристальное внимание исследователей. Обусловлено это как минимум двумя группами факторов. С одной стороны, Арктика с ее богатыми природными ресурсами и потенциалом к транспортному и инфраструктурному развитию в настоящее время является одним из наиболее перспективных регионов для международного сотрудничества, так как, несмотря на рост конкуренции между основными игроками, становится все более очевидным, что ни один крупный проект не может быть реализован какой бы то ни было арктической страной в одиночку¹. С другой стороны, взаимодействие стран в арктическом регионе наталкивается на трудности, проистекающие не только из природы межгосударственных отношений, которые неизбежно в той или иной

---

¹ Красулина О.Ю. Арктика в системе мирохозяйственных связей стран мира // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 1 (61). – номер статьи: 6102.

степени определяются в терминах власти, силы и конкурирующих национальных интересов, но, в первую очередь, отсутствием общепринятых «правил игры», выражающимся в том, что к настоящему моменту не сформировано внятного международно-правового режима использования арктических пространств.

На сегодняшний день режим арктических пространств *de jure* определяется ее статусом международной территории и Морской Хартией ООН 1982 года, которая закрепила за Арктикой тот же статус, что и за любым другим океаном, — открытого моря, кроме исключительных морских зон и продолжения континентального шельфа². Однако наличие исторических прав и интересов на эти территории у арктических государств не позволяют стать такой модели эффективным инструментом регулирования межгосударственного взаимодействия в регионе. В данном контексте особняком стоит случай Шпицбергена, определенная уникальность которого обусловлена наличием четкого международно-правового режима относительно архипелага, зафиксированного в Парижском договоре о Шпицбергене 1920 года. Парадоксальным образом, наличие довольно четких «правил игры» не устранило экономических и политических противоречий между Норвегией и остальными участниками договора³.

Особенно актуальным конфликтным узлом в шпицбергенской проблематике для отечественного исследователя являются российско-норвежские отношения. Помимо географического фактора, актуальность обусловлена как тем, что Арктика определяется в качестве одного из стратегически приоритетных регионов для внешней политики России⁴, так и возрастающими противоречиями между двумя странами относительно взаимодействия в регионе в контексте углубляющегося кризиса в российско-западных отношениях (хорошей иллюстрацией здесь могут служить эволюция дискурса МИД России: если в 2019 году министр иностранных дел С.Лавров назвал российско-норвежскую границу «самой мирной в Европе»⁵, то в ноябре 2022 г. официальный представитель МИД М.Захарова констатировала курс Норвегии на «окончатель-

---

2 Окунев И.Ю. Политическая география: учебник для вузов/Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – 2-е из., испр. – М.: Аспект Пресс, 2021. 251 с.

3 Порцель А.К. Спор о Шпицбергене: точка не поставлена // Арктика и Север. 2011. № 3

4 Так, например, в списке региональных приоритетов в тексте Концепции внешней политики России 2023 г. (режим доступа // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>)

Арктика следует на втором месте после ближнего зарубежья.

5 Цитата по: Интерфакс//Лавров назвал российско-норвежскую границу самой мирной в Европе. – 2019, 25 ноября. // URL: <https://www.interfax.ru/world/681747> (Дата обращения: 16 августа 2023)

ное разрушение российско-норвежских отношений»⁶).

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что углубляющийся кризис в отношениях между Россией и странами Запада ведет к политизации вопросов сотрудничества в арктическом регионе, которые приобретают потенциал быть использованными в качестве дополнительных инструментов санкционного давления.

Цель данной работы состоит в том, чтобы установить наличие и степень влияния кризиса российско-западных отношений, включая санкционное давление, на двустороннее взаимодействие России и Норвегии в контексте Шпицбергена.

Научная новизна настоящей работы обусловлена тем, что в массиве литературы по проблематике Шпицбергена к настоящему моменту не было предпринято попыток соотнести динамику российско-норвежского взаимодействия по этому вопросу с динамикой кризиса российско-западных отношений.

***

Одним из препятствий сотрудничества государств в Арктике являются сложности экономического освоения и сохранения особого статуса архипелага Шпицберген. В последнее время этот аспект международного сотрудничества вызывает всё больше вопросов. Как известно, в соответствии с Договором о Шпицбергене от 1920 г., Норвегия установила суверенитет над архипелагом Шпицберген, а страны-участницы Договора получили право на равный доступ к архипелагу и на осуществление охоты, рыболовства, добычи угля и других видов экономической деятельности⁷. Такой статус позволял сохранить международный доступ к «воротам в Арктику» - так как помимо своей экономической ценности (полезные ископаемые и биоресурсы прилегающих акваторий), архипелаг является одним из ключевых транспортных узлов в Арктике – через него проходят как важные морские транспортные пути, так и кросс-полярные воздушные коридоры⁸.

Однако в настоящее время Норвегия стремится пересмотреть условия Договора, предлагая иные интерпретации его положений, что нарушает права государств-участников. Во-первых, правительство Норвегии

---

6 Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 2 ноября 2022 года // МИД России. Официальный сайт. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1836563/

7 Договор о Шпицбергене (от 09.02.1920 г.), ст. 2,3. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038168>

8 Васильев Е. Норвегия присвоила Шпицберген // Российская Газета, 06.02.2020. // URL: <https://norway.mid.ru/upload/iblock/dea/dea631b237b036401c44250f3c07ffd9.pdf>

установило вокруг архипелага 200-милльную зону охраны рыболовства и объявило шельф Шпицбергена (богатый углеводородным сырьём) продолжением континентального шельфа Норвегии, что выводит его из-под действия Договора. Россия как страна-участница Договора не признаёт созданную в одностороннем порядке зону охраны и рыболовства и указывает на то, что установленный Договором правовой режим общего использования архипелага должен распространяться и на шельф Шпицбергена. Во-вторых, при помощи актов национального законодательства (в основном природоохранной направленности) Норвегия пытается ограничить возможности для ведения на архипелаге экономической деятельности. В частности, это выразилось в введённом Законом об охране окружающей среды на архипелаге Шпицберген (2001 г.) разрешительном порядке экономической деятельности и увеличением территории природоохранных зон⁹. В-третьих, Норвегия создала на архипелаге искусственную транспортную монополию, что препятствует ведению там экономической деятельности.

В-четвёртых, имеет место проблема непрозрачности взимаемых на Шпицбергене налогов и сборов, которые, по Договору, должны направляться исключительно на нужды самого архипелага. На деле, размер финансирования норвежским правительством российских посёлков меньше, чем размер налогов, выплачиваемых действующим на Шпицбергене российским предприятием «Арктикуголь».

Не являясь членом Европейского Союза, Норвегия, тем не менее, вводила соответствующие пакеты санкций в 2014¹⁰ и 2022¹¹ годах. Однако только в 2022 г. ограничение ввоза агропродукции и других продуктов из «корзины» рядового покупателя отразилось на жителях поселка Баренцбург на архипелаге. С целью предотвратить беспрепятственный ввоз товаров в Россию через «прозрачную границу» Шпицбергена в апреле 2022 г. правительство Норвегия распространило на архипелаг действие Закона о таможене¹². В конце июня–начале июля 2022 г. это привело к дипломатическому скандалу на фоне блокировки Норвегией прохода российских фур, направленных работниками треста «Арктикуголь» для обеспечения продуктами первой необходимости жителей рос-

9 Там же.

10 Бутрин А., Шаповалов А. Продуктовый отпор // Газета «Коммерсантъ». 2014. № 139. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2540548>

11 Jones F. "A 'frozen' geopolitical issue": Svalbard and the geopolitics of Arctic mining. // Mining Technology. 2023. // URL: <https://www.mining-technology.com/features/arctic-mining-svalbard-russia/#catfish>

12 Норвегия решила открыть таможенный пункт на Шпицбергене // ИА Красная Весна. 2022. // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/93b7dd53https://rossaprimavera.ru/news/93b7dd53>

сийского поселка Баренцбург¹³.

Вызов поверенной в делах Норвегии в России Сольвейг Россебё в МИД¹⁴, несмотря на обмен критическими замечаниями, привел к относительной нормализации диалога между странами: компромиссным решением стала перевозка продуктов норвежскими перевозчиками¹⁵.

***

Впрочем, с точки зрения безопасности гораздо большей проблемой является вхождение в Альянс Финляндии, ускоренный процесс рассмотрения членства Швеции, постоянная угроза «блокады» Калининградской области, которые во многом превращают Балтийское море во внутреннюю акваторию НАТО¹⁶. Тем не менее, на данный момент сложно говорить о милитаризации архипелага. Равновеликая заинтересованность сторон в наличии военной базы на архипелаге и подозрительность в отношении друг друга делают ее создание невозможным, вместо милитаризации происходит политизация, как на уровне министерских заявлений, так и в проведении однозначных демонстраций силы «низовой активности» – например, праздновании Дня морского флота и Дня Победы в Баренцбурге¹⁷.

Необходимо также упомянуть ещё одно важное обстоятельство: в Договоре закреплено положение, касающееся демилитаризации архипелага (ст.9). Как известно, опыт Второй мировой войны, в ходе которой немецкие войска оккупировали острова и создали на территории архипелага опорную базу, использовавшуюся для контроля за морскими магистралями и нападения на союзнические корабли¹⁸, убедительно доказал военно-стратегическую значимость этого географического объекта. По этой причине следует с особым вниманием относиться к попыткам НАТО получить доступ к архипелагу (внесённому вопреки протесту СССР в сферу компетенции НАТО). В 2017 г. удалось предотвратить создание преце-

---

13 Норвегия отказалась пропустить российские грузы на Шпицберген // РБК. 2022. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2022/62bb20cd9a7947badaf23d48>

14 Россия вызвала временную поверенную Норвегии из-за отказа пропускать груз на Шпицберген // Европейская правда. - 2022. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2022/06/29/7142267/>

15 Королева Н. Осло и Москва разрешили спор из-за поставок на Шпицберген // DW. 2022. // URL: <https://www.dw.com/ru/norvegija-objavila-ob-uregulirovanii-spora-s-rf-iz-za-postavok-na-shpicbergen/a-62389556>

16 Arild Moe. Does Russia have aggressive designs on Svalbard? // Romanian Centre for Russian Studies. 2022. // URL: <https://russianstudiesromania.eu/2022/09/27/does-russia-have-aggressive-designs-on-svalbard/>

17 Staalesen A. Russia stages military-style propaganda parade on Norway's Svalbard archipelago // The Barents Observer. 2023. // URL: <https://thebarentsobserver.com/en/security/2023/05/russia-stages-military-style-propaganda-parade-norways-svalbard-archipelago>

18 Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // АиС. 2020. № 39. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shpitsbergen-v-kontekste-voennoy-bezopasnosti-v-arktike>

дента, когда МИД России жёстко отреагировал на новость о планах проведения на территории архипелага семинара по линии парламентской ассамблеи НАТО¹⁹.

Последний аспект является составной частью другой более крупной проблемы – милитаризация Арктики и связанный с ней рост напряжённости в регионе. По мнению эксперта ИМЭМО РАН А. Тодорова, в последнее время Арктика «всё в большей мере становится заложницей общего ухудшения отношений России и Запада»²⁰ и рассматривается как арена соперничества трёх крупнейших мировых игроков: России, США и Китая. Одним из свидетельств милитаризации Арктики является возросшее число испытаний оружия и военных учений в Арктическом регионе, проводимых как на уровне НАТО (Trident Juncture), так и отдельными странами.

Заключение

Представляется маловероятным, что на данном этапе будет возможно значимым образом повлиять на политику Норвегии в кейсе Шпицбергена. Решения её правительства о создании рыбоохранной зоны и признание суверенитета над шельфом Шпицбергена вряд ли будут отменены в обозримой перспективе. Обе стороны всё ещё далеки от попыток милитаризации островов.

Международные режимы по-прежнему остаются фактором международных отношений и позволяют по инерции обеспечивать функционирование основных институтов права и управления в отсутствие четких договоренностей и ломки старой архитектуры глобальной безопасности²¹. Прошлогодний кризис вокруг архипелага и помещение Арктического региона столь высоко в иерархии региональных приоритетов российской внешней политики дают робкую надежду на если не нормализацию, то ревитализацию диалога с Западом через периферийные глобальные вопросы безопасности. С другой стороны, это открывает новые возможности для политизации региона: Арктика, наряду с космосом и киберпространством, представляет собой не до конца урегулированное в

19 МИД России осудил планы НАТО провести семинар на Шпицбергене // Lenta.ru, 19.04.2017. // URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/19/spitzbergen/>

20 Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // АИС. 2020. № 39. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shpitsbergen-v-kontekste-voennoy-bezopasnosti-v-arktike>

21 Об этом см. Чистиков М., Шуранова А. Международные режимы как фактор двусторонних отношений (на примере России и Норвегии) // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 95. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-rezhimy-kak-faktor-dvustoronnih-otnosheniy-na-primere-rossii-i-norvegii>

правовом отношении пространство для развития, диалога и секьюритизации, и было бы наивно предполагать, что арктические и приарктические государства в дальнейшем не будут использовать его для выяснения отношений путем ультиматума и шантажа.

Список литературы:

1. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 2 ноября 2022 года // МИД России. Официальный сайт. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1836563/
2. Бутрин А., Шаповалов А. Продуктовый отпор // Газета «Коммерсантъ». 2014. № 139. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2540548>
3. Васильев Е. Норвегия присвоила Шпицберген // Российская Газета, 06.02.2020. // URL: <https://norway.mid.ru/upload/iblock/dea/dea631b237b036401c44250f3c07ffd9.pdf>
4. Договор о Шпицбергене (от 09.02.1920 г.). // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038168>
5. Королева Н. Осло и Москва разрешили спор из-за поставок на Шпицберген // DW. 2022. // URL: <https://www.dw.com/ru/norvegija-objavila-ob-uregulirovanii-spora-s-rf-iz-za-postavok-na-shpicbergen/a-62389566>
6. Красулина О.Ю. Арктика в системе мирохозяйственных связей стран мира // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 1 (61). – номер статьи: 6102.
7. Международное право: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Н. Вылегжанина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014.
8. МИД России осудил планы НАТО провести семинар на Шпицбергене // Lenta.ru, 19.04.2017. // URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/19/spitzbergen/>
9. Норвегия отказалась пропустить российские грузы на Шпицберген // РБК, 28.06.2022. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2022/62bb20cd9a7947badaf23d48>
10. Норвегия отказалась пропустить российские грузы на Шпицберген // РБК. - 2022. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2022/62bb20cd9a7947badaf23d48>
11. Норвегия решила открыть таможенный пункт на Шпицбергене // ИА Красная Весна. 2022. // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/93b7dd53https://rossaprimavera.ru/news/93b7dd53>
12. Окунев И.Ю. Политическая география: учебник для вузов/Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2021. 251 с.
13. Порцель А.К. Спор о Шпицбергене: точка не поставлена // Арктика и Север. 2011. № 3.
14. Россия вызвала временную поверенную Норвегии из-за отказа пропускать груз на Шпицберген // Европейская правда. 2022. // URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2022/06/29/7142267/>
15. США отработали ракетный удар по России из Арктики // Lenta.ru, 10.11.2022. // URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/10/nxftvi/>
16. Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // АиС. 2020. № 39. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shpitsbergen-v-kontekste-voennoy-bezopasnosti-v-arktike>
17. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации (от 31.03.2023). // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>
18. Хроленко А. «Зачем НАТО нацелилось на Шпицберген» // РИА-Новости, 2017 (с обновлениями от 26.05.2021). // URL: <https://ria.ru/20170420/1492680013.html>
19. Чистиков М., Шуранова А. Международные режимы как фактор двусторонних отношений (на примере России и Норвегии) // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. №95. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-rezhimy-kak-faktor-dvustoronnih-otnosheniy-na-primere-rossii-i-norvegii>
20. Чубарьян А.О., Ристе У. и др. Советско-норвежские отношения. 1917 - 1955. // Сборник документов. М., «Элиа – Арт – о». 1997. 302 с.
21. Arild Moe. Does Russia have aggressive designs on Svalbard? // Romanian Centre for Russian Studies. 2022. // URL: <https://russian-studiesromania.eu/2022/09/27/does-russia-have-aggressive-designs-on-svalbard/>
22. Andreas Østhagen, Clive H. Schofield «The Arctic Ocean: Boundaries and Disputes». // URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2021/Scholarly-Papers/1_AY2021_Osthagen_Schofield.pdf
23. Bartenstein K. The 'Common Arctic': Legal Analysis of Arctic & non-Arctic Political Discourses. // URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2015/Scholarly_Papers/14.The-Common-Arctic.pdf
24. Jones F. "A 'frozen' geopolitical issue": Svalbard and the geopolitics of Arctic mining. // Mining Technology. // URL: <https://www.mining-technology.com/features/arctic-mining-svalbard-russia/#catfish>
25. Staalesen A. Russia stages military-style propaganda parade on Norway's Svalbard archipelago // The Barents Observer. 2023. // URL: <https://thebarentsobserver.com/en/security/2023/05/russia-stages-military-style-propaganda-parade-norways-svalbard-archipelago>

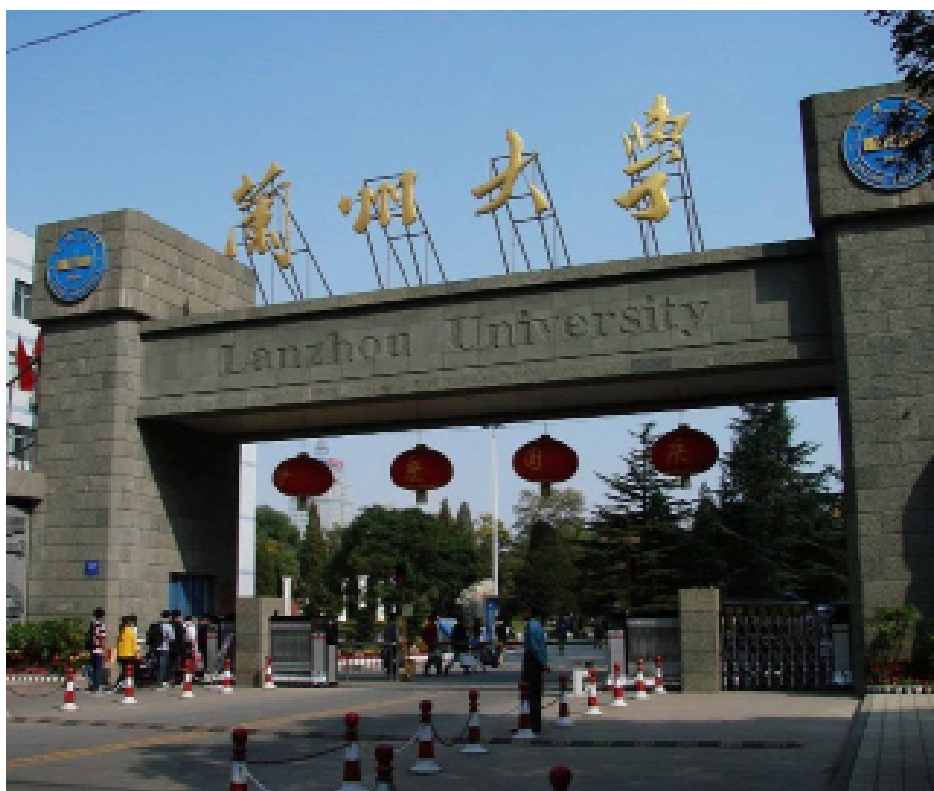
Bibliography

1. Briefing by the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs M.V. Zakharova, Moscow, November 2, 2022 // Russian Ministry of Foreign Affairs. Official site. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1836563/

2. Butrin A., Shapovalov A. Food resistance // Kommersant newspaper. 2014. № 139. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2540548>
3. Vasiliev E. Norway appropriated Spitsbergen // Rossiyskaya Gazeta, 02/06/2020. // URL: <https://norway.mid.ru/upload/iblock/dea/dea631b237b036401c44250f3c07ffd9.pdf>
4. Treaty on Spitsbergen (02/09/1920). // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038168>
5. Queen N. Oslo and Moscow resolved the dispute over supplies to Spitsbergen // DW. 2022. // URL: <https://www.dw.com/ru/norvegiya-objavila-ob-uregulirovaniy-spora-s-rf-iz-za-postavok-na-shpicbergen/a-62389556>
6. Krasulina O.Yu. The Arctic in the system of world economic relations of the countries of the world // Regional economics and management: electronic scientific journal. 2020. № 1 (61). – article number: 6102.
7. International Law: Textbook for Academic Bachelor's Degree / ed. A. N. Vylegzhanina. — 3rd ed., revised. and additional - M.: Yurayt Publishing House, 2014.
8. The Russian Foreign Ministry condemned NATO's plans to hold a seminar on Spitsbergen // Lenta.ru, 04/19/2017. // URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/19/spitzbergen/>
9. Norway refused to allow Russian cargo to enter Spitsbergen // RBC, 06/28/2022. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2022/62bb20cd9a7947badaf23d48>
10. Norway refused to allow Russian cargo to enter Spitsbergen // RBC. - 2022. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2022/62bb20cd9a7947badaf23d48>
11. Norway decided to open a customs point on Spitsbergen // IA Krasnaya Vesna. 2022. // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/93b7dd53https://rossaprimavera.ru/news/93b7dd53>
12. Okunev I.Yu. Political geography: a textbook for universities/Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs. – 2nd edition, correct. – M.: Aspect Press, 2021. 251 p.
13. Porzel A.K. The dispute over Spitsbergen: the point has not been reached // Arctic and North. 2011. № 3.
14. Russia summoned the Charge d' Affaires of Norway due to the refusal to allow cargo to enter Spitsbergen // European Truth. 2022. // URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2022/06/29/7142267/>
15. The United States practiced a missile attack on Russia from the Arctic // Lenta.ru, 11/10/2022. // URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/10/nxftvi/>
16. Todorov A.A. Spitsbergen in the context of military security in the Arctic // AiS. 2020. № 39. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shpitsbergen-v-kontekste-voennoy-bezopasnosti-v-arktike>
17. Decree on approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation (dated March 31, 2023). // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>
18. Khrolenko A. "Why did NATO target Spitsbergen" // RIA-Novosti, 2017 (with updates from 05/26/2021). // URL: <https://ria.ru/20170420/1492680013.html>
19. Chistikov M., Shuranova A. International regimes as a factor in bilateral relations (on the example of Russia and Norway) // Public Administration. Electronic newsletter. 2022. № 95. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-rezhimy-kak-faktor-dvustoronnih-otnosheniy-na-primere-rossii-i-norvegii>
20. Chubaryan A.O., Riste U. et al. Soviet-Norwegian relations. 1917 - 1955. // Collection of documents. M., "Elia - Art - about". 1997. 302 p.
21. Arild Moe. Does Russia have aggressive designs on Svalbard? // Romanian Center for Russian Studies. 2022. // URL: <https://russian-studiesromania.eu/2022/09/27/does-russia-have-aggressive-designs-on-svalbard/>
22. Andreas Østhagen, Clive H. Schofield "The Arctic Ocean: Boundaries and Disputes." // URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2021/Scholarly-Papers/1_AY2021_Osthagen_Schofield.pdf
23. Bartenstein K. The 'Common Arctic': Legal Analysis of Arctic & non-Arctic Political Discourses. // URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2015/Scholarly_Papers/14.The-Common-Arctic.pdf
24. Jones F. "A 'frozen' geopolitical issue": Svalbard and the geopolitics of Arctic mining. // Mining Technology. // URL: <https://www.mining-technology.com/features/arctic-mining-svalbard-russia/#catfish>
25. Staalesen A. Russia stages military-style propaganda parade on Norway's Svalbard archipelago // The Barents Observer. 2023. // URL: <https://thebarentsobserver.com/en/security/2023/05/russia-stages-military-style-propaganda-parade-norways-svalbard-archipelago>

Л

ИНГВИСТИКА

Ланьчжоуский университет

Чжан Сяофэй

*Магистр института иностранного языка,
Ланьчжоуский университет (Ланьчжоу, КНР).*

Сравнение словообразования и стилистических приемов китайской и русской терминов онлайн-игр

Введение

Онлайн-игры - популярная форма досуга и развлечений, и значительная часть лексики, используемой игроками в играх, может стать онлайн-модными словами, но в глазах так называемых «непрофессионалов» игровые сленги имеют определенную специфику или даже сложны для понимания. В контексте современной информационно-сетевой среды хорошее понимание этих слов и их значений позволит нам понять лексическую ситуацию в сфере онлайн-игр и в дальнейшем определить тенденцию развития онлайн-модных слов. Кроме того, пользователи интернета в настоящее время - это в основном молодое поколение, включая даже тех, кто учится в младших и старших классах средней школы. Для того чтобы лучше поддерживать сетевую среду и ориентировать подростков на использование цивилизованного и нормативного языка, необходимо глубже понимать лексику в этой сфере. После поиска мы обнаружили, что существует мало исследований по языку онлайн-игр, в основном они сосредоточены на происхождении, составе, характеристиках, прагматической ситуации и других аспектах языка онлайн-игр, но не уделяют внимания стилистическим приемам и словообразованию этих лексем. Для решения этой проблемы в данной статье отобраны слова, которые часто используются игроками в популярных китайских онлайн - играх, и классифицированы в соответствии с стилистическими приемами на три категории: символ, гипербола и метафора, и также указано, есть ли соответствующие эквивалентные слова в русскоязычном онлайн-игре, и исследуются их происхождение и словообразование отдельно, чтобы проанализировать языковые явления, представленные этими словами, и их влияние на развитие русского и китайского языков, учитывая растущее значение интернета в нашей жизни.

Сравнение словообразования и стилистических приемов китайской

и русской терминов онлайн-игр. Как в китайском, так и в русском языках существует множество видов стилистических приемов, наиболее распространенные из них включают метафору, гиперболу, олицетворение, символ, параллелизм и так далее. В онлайн-играх основными стилистическими приемами, используемыми игроками, являются символ, гиперболу и метафора. Ниже приводится подробный анализ типичных игровых сленгов в соответствии с классификацией стилистических приемов.

Символическая лексика. С точки зрения стилистических приемов, в лексике онлайн-игр широко используется символическая стилистика, и эти слова в основном представляет собой вторичные инновации слов, уже созданных в других играх, или символически оформленных на основе определенных историй.

Китайское слово “лимон” или “нинмэн”, используя его китайское произношение. Когда речь идет о “суань” (“кислота” по-русски), первое, что приходит в голову, это вкусовые понятия “кислое, сладкое, горькое, острое и соленое”. В истории «Лиса и виноград» из басен Эзопа зависть лисы описывается фразой “виноград достать не можешь и говоришь, что он ‘суань’”, тем самым игроки придают “суань” новое значение, которое используется для описания психологии неполучения желаемого, и символически обозначает состояние “зависти в сердце”. Считается, что этот термин впервые появился в киберспорте, но неясно, когда он начал войти в употребление. Хотя изначально слово “суань” использовался как термин с отрицательной оценкой, после популяризации этого понятия пользователи сети стали использовать более кислый фрукт “лимон” для описания того же самого, причем не только для описания других, но и для насмешек над собой, например “я суань” и “я лимон”, поэтому понятие “суань” постепенно нейтрализуется.

Термин “нинмэн цзин” (используя его китайское произношение) также является нейтральным термином и распространился из игрового мира на весь интернет, войдя в десятку лучших онлайн-терминов года, опубликованных Китайским национальным центром мониторинга и исследования языковых ресурсов в 2019 году. С точки зрения словообразования, термин “нинмэн цзин” следует отнести к дополнительному составному слову. В последние годы выражение “хх цзин” часто появляется в онлайн-модных словах, таких как “ган цзин” (Человек, который всегда находится на противоположной стороне и часто получает удовольствие от споров с другими или намеренно придерживается противоположных взглядов во время спора) и “туй цзин” (В основном используется для восхвале-

ния чых-то длинных, прямых, тонких и белых ног). Можно сказать, что “хх цзин” стал новым типом суффикса в китайских онлайн-модных словах.

“Лимонная эссенция” на русском языке. В русском словаре нет термина онлайн игр, похожего на “нинмэн цзин” на китайском, поэтому если необходимо перевести “нинмэн цзин” на русский язык, то можно дословно переводить его как “лимонная эссенция”, чаще оно используется метафорически и подразумевает чью-то сильную зависть. Как если бы лимон откусил, что аж челюсти сводит! Но на самом деле, когда упоминается “лимонная эссенция”, первое, о чем думают россияне, - это кислотность лимона на вкусе, и она не ассоциируется со значением ревности, зависти и так далее. Для идиомы “нинмэн цзин” в русском языке имеется поговорка «Видит око, да зуб неймёт», которая означает, что что-то кажется легкодоступным, но нет возможности это желаемое осуществить, т.е. что-то видимый, но недоступный, что аналогично китайскому термину “нинмэн цзин”. Но эта поговорка не является русским игровым термином, а чаще использована для описания материальных ценностей: вещей, автомобилей, недвижимостей и т.д.

Гиперболическая лексика. Игроки используют гиперболическую лексику реже, чем символическая лексика, что отражает чувство любопытства и юмора игрока.

Китайское слово “баогань” (используя его китайское произношение). Типичным примером гиперболического термина является “гань”(по русскому языку “печень”). Печень - один из органов человеческого тела, и китайская медицина считает, что засиживание допоздна вредит печени. Поэтому некоторые пользователи сети используют “гань” для обозначения засиживания допоздна, а затем используют глагольно-объектную конструкцию для преувеличения его до “баогань”, что означает быть очень усталым, работать очень тяжело или тратить много времени и энергии, чтобы сделать что-то, в основном используется в играх. Два корня в китайской глагольно-объектной конструкции имеют глагольно-объектную связь, при этом предыдущий корень обычно обозначает действие или поведение, а последующий корень является объектом, управляемым предыдущим корнем. Существует еще множество слов, образованных таким образом, например, “тоуцзы” (инвестировать), “аньсинь” (успокаивать) и “чусэ” (превосходить).

“Взрыв печени” на русском языке. В некоторых китайских песнях русские напрямую переводят “баогань” как “взрыв печени”. При таком способе перевода максимально сохраняется структурный облик лексики

исходного языка и обогащается переводная лексика. Однако такой перевод крайне механистичен, и это значение не получило широкого признания в России - поэтому россияне, не обладающие достаточными фоновыми знаниями, часто сбиваются с пути. Потому что при слове “взрыв печени” первое, что приходит на ум россиянам, - это травма печени. Так какие же слова русские используют для обозначения “сражаться ночью при свете фонарей?” В русском языке есть словосочетания “работать по ночам”, “допоздна засиживаться за работой”, которые используются для описания работы на всю ночь без сна. Но ни в одной из фраз не используется гипербола или какой-либо другой стилистический прием.

Метафорическая лексика. Игроки используют метафору в игре, как и в реальной жизни, чтобы придать выражениям большей образности.

Китайское слово “Фоси” (используя его китайское произношение). Китайское слово “фоси” появилось благодаря японскому журналу 2014 года, в котором под “буддистским” мужчиной понимался человек, который эгоцентричен, имеет собственную манеру поведения и считает романтические отношения слишком сложными. Это также связано с образом Будды, у которого нет желаний и стремлений. После появления этот термин быстро распространился и в 2018 году стал одним из лучших онлайн-модных слов года, выбранных Китайским национальным центром мониторинга и исследования языковых ресурсов. Его значение несколько изменилось с момента его популярности, в основном оно обозначает людей или образ жизни, которые внутренне спокойны и свободны от желаний и стремлений.

На языке онлайн-игр термин “фоси” обозначает игрока, который не слишком стремится к результатам или вознаграждениям и имеет безразличное отношение ко многим вещам, и как правило, в положительном смысле. Можно сказать, что “фоси” - это прилагательное, которое может сочетаться с различными словами, такими как студент, диета и шопинг. С точки зрения словообразования, “фоси” также является словом с подчинительной связью компонентов, в котором предшествующий корень модифицирует или определяет последующий корень, при этом центр слова находится в последующем корне. Например, “гаошань” (высокая гора), “гунянь” (публичное представление) и т.д.

“Подобное Будде” на русском языке. В русском словаре терминов онлайн игр нет исконных слов, выражающих то же значение, что и китайское слово “фоси”. Но благодаря популярности “фоси” российские геймеры калькировали “Подобное Будде” для описания молодых людей,

которые отвергают крысиные бега современного общества трудоголиков в пользу спокойной, апатичной жизни. Этот термин уже широко распространился и получил определенное эффективное влияние в российском игровом круге, и при упоминании термина “Подобное Будде” или “Фоси” геймеры знают, что он означает.

Китайское слово “цайцзи” (используя его китайское произношение). Китайское слово “цайцзи” часто используется для обозначения людей с более слабыми способностями или новичка в какой-либо области. Слово “цайцзи” происходит от слова “цайняо”, и существует три варианта описания происхождения термина “цайняо”. Один из них заключается в том, что он произошел от идиомы “бэньняо сяньфэй” (неловкая птица взлетает заранее). На самом деле слово “бэньняо” (неловкая птица) появилось в игровом круге очень давно, но во время какой-то ссоры один из игроков написал “бэньняо” как “цайняо”. Потом слово “цайняо” стало популярным на различных игровых форумах и получило широкое распространение в игровом круге. Согласно другому варианту, слово “цайняо” возникло в НБА, где игроков-новичков называли “цайняо”, а геймеры впоследствии имитировали это и стали называть более слабых игроков “цайняо”. По другой версии, слово “цайняо” эволюционировало от диалекта, например, в южнофуцзяньском диалекте термин “цайняо цзай” используется для обозначения птицы, которые только учатся летать и еще не летает плавно, и в диалектах Хэнань и Шаньдун слово “цайняо” само по себе имеет значение “идиоты”.

Поскольку после популяризации термин “цайняо” во многих случаях использовался как скромный термин с небольшим или отсутствующим уничижительным оттенком, игроки в киберспорте поначалу стали использовать термин “цайцзи” вместо “цайняо” как знак насмешки и презрения. В результате слово “цай” стало в определенной степени прилагательным и, следовательно, привело к появлению ходячей фразы “в киберспорте, цай - первородный грех”. Впоследствии частота использования таких слов постепенно возрастала, и многие игроки больше не использовали их только для обозначения уничижительного значения, а скорее для обозначения шутки и даже автоиронии, в том числе “жоцзи”. Например, в игре игрок может использовать фразу “я очень цай” для описания своей плохой и неудачной работы. С точки зрения словообразования, слово “цайцзи” является дополнительным сложным словом, то есть, “цзи” дополняет “цай”, поскольку в центре слова “цайцзи” находится предыдущий корень “цай”.

“Ваншот” на русском языке. В русском языке начинающий, неопытный человек в какой-либо области может быть представлен словом “новичок”, которое само по себе не имеет эмоциональной окраски. А новичков в игре можно также обозначить словами “нуб”, “ваншот”, которые иногда носят шутливую, ироническую и презрительную окраску. Например, иногда термин “нуб” применяют для того, чтобы оскорбить кого-то после совершения последним какой-то нелепой ошибки. Также ваншотом называют игрока с очень низким уровнем, так его можно убить одним выстрелом из любого оружия. В данном случае они являются эквивалентом “цайцзи” в китайском языке. В противовес этому существует слово “ламер”, которое также может быть использовано для обозначения новичка в игре. Но в отличие от “нуб”, “ваншот”, слово “ламер” относится к человеку, который считает себя хорошо разбирающимся в игре и притворяется мастером, несмотря на отсутствие опыта.

Комплексный анализ лексики, используемой игроками в онлайн – играх. Благодаря популярности интернета и смартфонов, лексика, используемая геймерами, больше не ограничивается игровым кругом, и многие из них могли выходить за рамки общепринятого и стали онлайн-модными словами. Однако исследования происхождения и словообразования игровой лексики были относительно неадекватными, что требует от нас дальнейшего исследования этих терминов. Проанализировав происхождение, стилистические приемы и словообразование вышеуказанной игровой лексики, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, игровая лексика в китайском языке не была создана игроками необоснованно, а представляет собой новое использование и воссоздание простых слов, которое придает уже существующим словам новый смысл на основе некоторых аллюзий. Например, образные характеристики таких слов, как “лимон” и “цайцзи”, придают новые значения самим словам и на их основе были созданы такие слова, как “линмэн цзин”. Кроме того, термины “баогань” и “фокси” хотя и являются новыми словами, они также связаны с общими знаниями реального мира. Это косвенно отражает то, что современные геймеры отличаются от предрассудков так называемых “насильственных игр”, а также имеют определенное культурный бэкграунд и уважают традиционную культуру. Кроме того, большинство современных онлайн-модных слов были созданы аналогичным образом, и можно сказать, что игровая лексика в определенной степени способствовала развитию онлайн-модных слов.

Во-вторых, с точки зрения словообразования, лексика, используемая

китайскими геймерами, в основном состоит из подчинительной, дополнительной, субъектно-предикатной и глагольно-объектной форм, а также существуют дополнительные слова, производные от этих слов, например, “линмэн цзин”. В современных онлайн-модных словах более распространенным суффиксом можно назвать “хх цзин”, еще и аналогичными суффиксами “хх шэнь” и “хх дан”, от которых образуются такие термины, как “шуйшэнь” (Человек, который любит спать и спит слишком много), “аое дан” (Человек, который проводит ночи без сна) и т.д. Эти суффиксы на самом деле происходят от своих традиционных значений с некоторым расширением или преувеличением их понятий, но могут ли они превратиться в традиционные суффиксы, еще предстоит изучить.

В-третьих, в игровой лексике используются в основном такие стилистические приемы, как символ, гипербола и метафоры. Стилистический прием символа используется в широком смысле, и многие слова в основном преследуют какой-то символический образ, тем самым модифицируя некоторые явления в игре, такие как китайский термин “фоси геймер” (буддийский геймер). Использование гиперболы и метафоры связано с психологией стремления к новикам и альтернативным юморам в интернете, например, “баогань”.

В-четвертых, на прагматическом уровне общепризнано, что в виртуальной среде, такой как онлайн-игры, нормы вежливости относительно мало учитываются по сравнению с реальным общением. Однако на самом деле игровая лексика, хотя и более свободная, чем в реальных разговорах, не игнорирует нормы вежливости и даже демонстрирует тенденцию к большей вежливости. Чем свободнее диалог, тем больше требуется гармония в среде общения, поэтому многие изначально с отрицательной окраской слова в игре постепенно превращаются в слова с положительной и отрицательной окраской, такие как “сяньюй”, “цайцзи” и т.д., которые в настоящее время в основном используются для насмешек или автоиронии и даже имеют некоторые милые значения.

Кроме того, в результате проведенного сравнения китайских и русских игровых лексем можно сделать вывод о том, что некоторые китайские игровые сленги пришли в русский игровой круг и были приняты российскими игроками, что связано с частотой использования и популярностью самих лексем. Большая часть китайской игровой лексики не имеет эквивалентов в русском языке, а это отражает, что различия в культурных потребностях в разных языковых контекстах приводят к появлению разных слов. Несмотря на то, что все игроки активны в одной сети и онлайн-иг-

ры постепенно интернационализируются, появление игровых неологизмов все еще больше укоренена в местном языке и национальной культуре.

Заключение

В данной статье по стилистическим приемам классифицируется лексика, используемая игроками в китайских онлайн-играх, указывается наличие соответствующих эквивалентов в русском языке, исследуется происхождение и словообразование этих слов, подводятся некоторые из них особенностей, что могут помочь понять лексики онлайн-игр и тенденции их развития. В целом большинство китайских игровых лексем происходит от традиционной культуры или связанных с ней классических образов, потом эти слова были введены игроками в повседневную жизнь, что дало возможность их дальнейшего распространения и в определенной степени способствовало развитию неологизмов. Однако большинство из них не вышла за пределы страны, и эквивалента в русском языке не существует, что также отражает факт географической ограниченности языка. Игровая лексика, анализируемая в данной статье, ограничена по количеству и все еще далека от языкового употребления всего онлайн - игрового круга, поэтому влияние игровой лексики на общее развитие языка требует дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Цзинь Инхуй. Краткий анализ природы арго и жаргона терминов онлайн-игр / Семья драмы, 2018. № 9. С. 224-225.
2. Люй Юйсюань. Анализ дискурса "Стратегии онлайн-игр" с точки зрения языкового регистра / Педагогический университет Центрального Китая, 2019.
3. У Бинчжан. Исследование этимологического обоснования онлайн-модных слов в интернете за последние десять лет. / Вестник Северного университета Китая (издание по общественным наукам), 2020. № 2. С. 105-109, 114.
4. Цзэн Айхуа. Лексический состав языка онлайн-игр и его влияние на развитие китайской лексики / Журнал языкознания и литературоведения, 2010. № 19. С. 89-91.
5. Чжан Фавэнь. Тематическое исследование языка онлайн-игр. / Гуанчжоуский университет, 2012.
6. Королев Д.А. Игровой сленг и его применение в повседневной жизни у молодежи // Научный аспект. 2022. Т. 9. № 6. С. 1162-1166.
7. Пауль Е.В. Некоторые особенности китайского игрового сленга // Аспирант. 2021. № 6 (63). С. 128-131.
8. Аханова М.Г. Игровой сленг как новая форма коммуникации / М.Г. Аханова, А.В. Корольчук // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 81-85.

Bibliography

1. Jin Yinghui. A brief analysis of the nature of the argot and jargon of terms in online games / Family of Drama, 2018. № 9. P. 224-225.
2. Lu Yuxuan. Discourse analysis of "Online Game Strategy" from the point of view of linguistic register / Central China Normal University, 2019.
3. Wu Bingzhang. A study of the etymological basis of online buzzwords on the Internet over the past ten years. / Bulletin of the Northern University of China (publication on social sciences), 2020. № 2. P. 105-109, 114.
4. Zeng Aihua. Lexical composition of the language of online games and its influence on the development of Chinese vocabulary / Journal of Linguistics and Literary Studies, 2010. № 19. P. 89-91.
5. Zhang Fawen. A case study of the language of online games. / Guangzhou University, 2012.
6. Korolev D.A. Gaming slang and its use in everyday life among young people // Scientific aspect. 2022. Vol. 9. № 6. P. 1162-1166.
7. Paul E.V. Some features of Chinese gaming slang // Postgraduate student. 2021. № 6 (63). P. 128-131.
8. Akhanova M.G. Gaming slang as a new form of communication / M.G. Akhanova, A.V. Korolchuk // Current directions of scientific research: from theory to practice. 2016. № 2-2 (8). P. 81-85.

С

СОЦИОЛОГИЯ

Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова

Конев И.В.

*Доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и управления,
Белгородский государственный технологический университет
имени В.Г. Шухова.*

Чуев К.Г.

*Кандидат социологических наук,
коммерческий директор НПЦ «Белагроген».*

Социальные переменные проектной деятельности

Социальные переменные проектной деятельности связаны непосредственно с коллективным субъектом данной деятельности и включают: а) сплоченность, б) корпоративность, в) командность.

Сплоченность. Организацию можно представить в виде множества взаимосвязанных малых групп, которые могут быть сплоченными, расчлененными или разобченными. Выделяют три уровня развития групповой сплоченности. Для первого уровня сплоченности характерно развитие *межличностных эмоциональных контактов*. Второй уровень представляет собой дальнейшее развитие сплоченности группы, в результате чего возникает ее *ценностно-ориентационное единство*. На третьем – высшем – уровне сплоченности участники группы начинают разделять *общие* для совместной деятельности цели.

Корпоративность как социальная переменная управления проектами выражается в:

- чувстве принадлежности работников к организации и ее подразделениям, самоидентификации («мой отдел», «моя группа» и т.п.);
- лояльности и преданности сотрудников, выражающихся в их готовности к каким-либо издержкам ради общего блага и достижения общеорганизационной цели;
- признании приоритетности групповых интересов;
- определенной оппозиции по отношению к другим – близким по характеру деятельности и смежным социальным группам
- преданности персонала организации, готовности к неплановым издержкам для достижения общеорганизационных целей;

– социальном партнерстве как интеграции ресурсов и усилий людей или социальных групп по достижению общей цели при непосредственном соблюдении интересов всех сторон;

– концентрации творческой энергии «человеческого фактора» (знаний, креативности, духовности) как средства увеличения конкурентоспособности и производительности труда.

Командность. Проектное управление характеризуется тем, что оно, осуществляется непосредственно *командой* сотрудников. Команду сотрудников отличают от обычной группы сотрудников: четкое разграничение ролей (обязанностей), успешная координация действий, обмен информацией, участие в принятии решений и контроль их выполнения, конструктивное разрешение конфликтов, взаимная ответственность, наличие «командного духа», позволяющего каждому члену коллектива чувствовать себя значимой частью команды, которую объединяют общие цели и задачи. Согласно одному из ведущих принципов «командной» работы, в ролевом плане команда состоит из частично перекрывающих друг друга ареалов ролей (команда занимается решением многофункциональных проблем, а поэтому виды деятельности, выполняемые членами команды, взаимосвязаны между собой).

Продолжая анализ социальных переменных проектного управления, обратимся к тем из них, которые связаны непосредственно с отношениями между участниками данного процесса, их взаимодействием. В эту группу переменных входят: 1) социальный обмен между участниками проектного управления, 2) особый вид деловой коммуникации, интегрирующий каналы прямой и обратной связи, 3) стиль руководства организацией, коллективом, 4) кумулятивная ответственность, 5) доминирование горизонтальных социальных связей, 6) матричная форма организации.

1. Социальный обмен между участниками проектного управления. Обмен присущ деятельности людей в различных ее видах и на всем протяжении истории. Обмен деятельностью включает в себя несколько компонентов, осуществляется многими способами:

– *обмен информацией*, который является простейшим и исходным компонентом обмена деятельностью. Обмен информацией выступает, с одной стороны, общим условием обмена деятельностью в целом, с другой стороны – его специфической разновидностью.

– *обмен передовыми приемами, методами труда.* Этот вид обмена деятельностью получил широкое распространение внутри организации и

реализуется, как правило, в различных формах повышения квалификации ее сотрудников;

– *обмен образцами оказываемых услуг.* Значительную роль в этом виде обмена играют периодически устраиваемые выставки, которые позволяют напрямую сопоставить их с другими образцами, оценить их сравнительные достоинство и недостатки;

– *обмен сотрудниками.* Данный вид обмена актуализируется при разработке и реализации технологических, организационных инноваций. Он позволяет тиражировать новшества, ускорить инновационный процесс, за короткие сроки добиться высоких результатов;

– *обмен новшествами в области организации труда и производства.* Повсеместное внедрение новых технологий – одно из наиболее эффективных направлений обменом деятельностью. Оно позволяет многократно повысить производственные результаты;

– *обмен трудовыми гарантиями (ответственностью).* Эффективная работа подразделения организации зависит от других подразделений, с которыми они находится в производственной связи. Успех одного обеспечивается добросовестностью многих и наоборот, гарантией их успеха является четкая деятельность одного;

– *обмен трудовыми затратами.* Этот вид обмена предполагает оказание непосредственной помощи отставшему работнику или коллективу в форме выполнения какой-то части положенного ему объема работ. Обмен трудовыми затратами имеет, как правило, эпизодический характер, его превращение в массовое явление приводит к негативным явлениям;

– *обмен эмоционально-психологическим состоянием,* который выражается в обостренной потребности профессионального самоутверждения, интенсивности взаимных оценок и самооценок сотрудников, эмоциональном возбуждении, «трудоом азарте». Энергией одного человека заражается другой, третий начинает им подражать, четвертый оказывается уже объектом группового внушения и так далее. При этом важно научиться управлять эмоционально-психологическим состоянием, направлять его на достижение организационных целей. Удержать эмоционально-психологический подъем сотрудников, превратить его в норму отношения к труду и сотрудникам возможно посредством его «опредмечивания», то есть определенного изменения условий работы, совершенствование трудового процесса;

– *обмен идеями, ценностями, знаниями* как критерий сотрудничества и инструмент для достижения согласия и взаимной выгоды.

2. Проектная деятельность как *особый вид деловой коммуникации* интегрирует каналы прямой и обратной связи. В менеджменте можно выделить три вида организационных коммуникаций в зависимости от ее направленности – нисходящая, восходящая и горизонтальная. Согласно социологическим исследованиям в организациях наиболее предпочтителен нисходящий тип коммуникации. Нисходящие организационные коммуникации – это поток информации от высших уровней руководства к низшим. Практически половина всех контактов руководителей приходится на подчиненных, а вторая делится между коллегами, начальниками и внешними субъектами. Восходящие организационные коммуникации – это поток информации от низших уровней руководства к высшим. Если двусторонний информационный поток ослабевает по причине ограниченности восходящих коммуникаций, то руководство испытывает нехватку данных, необходимых для принятия управленческих решений, утрачивается представление о потребностях сотрудников, а, следовательно, утрачивается возможность обеспечить успешное выполнение функций и социальную поддержку. Как отмечают Дж.В. Ньюстром и К. Дэвис, на сотрудников необходимо «настраиваться» так же, как ищем свою любимую станцию на шкале радиоприемника.

Управление проектами, а если быть точнее, социальное управление ими имеет непосредственное отношение к участникам данного процесса, организации их совместной – проектной – деятельности. Из предыдущего анализа становится понятным, что эта деятельность отличается оперативностью как прямой, так и обратной коммуникационной связи. В ней в полной мере проявляет себя так называемый «мостик Файоля». Организационные структуры часто затрудняют функционирование потоков информации между сотрудниками различных подразделений. Можно предположить, что сообщения движутся по иерархии до общего для обоих подразделений руководителя, а потом идут вниз. Значит замедляется скорость сообщений. Файоль отстаивал концепцию специальных механизмов поперечной коммуникации в организации. Согласно его мнению, имеется большое количество видов деятельности, успех которых зависит от их быстрого исполнения, и что важно найти способы сочетания должного почтения к иерархическим каналам с удовлетворением потребности в быстрых действиях. Этот процесс предполагает проявление инициативы, позитивных действий, чувствительности к слабым сигналам и способности адаптироваться к различным информационным каналам.

3. *Стиль руководства организацией, коллективом.* К. Левин выделяет три типа лидерства (руководителя):

авторитарный (жесткие способы управления, пресечение любой инициативы в процессе принятия решений и т.д.);

демократичный (поощрение инициативы, коллегиальность и т.п.);

анархичный (отказ от управления, устранение от руководства и т. д.).

Множество возможных стилей руководства варьирует от строго положительных до строго отрицательных. Практически каждый день руководитель использует «оружие» как из положительного, так и отрицательно-го «арсеналов», но тон задает доминирующий стиль лидерства.

Разнообразие стилей руководства отличается концентрацией власти в руках: а) руководителей, б) руководителей и работников, в) только работников. Власть выражает способность человека оказывать воздействие на людей и события. Она является главным капиталом руководителя, способом управленческого воздействия.

В научной литературе выделяется пять типов (источников) власти:

– личная (или харизматическая, референтная) власть, связанная с индивидуальными чертами руководителя, его способностью стимулировать развитие своих подчиненных;

– законная власть, которая выражается в официальных властных, должностных полномочиях, передаваемых из «рук» вышестоящего руководства;

– экспертная власть, т.е. власть, основанная на специальных знаниях, компетенциях, информированности о сущности сложных ситуаций;

– власть, предполагающая вознаграждение (повышение зарплаты, перевод или повышение сотрудника и т.п.);

– власть, основанная на принуждении: руководитель может наказывать своих подчиненных или инициировать потенциальную угрозу наказания.

4. *Кумулятивная ответственность.* Смысл «кумулятивной ответственности», введенной в научный обиход М.П. Фолетт, заключается в достижении согласованности работ разных людей. Рабочие функции не могут быть взаимно изолированными друг от друга, сотрудники несут ответственность за интеграцию выполняемой ими работы, а не за передачу другим скоординированных смежных функций и соответствующих им обязанностей. «Быть в ответе за себя и за того парня» – так можно выразить суть кумулятивной ответственности.

Сотрудничество, которое основано на кумулятивной ответственности

сти, определяется, во-первых, тем, что участники рабочей группы знают собственные обязанности и имеют общее представление об обязанностях других, а именно, тех, кто близко по технологической цепочке. Они имеют представление также о конечном результате. Во-вторых, сотрудники заинтересованы не только в своих личных результатах, но и в результатах коллег и, безусловно, в конечном результате. В-третьих, между ними образуются ревностные отношения, высокая чувствительность к успехам и недостаткам других. В-четвертых, возникает цепочка взаимного контроля.

5. *Доминирование горизонтальных связей.* Для проектной деятельности важно то, что горизонтальные подсистемы управления временно перекладываются на линейно-функциональную структуру организации. По окончании проекта эти подсистемы упраздняются или заменяются новыми, поэтому большую часть рабочего дня руководителя занимают горизонтальные (перекрестные) коммуникации, соединяющие между собой командные цепочки организации и позволяющие скоординировать взаимодействие ее подразделений и отделов. Горизонтальное общение более типично для сотрудников, которые работают в одной группе, а также для членов разных групп, выполняющих взаимозависимые задачи. Важнейшая функция горизонтального общения состоит в координации и решении текущих задач. Данное общение эффективнее, чем взаимодействие через формальные иерархические связи. К примеру, если два сотрудника станут согласовывать с руководителем каждый шаг сотрудничества со смежным подразделением (рабочей группой), то такое согласование потребует привлечения всех звеньев управления и длительного времени. Если они будут регулярно решать смежные задачи и принимать срочные решения, то прямое горизонтальное общение будет необходимым. Конечно, прямое взаимодействие не предусматривает только постоянное информирование руководства о текущей деятельности сотрудников.

Горизонтальные потоки общения в организации загружены намного больше, чем вертикальные. Одна из причин состоит в том, что люди более расположены говорить свободно и открыто с равными по статусу, чем с руководством. Горизонтальный обмен информацией в этом случае значительно меньше подвержен искажениям, так как у работников одного уровня взгляды совпадают чаще. Более того, содержание горизонтальных сообщений носит координационный характер, тогда как у вертикальных, идущих сверху вниз, приказной.

Горизонтальные связи не ограничиваются только информационным

взаимодействием сотрудников организаций. Общий механизм взаимодействия включает также способы воздействия в системах «индивид – индивид», «группа – индивид»: визуальный, психоэмоциональный, коммуникативный, суггестивный, рациональный, рефлексивный, информационный, лидерский, состязательный, экспектационный, статусно-ролевой, кооперативный, принудительный, а также воздействие через предъявление требований, групповых санкций и психологической изоляции.

6. *Матричная организация.* Как показывает практика, для проектного управления характерны организации, которые, в первую очередь, децентрализованы и включают гибкие организационные структуры, рационально разделены на подразделения; во-вторых, имеют полуавтономные подразделения, которые отвечают за выполнение определенных задач; в-третьих, имеют расширенную систему горизонтальных и вертикальных взаимодействий и целостность благодаря объединению всех структурных подразделений общей целью и планов по ее достижению.

Матричная организация, в отличие от линейно-функциональной, характеризуется организацией сотрудников и подразделений на определенные задачи, вытекающие из целей организации; отсутствие строгой регламентации содержания контроля за результатами; горизонтальное взаимодействие структурных звеньев. Матричный принцип предусматривает одновременное подчинение сотрудников нескольким руководителям, а ресурсы и полномочия распределяются с целью достижения «баланса власти» по горизонтали и по вертикали.

Выводы

1. Социальное управление, как и любой другой вид управленческой деятельности, осуществляется посредством целенаправленного воздействия на отдельные стороны, признаки, свойства (одним словом – переменные) значимого объекта. Выделяются три группы переменных, относящихся непосредственно к: а) сотруднику, б) коллективу, в) социальному взаимодействию в коллективе. Первая группа переменных проектного управления, характеризующих непосредственно работников как участников данного процесса, включает: качество трудовой жизни, уровень социальной самореализации, участие в соуправлении, персонафицированность деятельности, профессиональный рост и служебную карьеру, мотивацию. Во второй группе социальных переменных проектной деятельности, связанных с ее коллективным субъектом, выделяются:

корпоративность, командность, ценностно-целевое единство, форма социальной организации. В третью группу переменных, выражающих особенности социального взаимодействия участников в процессе проектной деятельности, входят социальный обмен между участниками проектного управления, особый вид деловой коммуникации, интегрирующий каналы прямой и обратной связи, стиль руководства организацией, коллективом, кумулятивная ответственность, доминирование горизонтальных социальных связей.

Список литературы:

1. Абрамов Р.Н. Корпоративная социальная ответственность как пример организационного изоморфизма в условиях глобализации // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 3. С. 327-345.
2. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2005. 831 с.
3. Данакин Н.С., Кищенко И.Н., Козлов М.Ю. Социально-технологические основы управления формированием и развитием корпоративной культуры вуза. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2010. 155 с.
4. Данакин Н.С., Конев И.В., Страхов М.В. Оптимизация коммуникационного взаимодействия в управлении организационными инновациями на предприятиях. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2017. 143 с.
5. Евминов К.Н. Использование потенциала группового влияния в регулировании организационного поведения: дис ... канд. социол. наук. Белгород, 2015. 218 с.
6. Занковский А.В. Организационная психология. М.: Флинта, МПСИ, 2002. 646 с.
7. Классики менеджмента / под ред. М. Уоркера. СПб.: Питер, 2001. 1160 с.
8. Ньюстром, Д.В., Дэвис К. Организационное поведение. СПб.: Питер, 2000. 447 с.
9. Петровский А.В. Личность, деятельность, коллектив. М.: Политиздат, 1989. 255 с.
10. Резник С.Д., Куликов В.Г. Команда управленцев – реальные проблемы // ЭКО. 2002. № 5. С. 133-142.
11. Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Контроллинг, 1991. 111 с.
12. Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции: моногр.; под ред. проф. Н.С. Данакина. Белгород: Изд-во БГУ, 2009. 146 с.
13. Хижняк Л.М. Цель в жизнедеятельности трудовой организации // Бизнес Информ. 1995. № 31-32. С. 10-14.

Bibliography

1. Abramov R.N. Corporate social responsibility as an example of organizational isomorphism in the context of globalization // Journal of Social Policy Research. 2005. Vol. 3. № 3. P. 327-345.
2. Armstrong M. Practice of human resource management. St. Petersburg: Peter, 2005. 831 p.
3. Danakin N.S., Kishchenko I.N., Kozlov M.Yu. Socio-technological foundations for managing the formation and development of a university's corporate culture. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2010. 155 p.
4. Danakin N.S., Konev I.V., Strakhov M.V. Optimization of communication interaction in the management of organizational innovations in enterprises. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2017. 143 p.
5. Evminov K.N. Using the potential of group influence in the regulation of organizational behavior: dis... cand. social. Sci. Belgorod, 2015. 218 p.
6. Zankovsky A.V. Organizational psychology. M.: Flinta, MPSI, 2002. 646 p.
7. Classics of management / ed. M. Worker. St. Petersburg: Peter, 2001. 1160 p.
8. Newstrom, D.W., Davis K. Organizational behavior. St. Petersburg: Peter, 2000. 447 p.
9. Petrovsky A.V. Personality, activity, team. M.: Politizdat, 1989. 255 p.
10. Reznik S.D., Kulikov V.G. Management team – real problems // ECO. 2002. No. 5. P. 133-142.
11. Fayol A. General and industrial management. M.: Controlling, 1991. 111 p.
12. Khashaeva S.V. Adversarial mechanism of social regulation: monograph; edited by prof. N.S. Danakina. Belgorod: BSTU Publishing House, 2009. 146 p.
13. Khizhnyak L.M. Purpose in the life of a labor organization // Business Inform. 1995. No. 31-32. P. 10-14.

Нансо М.Д.

*Доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
Северо-Кавказская государственная академия.
Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск.*

VR и AR-технологии в образовательном процессе

Актуальность. Современное образование находится под сильным воздействием цифровых технологий, которые расширяют возможности образовательной деятельности и педагогической практики. В условиях растущей информатизации применение инновационных технологий, основанных на «цифре», является объективной закономерностью и условием, обеспечивающим успешное функционирование системы образования на всех этапах ее развития. Под влиянием современных технологий оказываются все составляющие сферы образования – учебная, методическая, просветительская, инфраструктурная, управленческая, социокультурная и т. д. Трансформируются характер и содержание социальных взаимодействий, интенсифицируются связи в образовательной среде, более разнообразными становятся социальные коммуникации, появляются новые формы идентификации индивида. Иными словами, сформировался т. н. «digital man» – «цифровой человек», возможности и устремления которого соответствуют современному цифровому времени.

Результаты исследования и их научное обоснование. Технологии VR (виртуальной реальности) давно используются в образовании, более того – утвердилось понятие виртуального образования, под которым понимается искусственная интерактивная среда, с которой индивид может взаимодействовать, погружаясь в нее. Одним из несомненных достоинств VR-образования является то, что оно расширяет возможности лучше и глубже понимать процессы, происходящие в реальности. VR-образование относят к числу иммерсивных технологий, которые повышают роль визуальных средств в учебном процессе, при получении знаний и компетенций. Преимущество применения этих технологий заключается в том, что они позволяют наглядно отражать те явления, которые сложно либо невозможно наблюдать в реальном мире. Так виртуальная реальность в образовательном процессе выступает средством, с помощью которого можно проникать в структуры, сложные для наглядной досягаемости. В

качестве примера можно сослаться на медицинские, технические, инженерные науки, в которых наглядность имеет важное обучающее значение. VR-образование способствует повышению эффективности образовательной деятельности: возрастает результативность обучения, увеличиваются объемы информации, поскольку основные методические приемы сочетаются с дополнительными, формируются навыки их применения в различных образовательных ситуациях.

Немаловажную роль играет тот факт, что виртуальные инструменты повышают интерес, делают обучение привлекательным, все большее число обучающихся вовлекается в образовательный процесс. Использование VR-образования расширяет образовательные горизонты, делает обучение более доступным для лиц любого возраста. Вместе с тем имеются сложности, связанные со стоимостью VR-программ, с неумением качественно и эффективно пользоваться ими, с технологическими фобиями, которые могут порождать негативные эмоционально-психологические состояния. Тем не менее, они все больше проникают в образовательную деятельность, и данное обстоятельство ставит перед IT-специалистами и педагогическим сообществом задачу создания VR-образовательных программ и в целом цифрового образовательного контента. Уже сегодня существуют образовательные программы, которые используются в учебном процессе. Так, с помощью космического симулятора Universe Sandbox обучающиеся могут наблюдать различные явления – процессы гравитации, физические взаимодействия в космосе и т. д. Это и The Body VR – один из лучших анатомических симуляторов, позволяющий «путешествовать» внутри человеческого тела, наблюдать за его функционированием; в Organon VR Anatomy, первом в мире атласе анатомии человека в VR, собрано более 4 000 реалистичных анатомических моделей; Google Earth VR дает возможность увидеть мировые достопримечательности [1].

Методы обучения, основанные на VR-образовательных программах, отличаются от классических практик. Они требуют от обучающихся личной заинтересованности, постоянной и кропотливой работы с учебным материалом, освоение которого возможно на основе дополнительных знаний, не предусмотренных программой и в силу этого требующих разъяснений со стороны педагога. Применение VR-образования позволяет смоделировать любую среду – физическую или визуальную, погрузиться «в транслируемый с различными воплощениями материал, с возможностью осуществления действий с виртуальными предметами и объектами, содействующими получению сложного опыта» [2]. Виртуаль-

ная реальность вкупе с AR-обучением (дополненная реальность), направленная в основном на визуализацию образовательных программ, облегчает процесс познания, повышает уровень мотивационной активности обучающихся, дает возможность увеличить объем необходимых знаний, проводить сопоставительный анализ и приходиться к более глубоким выводам аналитического свойства. Каждая из этих форм обучения занимает свое особое место в практиках обучения, но «заслуга» AR-обучения состоит в том, что оно «поставляет» данные об окружающем мире, на основе сенсорных восприятий происходит совмещение реального мира и дополнительных данных, которые находятся в пространстве восприятия индивида. Появление дополненной реальности вызвано потребностями все более усложняющегося образовательного процесса, для успешной реализации которых одной VR-реальности недостаточно. Таким образом, можно вести речь об использовании т. н. гибридной реальности.

Если виртуальная реальность позволяет смоделировать реальные процессы с помощью цифровых инструментов, то задачей дополненной реальности является превращение реальности в цифровой интерфейс – фактора, способствующего индивидуализации обучения. Речь идет о формировании и учете когнитивных способностей обучающихся, что позволяет подобрать такой образовательный материал, который им «по силам». Использование IT-технологий в процессе обучения может осуществляться в пространстве различных виртуальных и симуляционных сред, причем нередко в игровой форме, как в очном, так и в дистанционном формате. Играизация (или геймификация), или процесс включения игровых элементов в образовательный курс, имеет широкое применение, поскольку повышает интерес в целом к науке и изучаемым предметам, способствует большему вовлечению в учебный процесс. Ее достоинство состоит в формировании мыслящего индивида, востребованного усложняющимися условиями жизни, что является одной из задач современной системы образования. Кроме того, использование VR-технологий расширяет пространство коммуникационных взаимодействий, что крайне важно в условиях глубоких трансформаций, затронувших общество и социальные структуры разного уровня. Применение игровых методик становится одним из трендов развития образования, особенно в ситуации переосмысления и реформатирования учебных программ и методов обучения. Ученые справедливо настаивают на том, что играизацию не следует понимать «упрощенно, как применение очевидных игровых приёмов компьютерных игр. Если геймификацию рассматривать в ка-

честве...инструмента повышения вовлеченности участников в процесс, развития их внутренней мотивации, то применяемые игровые элементы должны соответствовать их индивидуальным особенностям» [3, с. 257].

Жизнь современного человека протекает в пространстве двух реальностей – подлинной и виртуальной. Технологии, с ними связанные, именуются смешанной реальностью, а технологии дополненной реальности дополняют окружающий реальный мир различной информацией – звуковой, тактильной, визуальной и т. д. И это создает, с одной стороны, определенные трудности, в том числе и в сфере образования, а с другой – облегчает процесс обучения. VR-образование привлекательно тем, что в виртуальной реальности можно увидеть то, чего нет в реальном мире, но что необходимо знать: можно проводить лабораторные работы, моделировать те или иные проекты и программы, знакомиться с достижениями современной науки, с новыми интерпретациями известных теорий и положений. Свойством виртуальной реальности является возможность установления и расширения интерактивных форм взаимодействия, обмена знаниями и информацией. Что касается дополненной реальности, то ее свойства применимы в естественных и инженерных науках, физике, математике, кибернетике и в других областях научного знания, где используются лабораторные работы и в которых востребована визуализация материала. Опыты, проводимые на занятиях по естественным наукам, нередко представляют опасность, поэтому обращение к виртуальной реальности снимает возможные риски. С помощью существующих приложений можно увидеть природу и структуру различных физических, химических, биологических явлений. Они могут быть применимы и к математике, особенно в вопросах, имеющих отношение, к примеру, к формированию «пространственного мышления... с VR/AR-технологиями эту проблему можно решить» [4], равно как и к тем, которые представляют сложность для рассмотрения в реальных условиях. Кроме наглядности, которая присуща AR-образованию, можно выделить такие его преимущества, как возможность осуществлять интерактивное, практико-ориентированное, персонализированное обучение. Благодаря использованию VR/AR-технологий глубже усваивается образовательный курс, происходит синтез теоретического, практического и прикладного знания, что способствует углублению процесса познания и повышению эффективности практической деятельности. Но в отличие от VR-обучения, AR-технология обладает тем преимуществом, что не требует наличия дорогостоящих мобильных устройств, а ее приложения могут быть

на смартфоне, который имеется практически у всех обучающихся.

Как считают специалисты, виртуальная реальность – это «возможность быстро и безопасно погрузить учащегося в учебные ситуации – от постановки эксперимента в лаборатории до проведения археологических раскопок. VR – не панацея, но когда в разработке учитывается логика преподавания предмета и задаются корректные модели, результат может превзойти ожидания» [5]. Преимущества применения VR-технологий очевидны, поскольку они воздействуют на органы чувств, а с их помощью, как известно, информация воспринимается и запоминается наилучшим образом. Современное поколение выросло в пространстве «цифры», хорошо в нем ориентируется, успешно использует цифровые инструменты, является участником социальных сетей. Цифровые технологии повышают заинтересованность в учебе, стимулируют процесс получения знаний, а также упрощают в некотором смысле учебный процесс: поскольку образовательные программы и дисциплины все более усложняются, необходимость применения обучающих устройств неуклонно растет. Это и возможность получения т. н. удаленного образования через онлайн-формат.

Но следует отметить и минусы, которые состоят в сложности сочетания виртуальной и дополненной реальности. Во-первых, и это отмечают специалисты, существуют риски чрезмерного увлечения виртуальным миром, что отвлекает обучающегося от учебного процесса. Во-вторых, играизация, как одна из форм обучения, нередко понимается как игра, развлечение, а это ведет к восприятию процесса познания как легкого занятия, не требующего напряжения силы, воли и ума, что отражается на качестве знания и успеваемости. В-третьих, применение VR-инструментов затруднительно по причине того, что временные рамки школьных занятий оказываются недостаточными, – обучение с помощью виртуальных средств требует рационального и взвешенного подхода к их использованию. В-четвертых, неготовность педагогов, придерживающихся классической системы образования, признать эффективность VR-технологий в качестве инструмента, позволяющего овладевать новой образовательной парадигмой. В-пятых, возрастают риски, связанные с увлеченностью «цифрой», вследствие чего происходит уход в киберпространство, а это может привести к компьютерному эскапизму, к невозможности возврата в мир подлинной реальности с ее проблемами и противоречиями.

Процесс внедрения виртуальных инструментов в образование является не простым процессом. Сложность заключается в соразмерном ис-

пользовании смешанных форм обучения, в признании того, что VR-инструменты выводят образование на новую ступень развития, а благодаря быстрым темпам получения необходимой информации (в сравнении с традиционными образовательными практиками) образование становится адекватным происходящим технологическим изменениям. Практика показывает, что виртуальный мир оказывается более реальным, чем сама реальная действительность, а его проникновение в пространство социума свидетельствует о степени его конкурентоспособности и продуктивности. Все большее применение технологических инструментов во всех отраслях экономической и социальной деятельности приводит к необходимости владения соответствующими компетенциями, в формировании которых огромную роль играет VR и AR-образование.

Сказанное позволяет прийти к выводу о том, что образовательные форматы различны, но преимущества AR и VR-обучения очевидны: использование виртуальной и дополненной реальности способствует развитию интерактивного обучения, совершенствованию образовательного процесса, приближению его к потребностям цифровой экономики, которая требует нового уровня специализированных знаний – как теоретических, так и практических. Усиливающаяся цифровая трансформация придает виртуальной и дополненной реальности новый смысл и значение, расширяет и делает беспредельными границы и возможности их применения.

Список литературы:

1. Краюшкин Н. Виртуальная реальность в образовании. // URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (Дата посещения: 05.01.2023).
2. Хозе Е.Г. Виртуальная реальность и образование. // URL: <https://cyberpsy.ru/articles/virtualnaya-realnost-obrazovanie/> (Дата посещения: 05.01.2023).
3. Мерзлякова О.П. Геймификация образовательного процесса как инструмент развития мышления школьников // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3 (92). С. 255-261. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (Дата посещения: 07.01.2023).
4. Гурова Т.И., Заболотников В.С., Ярмухаметова И.В. Внедрение современных технологий в образовательный процесс: использование технологий виртуальной и дополненной реальности // Интерактивное образование. 2020. № 1. С. 24-28. // URL: <https://interactiv.su/2020/07/04/внедрение-современных-технологий-в-о/> (Дата посещения: 07.01.2023).
5. Обучение будущего: заменит ли виртуальная студия учителей и учебники? // URL: <https://rb.ru/longread/VR-education> (Дата посещения: 07.01.2023).

Bibliography

1. Krayushkin N. Virtual reality in education. // URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (01.05.2023).
2. Jose E.G. Virtual reality and education. // URL: <https://cyberpsy.ru/articles/virtualnaya-realnost-obrazovanie/> (01.05.2023).
3. Merzlyakova O.P. Gamification of the educational process as a tool for developing the thinking of schoolchildren // Scientific notes of the Oryol State University. Series: humanities and social sciences. 2021. № 3 (92). P. 255-261. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (01.07.2023).
4. Gurova T.I., Zabolotnikov V.S., Yarmukhametova I.V. Introduction of modern technologies into the educational process: the use of virtual and augmented reality technologies // Interactive education. 2020. № 1. P. 24-28. // URL: <https://interactiv.su/2020/07/04/внедрение-современных-технологий-в-о/> (01.07.2023).
5. Learning of the future: will the virtual studio replace teachers and textbooks? // URL: <https://rb.ru/longread/VR-education> (01.07.2023).

Р

ЕЦЕНЗИЯ

*Шанхайский
политико-юридический университет*

Чжан Сяолин

*Доцент кафедры русского языка
Института языков и культуры.
Шанхайский политико-юридический университет.*

**Размышления о методике обучения
на основе практики преподавания русского языка
в университете – рецензия на книгу
«Психология преподавания русского языка»**

Методика преподавания русского языка в Китае является относительно молодой, самостоятельной дисциплиной. Строго говоря, методика обучения русскому языку, рассматриваемая в данной статье, представляет собой обучение русскому языку как иностранному, где объектами обучения выступают студенты, не являющиеся носителями языка. Исследование методики преподавания русского языка основано на многолетней педагогической практике в области преподавания русского языка, объектом исследования является стратегия преподавания русского языка, целью исследования служат инновации в области методологии преподавания русского языка. Исследование направлено на постоянное совершенствование педагогического планирования, оптимизацию учебного процесса, повышение эффективности обучения посредством использования научных, практических, эффективных методов обучения.

Методика обучения русскому языку является научным продуктом и имеет как сходства, так и различия с методиками обучения другим дисциплинам. На протяжении всего процесса обучения русскому языку необходимо хорошо усвоить принципы межкультурной коммуникации, сделать акцент на «культурном переносе» (аккультурация), обращать внимание на наблюдения за настроениями учащихся, регулировать их, мастерски использовать такой способ обучения, как оптимизация эмоциональных состояний. Преподавание – это и мастерство, и искусство: знания и методики в области лингвистики и педагогики относятся к базовым педагогическим способностям, в то время как психология, эстетика, философия преподавания определяют навыки на уровне искусства преподавания. Преподавателям русского языка в университетах стоит обратить внима-

ние на передовые достижения научной мысли, на актуальные вопросы в кругах научного сообщества, одновременно с этим должное внимание необходимо уделять специализации в области педагогической психологии, следует непрестанно учиться, повышая уровень своего педагогического искусства.

Ли Гочэнь – известный китайский преподаватель русского языка, профессор факультета русского языка Пекинского университета, научный руководитель докторантов по направлению «Методика преподавания русского языка», профессор занимается преподаванием русского языка 45 лет, а методикой преподавания русского языка – около 30 лет. Данная книга является результатом ее многолетней педагогической практики. Опираясь на свой многолетний опыт педагогической практики, автор в данной работе анализирует, аргументирует и делает выводы о положительной роли преподавания психологии в совершенствовании преподавания русского языка. До выхода данной книги были также опубликованы работы Ли Гочэнь «Как выучить русский язык» [1], «Исследование методики преподавания русского языка» [2], «Оптимизация процесса обучения русскому языку» [3], кроме того, Ли Гочэнь перевела работу советских педагогов Л.М. Фридмана и К.Н. Волкова «Практическая психология для учителей начальной и средней школы» [4].

Любое обучение в классе – это, по сути, вопрос о том, как «учить» и как «учиться» [5, с. 61]. В данной книге, начиная с роли учителя в процессе обучения, рассказывается, как преподавать научно, художественно и эффективно. Книга разделена на четыре части: предисловие, введение, основная часть и список литературы. Основная часть включает в себя 9 глав.

Глава первая: «История и современность методики преподавания русского языка». В данной главе автор книги знакомит с развитием методики преподавания иностранных языков в мире и методики преподавания русского языка как иностранного, дает краткий ретроспективный обзор истории и современности преподавания русского языка в Китае и в других странах, описывает свое восприятие и свои размышления касательно преподавания иностранных языков в Китае и методики преподавания русского языка. Автор считает, что в преподавании русского языка, во-первых, необходимо уделять должное внимание науке, во-вторых, необходимо сделать так, чтобы наука вошла в учебные аудитории, в-третьих, следует опираться на реальные условия преподавания педагога и его практику преподавания.

Глава вторая: «Сущность методики преподавания русского языка». Данная глава разделена на четыре подраздела: «Характер и особенности преподавания русского языка», «Значение психологии в методике преподавания русского языка», «Методика преподавания русского языка и других смежных дисциплин» и «Понимание сущности методики преподавания русского языка». В этих подразделах в основном даются ответы на вопросы, что такое методика преподавания русского языка, что является основными задачами и областью исследований методики преподавания русского языка. Что касается предметов, связанных с методикой преподавания русского языка, то автор книги считает, что психология имеет к ней самое непосредственное отношение. Значение психологии в методике преподавания русского языка заключается в том, что она раскрывает психологический механизм процесса обучения, психологические факторы, влияющие на преподавание и учебу, способствует реализации оптимизированного обучения [1, с. 41]. Кроме того, развитие современной эстетики и исследования, проводимые в данной области, способствовало возникновению педагогической эстетики. В этой главе автор также поднимает проблему эстетики преподавания русского языка, что является новой идеей в области преподавания русского языка в Китае.

Глава третья: «Особенности психологического развития студентов и общие корректирующие меры воспитательно-педагогической деятельности». В настоящее время в Китае насчитывается более 180 университетов, имеющих специальность «русский язык», группы изучающие русский язык в основном состоят из студентов университетов. Автор книги – профессор русского языка в Пекинском университете, и объектом обучения для нее являются, по большей части, студенты университетов. По сравнению с психологическими исследованиями, касающимися учащихся начальной и средней школы, в китайских академических кругах психологические исследования, относящиеся к студентам университетов, недостаточно развиты. Автор считает, что изучение психологии студенческой молодежи очень важно для преподавания русского языка в вузе.

Глава четвертая: «Формирование мотивации и интереса студентов к изучению русского языка». В этой главе рассматривается, как эффективно организовать занятия в классе. Автор утверждает, что мотивация и интерес к учебе служат внутренним стимулом в процессе обучения, преподаватели должны уделять должное внимание стимулированию и культивированию у учащихся мотивации и интереса к учебе. По мнению автора, существуют особенности, которые нельзя игнорировать при изучении

русского языка старшекласниками. Преподаватели должны знать психологические особенности учащихся, чтобы иметь возможность развить их энтузиазм в учебе. Автор, соединяя собственную педагогическую практику и опыт, анализирует особенности в обучении старшекласников, изучающих русский язык, факторы, влияющие на их активность в учебе, описывает конкретные методы стимулирования энтузиазма старшекласников в учебе.

Глава пятая: «Развитие когнитивных способностей в процессе обучения русскому языку». Автор не раз упоминает в книге о том, что процесс преподавания любой дисциплины является психологическим процессом, включающим в себя познавательный, эмоциональный, волевой процессы. В данной главе анализируются особенности познавательного процесса студентов, изучающих русский язык, рассказывается, каким образом осуществлять тренировку базовых навыков владения языком, как развивать у студентов коммуникативные способности и творческое мышление. В этой же главе говорится о понятии «манера обучения у студентов», то есть, об их познавательном стиле [1, с. 143], указывается на то, что в процессе обучения следует не только обращать внимание на то, как преподает учитель, но и на то, как учится студент. Поняв под влиянием каких факторов сформировался стиль обучения студентов, можно, направляя учащихся, помочь им улучшить стиль обучения, развить эффективный стиль изучения иностранного языка, руководить обучением студентов, воспитывать учащихся, которые «умеют учиться». В конце этой главы также предлагается анализировать языковые ошибки учащихся, чтобы эффективно предотвращать появление ошибок и исправлять их.

Глава шестая: «Роль неинтеллектуальных факторов в обучении русскому языку». В данной главе рассматривается роль неинтеллектуальных факторов в процессе обучения, таких как эмоции, воля и другие. Автор считает, что неинтеллектуальные и интеллектуальные факторы в процессе обучения представляют собой диалектическое единство и дополняют друг друга. Вначале автор анализирует, как отличаются эмоциональные и волевые характеристики студентов, обучающихся по специальности «русский язык», от таких же характеристик студентов других специальностей, затем описывает роль «ожиданий преподавателя», рассказывает, как сама в процессе педагогической практической деятельности использовала «эффект ожидания» для улучшения учебного процесса. В конце главы автор анализирует мешающие обучению психологические барьеры, с которыми могут столкнуться учащиеся, например, беспокойство,

равнодушие, обратная реакция и другие проявления, причины и пути устранения негативных эмоций.

Глава седьмая: «Психологические особенности студентов разных лет обучения специальности «русский язык» и учебная направленность». В этой главе анализируются характеристики учебного процесса учащихся разных лет обучения, обобщаются психологические особенности учащихся разных лет обучения во время учебного процесса, учитываются различия, отдельно (для студентов разных лет обучения) описываются неодинаковые методики обучения, даются различные учебные «подсказки». Автор считает, что преподаватели в процессе обучения должны учитывать психологические особенности студентов, таким образом, обучение будет реализовываться в соответствии с объективными закономерностями, станет более направленным и более эффективным.

Глава восьмая: «Межличностные отношения во время урока иностранного языка». Межличностные отношения во время урока иностранного языка можно назвать душой аудиторного обучения [1, с. 221]. Автор книги считает, что межличностные отношения – это разновидность социальных отношений, представляющих собой психологические отношения между людьми. Преподаватель и ученик – субъекты образовательного процесса, а активное сотрудничество двух сторон – залог успешного образовательного процесса. Автор придерживается точки зрения, согласно которой преподаватели должны иметь правильное понимание того, что из себя представляет занятие по иностранному языку, знать, что учебный процесс на занятии по иностранному языку ориентирован, прежде всего, на коммуникацию, в которой преподаватели и студенты выступают субъектами учебного процесса. Преподаватели должны уделять внимание созданию благоприятного психологического климата на уроке иностранного языка, формировать верное представление о предмете у учащихся. В конце главы автор излагает методику создания благоприятного психологического климата на уроке, рассказывает о влиянии индивидуальных особенностей студентов университетов на межличностные отношения в процессе обучения, а также о мерах, которые преподаватель может предпринимать для стимулирования построения хороших отношений между человеком и компьютером во время аудиторных занятий.

Глава девятая: «Профессионально-психологические качества преподавателей русского языка». Эта глава посвящена обсуждению того, каким человеком должен быть учитель иностранного языка и какими профессиональными качествами он должен обладать. По мнению автора, про-

фессионально-психологические качества преподавателей русского языка имеют как общие черты с преподавателями других специальностей, так и черты отличные. Но, в целом, преподаватели русского языка должны иметь соответствующие моральные качества, обладать глубокими знаниями, прекрасными педагогическими способностями, то есть, навыками педагогического мастерства, им следует хорошо разбираться в методике преподавания. В конце главы автор рисует портрет идеального учителя в представлении учеников.

Являясь в китайско-российских академических кругах первой работой, в которой с точки зрения педагогической психологии системно исследуется методика преподавания русского языка, книга отличается от других работ по методике преподавания русского языка. Главные особенности и значение этой книги заключаются главным образом в следующих аспектах:

Во-первых, богатое научное содержание, точное изложение, яркие примеры, исчерпывающая аргументация, наличие инновационных подходов. В книге автор четко разбирает историю и современное состояние методики преподавания русского языка; анализирует суть методики преподавания русского языка, особенности психологического развития студентов, мотивацию к учебе, формирование интереса к учебе, развитие когнитивных способностей; описывает взаимосвязь неинтеллектуальных факторов и преподавания русского языка; исследует психологические особенности студентов разных лет и учебную направленность; говорит об отношениях человека и компьютера на уроках русского языка.

Во-вторых, будучи первооткрывателем в области системного исследования психологии преподавания русского языка в китайских университетах, профессор Ли Гочэнь в своей работе разбирает, анализирует и обобщает методики преподавания, разрабатываемые китайскими и зарубежными специалистами в области педагогики и педагогической психологии, что имеет практическое значение в академической среде для молодых преподавателей, так как позволяет им понять методику преподавания русского языка, психологию педагогики, помогает повысить уровень педагогических навыков.

В-третьих, содержание данной книги отличается высоким уровнем новаторства, а опыт, представленный в ней, имеет практический характер. В своей работе автор творчески выдвигает много новых концепций и идей, связанных с методикой преподавания. Эти идеи способны вдохновить молодых работников образования в области преподавания

русского языка. Кроме того, опыт и методики, представленные в этой книге, будут крайне полезны преподавателям русского языка в китайских университетах.

За всю более чем семидесятилетнюю историю преподавания иностранных языков в новом Китае в китайских академических кругах прежде не была опубликована подобная монография. Содержание данной книги может подтолкнуть преподавателей русского языка к глубокому размышлению о применении педагогической психологии в процессе обучения русскому языку; заставит молодых учителей уделять большее внимание освоению методики преподавания и оптимизации учебного процесса, позволит изучить педагогическую психологию, эстетику преподавания, способствует непрерывному повышению уровня преподавания.

Без сомнения, издание данной работы имеет большое значение для продвижения преобразования методики преподавания русского языка в китайских университетах, поэтому имеет смысл рекомендовать академическим кругам в области преподавания русского языка эту прекрасную книгу, написанную китайским специалистом, исследующим методику преподавания русского языка. Концепции, выдвинутые в книге, опыт, представленный в ней, могут быть полезны для преподавателей в Китае и других странах, интересующихся преподаванием русского языка как иностранного, также книга вдохновит тех, кто занимается методикой преподавания.

Список литературы:

1. Ли Гочэнь. Как учить русский язык. – Харбин: Народное издательство провинции Хэйлунцзян, 2004.
2. Ли Гочэнь. Исследование методики преподавания русского языка. – Пекин: Народное образование, 2005.
3. Ли Гочэнь. Оптимизация процесса преподавания русского языка. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2010.
4. Фридман Л.М., Волков К.Н., перевод: Ли Гочэнь. Практическая психология для учителей начальной и средней школы, 1993.
5. Сюй Чуаньхуа. Процесс интернационализации и изменения в области преподавания русского языка, исследование теории и практики преподавания русского языка. / Под ред. Чжан Цзыли, Сюй Хунчжу. – Гуанчжоу: ООО Издательство Мировая литература, Гуандун, 2017. С. 58-65.

Bibliography

1. Li Guochen. How to learn Russian. – Harbin: People's Publishing House of Heilongjiang Province, 2004.
2. Li Guochen. Research into methods of teaching the Russian language. – Beijing: Public Education, 2005.
3. Li Guochen. Optimization of the process of teaching the Russian language. – Beijing: Peking University Press, 2010.
4. Friedman L.M., Volkov K.N., translation: Li Guochen. Practical psychology for primary and secondary school teachers, 1993.
5. Xu Chuanhua. The process of internationalization and changes in the field of teaching the Russian language, a study of the theory and practice of teaching the Russian language. / Ed. Zhang Zili, Xu Hongzhu. – Guangzhou: World Literature Publishing House LLC, Guangdong, 2017. P. 58-65.

Аннотации

Рыбаков С.В.

О некоторых линиях становления и развития политологии

В статье отмечены некоторые значимые по смыслу этапы становления политической науки. Указывается, что, несмотря на появление этой отрасли знаний в глубокой древности, её становление растянулось на многие века: выработке интегрального взгляда на политическую деятельность препятствовали культурно-ментальные особенности разных стран. Показано, как наличие этих особенностей повлияло на формирование подходов к развитию политической науки во Франции, США, Великобритании и Германии. Говорится о том, что целенаправленные усилия по преодолению разночтений в трактовке предмета, целей и методов политологии стали предприниматься после окончания II мировой войны. Подчёркивается определённая эффективность этих мер. При этом, однако, констатируется, что на сегодняшний день они не смогли полностью подчинить политические исследования единым схемам и правилам.

Ключевые слова: политология, становление, развитие, национальные особенности, интеграция.

Грядунюв Ю.Ю.

Понятие и основные направления развития государственной политики по укреплению традиционных идейных ценностей среди населения России

В эпоху повсеместной глобализации мир столкнулся с отторжением традиционных ценностей, и переходом части стран на новый формат неолиберального развития, в котором понимание этого феномена трактуется в разных контекстах. Люди начинают воспринимать мир по-разному, в силу развития новых идейных концепций, в результате чего на первое место выходят ценности, исключающие семью, государство, и человека, как основного участника общественных отношений. В этой связи проявляется особая важность в разработке государственной политики по укреплению традиционных ценностей среди населения страны, поскольку именно данный фактор способствует формированию устойчивого, социально стабильного общества, нацеленного на развитие собственной страны, приверженного её интересам и самобытности. Традиционные ценности выстраиваются на истории государства,

определяющей тип жизнедеятельности людей, нацеленный на развитие и улучшение качества проживания в стране. Данная статья нацелена на исследование основных направлений формирования государственной политики в данном контексте, с целью чего изучены основные понятия традиционных ценностей и в мире, концепции, которые свойственны современному этапу времени. При этом сделан вывод, что именно традиционные ценности являются базисными в основе мировоззрения и стабильности развития любого государства, поскольку они учитывают потребности и возможности человека, заложенные ему на биологическом уровне.

Ключевые слова: идейные ценности, традиции, государство, политика, влияние, глобализация, либерализация.

Галаганова С.Г.

Традиция и архаика в аксиологическом измерении

Статья посвящена анализу традиции и архаики как содержательно противостоящих друг другу, взаимоисключающих явления: традиция рассматривается как механизм обновления социума, архаизация – как фактор социального регресса. Выявление антагонистической сущности данных феноменов является, по мнению автора, необходимым условием предотвращения угрозы деградации российского социума в результате внедрения элементов архаики под видом традиционных ценностей.

Ключевые слова: традиция, традиционный, национальная традиция, ценность, аксиология, аксиологический, традиционные ценности, национальные ценности, архаика, архаизация.

Гапоненко Л.Б.

Правовые основы системы социально-экономических гарантий сотрудников МЧС России

Целью статьи является теоретико-методологическое обоснование возникновения и существования социально-экономических прав человека, их конституционное закрепление в современных государствах. В статье излагается специфика предоставления социально-экономических гарантий сотрудникам МЧС России на современном этапе, приводится теоретическое, нормативно-правовое обоснование путей совершенствования деятельности органов и структур государственного управления по обеспечению социально-экономических гарантий со-

трудникам министерств и ведомств.

Ключевые слова: система правовых гарантий, социальная защита, экономическое стимулирование, социально-экономические права.

Полончук Р.А.

Военные доктрины США и КНР:

геополитические аспекты сдерживания в современных условиях

В статье проведен анализ основных положений военных доктрин двух мировых сверхдержав: США и КНР. Показаны сходства и различия в подходах к планированию и организации деятельности по военному строительству, а также подходы к анализу и оценке угроз военной безопасности.

Ключевые слова: военная политика, вооруженные силы, военное строительство, военное планирование, реформа вооруженных сил, КНР, США.

Оян Мэйхэ

Сунь Ань

О функции нравственного воспитания литературы как курса, на примере курса английской литературы

Преподавание литературы – это не только процесс эстетики, но и процесс нравственного воспитания. Хотя Китай и Запад имеют разное культурное происхождение, они имеют долгую историю и всеобщее признание нравственного воспитания. Китайская и западная литература не только несут богатый культурный подтекст, но и содержат глубокий гуманистический дух, который всегда обеспечивает духовную пищу и моральную опору для людей, живущих в материальном мире. Больше внимания следует уделить функции нравственного воспитания в преподавании литературы. Курсы литературы не только способствуют совершенствованию языковых навыков учащихся, но и несут функцию нравственного воспитания учащихся. Поэтому необходимо также повышать сознательность преподавания литературы в целях нравственного воспитания. Чтобы прояснить функцию нравственного воспитания цели преподавания литературы, обратить внимание на нравственное воспитание в содержании преподавания литературы, реформировать метод преподавания литературных курсов и добиться «продвижения нравственности посредством способностей», это не

только может улучшить обучающий эффект курсы литературы, но также могут повысить моральный уровень студентов, чтобы способствовать их гуманистическому и всестороннему качеству, то есть «развитию способностей посредством морали».

Ключевые слова: курсы литературы, моральная функция, продвигать нравственность способностями, продвигать способности нравственностью.

Боярский П.В.

**Влияние миграционной политики
Германии на процесс приема просителей убежища
во Франции после Европейского
миграционного кризиса 2015 года**

В общественных и политических дискуссиях во Франции миграционную политику Германии, а в частности политику приема беженцев, считают хорошим примером для подражания. При этом фактически отсутствуют работы которые бы сравнивали французскую и немецкую модели, хотя стоит отметить, что миграционная политика, система распределения просителей убежища, организация и результаты процедуры предоставления убежища, а также различные национальные концепции интеграции, несмотря на их схожесть, по-прежнему отмечены сильными различиями. Данная статья изучает влияние политики в отношении вышеупомянутой категории во Франции и Германии (влияние миграционной политики Германии на миграционную политику Франции).

Ключевые слова: миграционная политика, Германия, проситель убежища, беженец, сравнительное исследование, Франция.

Гасанов Эльмин Агамуса оглу

**Международное гуманитарное право
в контексте современных вызовов**

В статье говорится о влиянии вызовов современной эпохи на международное гуманитарное право. Радикальные изменения в системе международных отношений в условиях глобализации: усиление роли и влияния негосударственных акторов, асимметричное применение силы в результате трансформации вооруженного насилия, сужение сферы применения международные нормативные нормы и т.д. тенденции ослабляют роль ВНН перед лицом вызовов современной эпохи.

Урбанизация войн, постоянный рост числа жертв среди граждан-

ского населения, ограничение возможностей оказания необходимой помощи пострадавшим от войны, деструктивная деятельность негосударственных субъектов в этом направлении препятствуют эффективному применению международных гуманитарных норм. Выход из проблемы заключается в продвижении возможностей адаптации ЧДГ к новой реальности.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, современные вооруженные конфликты, городские боевые действия, МККК, гуманитарная помощь.

Чжоу Яньян

Российско-китайские отношения в начале XXI века: достижения и проблемы

Данная работа посвящена исследованию Российско-китайских отношений в начале XXI века. Работа разделена на две части. Первая часть описывает процесс развития отношений двух стран в начале XXI века, в том числе развитие сотрудничества двух стран в различных сферах: политической, культурной, экономической, антикризисной, сфере борьбы с терроризмом за последние двадцать лет. Описаны успехи в сотрудничестве, которые были достигнуты за эти годы Китаем и Россией. Вторая часть посвящена анализу существующих проблем в развитии отношений двух стран. Несмотря на то, что в процессе развития взаимоотношений между Россией и Китаем существует множество проблем, каждая сторона старается найти точки взаимодействия и стремится к сотрудничеству, чтобы принести благо народу обеих стран.

Ключевые слова: международные отношения, сотрудничество, российско-китайские отношения.

Сулейманов А.Р.

Евразийская интеграция во внешнеполитическом дискурсе постсоветских государств

В международном политическом дискурсе сложилось узкое понимание евразийской интеграции, не отвечающее национальным интересам России и других стран-участниц СНГ. Для многих постсоветских государств евразийская интеграция рассматривается в контексте их взаимодействия с Россией. Этот аспект находит отражение в моделях внешних политик стран бывшего СССР.

В статье представлены четыре модели таких политик: националисти-

ческая, либеральная, прагматическая и добрососедская. Автор приходит к выводу, что модель добрососедства является наиболее универсальной и устойчивой для постсоветского пространства. Она совмещает в себе три компонента: общий историко-культурный опыт, географическую близость и политику добрососедства. Принятие этих компонентов служит базисом евразийской интеграции, способствует выстраиванию коммуникаций с соседями по приоритетному принципу и открывает новые страницы в отношении государств.

Ключевые слова: евразийская интеграция, внешняя политика, курс, постсоветское пространство, добрососедство.

Бегларян Г.А.

Калугина П.П.

Половинчикова А.В.

Кабышева А.Ю.

Шпицберген

в контексте санкционного давления 2022-2023 гг.

В статье анализируется влияние усиливающегося кризиса в отношениях между Россией и Западом на политизацию вопросов сотрудничества в арктическом регионе. Для оценки влияния международного кризиса на сотрудничество по Арктике в статье рассматривается динамика российско-норвежских отношений в контексте взаимодействия по вопросам, связанным с архипелагом Шпицберген, и основные препятствия на этом направлении. В работе сделан особый акцент на негативном влиянии новых антироссийских санкций 2022-2023 гг. на развитие двустороннего диалога и сотрудничества по Шпицбергену.

Ключевые слова: российско-норвежские отношения, Шпицберген, санкции.

Конев И.В.

Чуев К.Г.

Социальные переменные проектной деятельности

В данной статье выделены и рассмотрены социальных переменные проектного управления, которые связаны непосредственно с отношениями между участниками данного процесса, их взаимодействием. В этой группе переменных выделены: 1) социальный обмен между участниками проектного управления, 2) особый вид деловой коммуникации, интегрирующий каналы прямой и обратной связи, 3) стиль руководства организа-

цией, коллективом, 4) кумулятивная ответственность, 5) доминирование горизонтальных социальных связей, 6) матричная форма организации.

Ключевые слова: сплоченность, корпоративность, командность, социальный обмен, деловая коммуникация, стиль руководства, кумулятивная ответственность, горизонтальные социальные связи, матричная форма организации.

Нансо М.Д.

VR и AR-технологии в образовательном процессе

В статье исследуются вопросы, связанные с применением VR и AR-инструментов в процессе обучения. Дается анализ понятий VR и AR-технологий, показывается их востребованность в условиях цифровизации образования и формирования нового типа человека, именуемого «digital man». Прослеживается характер воздействия VR и AR-образования на используемые педагогические и дидактические практики, выявляются преимущества и риски виртуального образования.

Ключевые слова: образовательный процесс, цифровые технологии, виртуальная реальность (VR), дополненная реальность (AR), гибридная реальность, геймификация, эскапизм.

Чжан Сяофэй

Сравнение словообразования и стилистических приемов китайской и русской терминов онлайн-игр

В последние годы с развитием интернета термины онлайн-игр больше не ограничиваются игровым кругом, и большинство из них могут выйти за рамки общепринятого и стать онлайн-модными словами. Эти игровые сленги, которые можно назвать профессиональными терминами, не созданы игроками безосновательно, но каждый из них имеет свое собственное происхождение. В данной статье мы берём в качестве примера высокочастотную лексику, используемую игроками в китайских онлайн-играх, анализируем, существуют ли соответствующие эквивалентные слова в русских онлайн-играх, и отдельно исследуем их словообразование и стилистические приемы, чтобы понять этот особый лингвистический феномен и определить, могут ли они играть роль в развитии русского и китайского повседневного языка.

Ключевые слова: игровые сленги, происхождение, словообразование, стилистические приемы.

Чжан Сяолин

**Размышления о методике обучения
на основе практики преподавания
русского языка в университете – рецензия
на книгу «Психология преподавания русского языка»**

Преподавание русского языка в Китае отличается от преподавания русского языка как иностранного в России, различия заключаются в предмете изучения, в учебной среде, в способах организации учебных мероприятий. Преподаватели русского языка должны комбинировать различные учебные ситуации, начинать с предмета обучения, ставить различные учебные задачи и изучать эффективные методы обучения. Для преподавателей русского языка изучение педагогики – это длительный процесс, сопровождающий их на протяжении всей педагогической деятельности. В книге «Психология преподавания русского языка» системно, всесторонне, с научной точки зрения рассматриваются стратегии преподавания русского языка в высших учебных заведениях, анализируется сущность методики преподавания русского языка. С точки зрения психологии в этой книге подробно анализируется, как развить у студентов мотивацию, интерес и способности к обучению, как согласовать предметные отношения между двумя образовательными процессами – «преподаванием (обучением)» и «учебой (восприятием)», как достичь в процессе обучения оптимальных результатов.

Ключевые слова: преподавание русского языка, методика преподавания, преподаватель, психология.

Abstracts

Rybakov S.V.

About some lines of formation and development of political science

The article notes some meaningful stages in the formation of political science. It is pointed out that, despite the fact that this branch of knowledge appeared in ancient times, its formation stretched for many centuries: the development of an integral view of political activity was hindered by the cultural and mental characteristics of different countries. It is shown how the presence of these features influenced the formation of approaches to the development of political science in France, the USA, Great Britain and Germany. It is said that purposeful efforts to overcome discrepancies in the interpretation of the subject, goals and methods of political science began to be undertaken after the end of World War II. A certain effectiveness of these measures is emphasized. At the same time, however, it is stated that these measures have not yet been able to completely subordinate political research to uniform schemes and rules.

Keywords: political science, formation, development, national characteristics, integration.

Gryadunov Yu.Yu.

The concept and main directions of the development of state policy to strengthen traditional ideological values among the population of Russia

In the era of widespread globalization, the world has faced the rejection of traditional values, and the transition of some countries to a new format of neo-liberal development, in which the understanding of this phenomenon is interpreted in different contexts. People begin to perceive the world differently, due to the imposition of ideological concepts on them, as a result of which values that exclude the family, the state, and the person as the main participant in public relations come out in the first place. In this regard, it is particularly important to develop a state policy to strengthen traditional values among the population of the country, since this factor contributes to the formation of a stable, socially stable society aimed at the development of its own country, committed to its interests and identity. Traditional values are built on the history of the state, which determines the type of people's life activity aimed at developing and improving the quality of living in the country. This article is aimed at researching

the main directions of public policy formation in this context, with the aim of which the basic concepts of traditional values in the world, concepts that are characteristic of the modern stage of time, are studied. At the same time, it is concluded that it is traditional values that are the basis for the worldview and stability of the development of any state, since they take into account the needs and capabilities of a person inherent in him at the biological level.

Keywords: ideological values, traditions, state, politics, influence, globalization, liberalization.

Galaganova S.G.

Tradition and Archaization in Axiological Dimension

Tradition and archaization are presented here as antagonistically resisting phenomena: while tradition is appreciated as an everlasting source of national experience and vitality, archaization is argued to be an instrument of social regress. The revival of traditional Russian values is comprehended as a potential risk to confuse these two concepts and trends, thus promoting social destruction.

Keywords: tradition, traditional, national tradition, value, axiology, axiological, traditional values, national values, archaic, archaization.

Gaponenko L.B.

**Legal basis of the system
of socio-economic guarantees of employees of the ministry
of Emergency Situations of Russia**

The purpose of the article is a theoretical and methodological substantiation of the emergence and existence of socio-economic human rights, their constitutional consolidation in modern states. The article describes the specifics of providing socio-economic guarantees to employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia at the present stage, provides a theoretical, regulatory and legal justification for ways to improve the activities of public administration bodies and structures to provide socio-economic guarantees to employees of ministries and departments.

Keywords: system of legal guarantees, social protection, economic incentives, socio-economic rights.

Polonchuk R.A.

**US and PRC military doctrines: geopolitical aspects
of deterrence in modern conditions**

The article analyzes the main provisions of the military doctrines of the two world superpowers: the USA and China. Similarities and differences are shown in approaches to planning and organizing military construction activities, as well as approaches to the analysis and assessment of threats to military security.

Keywords: military policy, armed forces, military development, military planning, reform of the armed forces, China, USA.

Ouyang Meihe
Sun An

On the Function of Moral Education of Literature as a Course — taking English Literature course as an example

Literature teaching is not only a process of aesthetics, but also a process of moral education. Although China and the West have different cultural backgrounds, they have a long history and universal recognition of moral education. Chinese and Western literatures not only carry rich cultural connotation, but also contain profound humanistic spirit, which always provide spiritual food and moral pillar for people living in the material world. More attention should be paid to the function of moral education in literature teaching. Literature courses not only promote the improvement of students' language skills, but also carry the function of moral education to students. Therefore, the consciousness of literature teaching for moral education should also be enhanced. To clarify the moral education function of the purpose of literature teaching, pay attention to the moral education connotation of literature teaching content, reform the teaching method of literature courses, and achieve "promoting morality by ability", not only can improve the teaching effect of literature courses, but also can uplift the moral level of students, so as to further their humanistic and comprehensive quality, that is, "promoting ability by morality".

Keywords: literature courses, moral function, promote morality by ability, promote ability by morality.

Boyarskiy P.V.

The impact of German migration policy on the reception of asylum seekers in France after the 2015 European Migration Crisis

In public and political discussions in France, German migration policy, and in particular the policy of refugee reception, is considered to be a good example to follow. However, there are virtually no works comparing the French and German models, although it is worth noting that migration policy, the system of asylum seeker distribution, the organization and outcomes of the asylum

procedure, and the various national concepts of integration, despite their similarities, are still marked by strong differences. This article examines the impact of policies towards the above mentioned category in France and Germany (The impact of German migration policy on French migration policy).

Keywords: migration policy, Germany, asylum seeker, refugee, comparative study, France.

Hasanov Elmin Agamusa oglu

**International humanitarian law
in the context of contemporary challenges**

The article talks about the impact of the challenges of the modern era on international humanitarian law. Radical changes in the system of international relations in the conditions of globalization: the increase in the role and influence of non-state actors, the asymmetric application of force as a result of the transformation of armed violence, the narrowing of the sphere of application of international legal norms weaken the role of International Humanitarian Law in the face of the challenges of the modern era.

The urbanization of wars, the constant increase in the number of casualties among the civilian population, the limitation of the opportunities to provide the necessary assistance to the victims of war, and the destructive activities of non-state actors in this direction hinder the effective application of international humanitarian norms. The way out of the problem is to encourage the adaptation of International Humanitarian Law to the new reality.

Keywords: international humanitarian law, modern armed conflicts, urban fighting, ICRC, humanitarian aid.

Zhou Yanyan

**Russian-Chinese relations at the beginning
of the XXI century: achievements and problems**

This work is devoted to the study of Russian-Chinese relations at the beginning of the XXI century. The work is divided into two parts. The first part describes the process of development of relations between the two countries at the beginning of the XXI century, including the development of cooperation between the two countries in various fields: political, cultural, economic, anti-crisis, and the fight against terrorism over the past twenty years. It describes the successes in cooperation that have been achieved over the years by China and Russia. The second part is devoted to the analysis of existing problems in the development of relations between the two countries. Despite the fact that there

are many problems in the development of relations between Russia and China, each side tries to find points of interaction and strives for cooperation in order to benefit the people of both countries.

Keywords: international relations, cooperation, Russian-Chinese relations.

Suleymanov A.R.

Eurasian integration in the foreign policy discourse of post-soviet states

The international political discourse has developed a narrow understanding of Eurasian integration that does not meet the national interests of Russia and other CIS member countries. For many post-Soviet states, Eurasian integration is viewed in the context of their interaction with Russia. This aspect is reflected in the models of foreign policies of the countries of the former USSR.

The article presents four models of such policies: nationalist, liberal, pragmatic and neighborly. The author comes to the conclusion that the model of good neighborliness is the most universal and stable for the post-Soviet space. It combines three components: a common historical and cultural experience, geographical proximity and a policy of good neighborliness. The adoption of these components serves as the basis for Eurasian integration, contributes to building communications with neighbors on a priority basis and opens new pages in relation to states.

Keywords: Eurasian integration, foreign policy, discourse, post-soviet space, good neighborliness.

Beglarian G.A.

Kalugina P.P.

Polovinchikova A.V.

Kabysheva A.U.

Spitsbergen in the context of sanctions pressure 2022-2023

The article analyses the impact of the growing crisis in relations between Russia and the West on the politicisation of cooperation issues in the Arctic region. To assess the impact of the international crisis on Arctic co-operation, the article examines the dynamics of Russian-Norwegian relations in the context of co-operation on issues related to the Svalbard archipelago and the main obstacles in this direction. Special emphasis is placed on the negative impact of the new anti-Russian sanctions 2022-2023 on bilateral cooperation on Svalbard.

Keywords: Russian-Norwegian relations, Svalbard, sanctions.

Konev I.V.
Chuev K.G.

Social variables of project activity

This article highlights and discusses the social variables of project management, which are directly related to the relationship between the participants in this process, their interaction. In this group of variables, the following are distinguished: 1) social exchange between participants in project management, 2) a special type of business communication that integrates direct and feedback channels, 3) the style of managing an organization, a team, 4) cumulative responsibility, 5) the dominance of horizontal social ties, 6) matrix form of organizations.

Keywords: cohesion, corporality, teamwork, social exchange, business communication, leadership style, cumulative responsibility, horizontal social ties, matrix form of organization.

Napso M.D.

VR and AR-technologies in educational process

In article the questions connected with application VR and AR-tools in the course of training are investigated. The analysis of concepts VR and AR-technologies is given, their demand in conditions digitalization educations and formations of new type of the person called «digital man» is shown. Character of influence VR and AR-education on used pedagogical and didactic practice is traced, advantages and risks of virtual education come to light.

Keywords: educational process, digital technologies, virtual reality (VR), augmented reality (AR), hybrid reality, gamification, escapism.

Zhang Xiaofei

A comparison of word formation and rhetorical devices in Chinese and Russian online game vocabularies

In recent years, with the development of the network, online game terms are no longer limited to the game circle, most can make themselves known outside of fixed circle and become network buzzwords. These online game terms, which can be called professional terminology, are not created by players out of thin air, but each has its own origin. In this paper, we take the high-frequency vocabulary used by players in Chinese online games as an example, at the same time explore whether there are corresponding equivalent vocabulary in Russian online games, and analyze their ways of word formation and rhetorical devices, so as to understand the linguistic phenomenon in this special field, and

to judge whether it can play a certain role in the development of the Chinese and Russian daily language.

Keywords: game vocabulary, origin, word formation, rhetorical devices.

Zhang Xiaoling

**Reflections on teaching methods
based on the practice of teaching
the Russian language at the university - review
of the book “Psychology of teaching the Russian language”**

Teaching Russian in China differs from teaching Russian as a foreign language in Russia; the differences lie in the subject of study, in the learning environment, and in the ways of organizing educational activities. Russian language teachers must combine different teaching situations, start with the subject of teaching, set different learning objectives and learn effective teaching methods. For Russian language teachers, studying pedagogy is a long process that accompanies them throughout their entire teaching career. The book “Psychology of Teaching the Russian Language” systematically, comprehensively, and from a scientific point of view examines strategies for teaching the Russian language in higher educational institutions and analyzes the essence of the methodology for teaching the Russian language. From the point of view of psychology, this book analyzes in detail how to develop students’ motivation, interest and learning abilities, how to reconcile the substantive relationships between the two educational processes - “teaching (learning)” and “learning (perception)”, how to achieve in the learning process optimal results.

Keywords: teaching the Russian language, teaching methods, teacher, psychology.

Авторы

Бегларян Г.А. - 2 курс магистратуры, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Боярский П.В. - аспирант РАНХиГС (Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), директор МБОУ Петровской СОШ имени Героя РФ Д.В. Межуева.

Галаганова С.Г. - кандидат философских наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана.

Гасанов Эльмин Агамуса оглу - советник юстиции. Министерство юстиции, город Баку.

Гапоненко Л.Б. - кандидат политических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург.

Грядунов Ю.Ю. - аспирант, факультет Государственного и муниципального управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал (г. Орел).

Кабышева А.Ю. - Соискатель.

Калугина П.П. - 2 курс магистратуры, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Конев И.В. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Напсо М.Д. - доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказская государственная академия. Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск.

Оян Мэйхэ - Шанхайский политико-юридический университет.

Половинчикова А.В. - 2 курс магистратуры Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Полончук Р.А. - кандидат политических наук, докторант кафедры внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности, Российская Академия народного хозяйства и государ-

ственной службы при Президенте Российской Федерации.

Рыбаков С.В. - доктор исторических наук, профессор кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет.

Сулейманов А.Р. - кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения, Уфимский государственный нефтяной технический университет.

Сунь Ань - Шанхайский открытый университет.

Чжан Сяолин - доцент кафедры русского языка Института языков и культуры. Шанхайский политико-юридический университет.

Чжан Сяофэй - магистр института иностранного языка, Ланьчжоуский университет (Ланьчжоу, КНР).

Чжоу Яньянь - старший преподаватель, Институт иностранных языков, Цзянсуский научно-технический университет (КНР). 本文作者系江苏科技大学外国语学院周言艳 (讲师)

Чув К.Г. - кандидат социологических наук, коммерческий директор НПЦ «Белагроген».

Authors

Beglarian G.A., Second-year master's degree students of Moscow State Institute of International Relations, Moscow.

Boyarskiy P.V., Postgraduate Student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Principal of the MBOU Petrovskaya Secondary School named after the Hero of the Russian Federation D.V. Mezhueva.

Chuev K.G., Candidate of Sociology, commercial Director of NPC «Belagrogen».

Galaganova S.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. Bauman Moscow State Technical University, Department of Information Analysis and Political Technologies.

Gaponenko L.B., Candidate of Political Sciences, Senior Researcher research department, Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia.

Gasanov Elmin Agamusa oglu, Counselor of Justice. Ministry of Justice, Baku city.

Gryadunov Yu.Yu., Postgraduate student of the Faculty of State and Municipal Administration of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management – branch (Orel).

Kabysheva A.U., Degree-seeking applicant.

Kalugina P.P., Second-year master's degree students of Moscow State Institute of International Relations, Moscow.

Konev I.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Napso M.D., Doctor of Sociological Sciences, Professor of department humanities sciences North-Caucasus State Academy.

Ouyang Meihe, Shanghai University of Politics and Law.

Suleymanov A.R., Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies Ufa State Petroleum Technical University.

Polonchuk R.A., Candidate of Political Sciences, Doctoral student of the Department of Foreign Policy of Russia, Faculty of National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

Polovinchikova A.V., Second-year master's degree students of Moscow State Institute of International Relations, Moscow.

Rybakov S.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department

of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics.

Sun An, Shanghai Open University.

Zhang Xiaofei, Master of Foreign Language Institute, Lanzhou University (Lanzhou, China).

Zhang Xiaoling, Associate Professor of the School of languages and cultures, Shanghai University of Political Science and law.

Zhou Yanyan, Senior Lecturer at the Institute of Foreign Languages, Jiangsu University of Science and Technology (China). 本文作者系江苏科技大学外国语学院周言艳（讲师）

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
ethnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 9,625